

You have downloaded a document from

The Central and Eastern European Online Library

The joined archive of hundreds of Central-, East- and South-East-European publishers, research institutes, and various content providers

Source: Палітычная сфера. Часопіс палітычных даследаванняў

Political Sphere. Journal of Political Studies

Location: Belarus

Author(s): Hans Rothe

Title: Что такое «древнерусская литература»?

What is the "Old Russian Literature"?

Issue: 22-23/2015

Citation style: Hans Rothe. "Что такое «древнерусская литература»?". Палітычная сфера. Часопіс палітычных даследаванняў 22-23:69-160.

<https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=698663>

Что такое «древнерусская литература»?

Уступ перакладчыка

Ганс Ротэ нарадзіўся ў 1928 годзе ў Берліне. Пасля заканчэння сярэдняй школы ў Гамбургу ў 1947 годзе вывучаў славянскую і індаеўрапейскую філалогію, а таксама гісторыю царквы ў Кілі, Марбургу і Лондане. У 1954 годзе атрымаў ступень доктара філалогіі, абараніўшы дысертацыю па царкоўнаславянскай мове. У 1954–1964 гадах працаваў ва ўніверсітэце Марбурга, дзе ў 1963 годзе абараніў габілітацыйную працу па творчасці Карамзіна. У 1966 годзе ўзначаліў кафедру славістыкі ў Бонскім універсітэце, дзе і працаваў да пераходу на пенсію ў 1993. Сёння ўзначальвае Патрыстычную Камісію Акадэміі навук зямлі Паўночны Рэйн–Вестфалія. Аўтар шматлікіх публікацый па гісторыі славянскіх літаратур. Падрыхтаваў і выдаў двухтомны збор “Die älteste ostslawische Kunstdichtung 1575–1647” (*Найданейшая ўсходнеславянская паэзія 1575–1647*) (Гісэн, 1977), у якім, сярод іншых помнікаў, апублікаваў верш Яна Казіміра Пашкевіча “Полска квітнеет лациною...”, а таксама польскамоўныя элегічныя творы з ананімнага зборніка “Рэха жалю” (1635).

Артыкул Г. Ротэ “Was ist «alt-russische Literatur?»” (“Што такое *древ-*

нерусская литература?”) быў упершыню апублікаваны ў 2000 годзе ў Акадэміі навук зямлі Паўночны Рэйн–Вестфалія і да сённяшняга дня не перакладаўся ні на адну з усходнеславянскіх моў. З ласкавага дазволу самога шанюнага аўтара мы выканалі гэтую задачу. Матывацыя выбару мовы для перакладу – рускай – даволі простая. У артыкуле Г. Ротэ даецца падрэбязнейшы бібліяграфічны агляд прац, прысвечаных найдаўнейшаму пісьменству ўсходніх славян, і гэта пераважна публікацыі на рускай мове рускіх аўтараў. Захаванне арыгінальнага напісання іх імёнаў, а таксама многіх рускамоўных тэрмінаў, якія вучоны часта падае ў дужках, істотна змяншае магчымасць верагодных скажэнняў пры перакладзе.

Ніжэй прапанаваны ў нашым перакладзе артыкул напісаны добра сумленным і кампетэнтным вучоным, глыбокім знаўцам як свецкай, так і рэлігійнай літаратуры эпохі Сярэднявечча. Роўнага яму (і гэта не будзе перабольшаннем) наўрад ці можна знайсці ў сучаснай славістыцы. Палемізуючы з калегамі, аўтар глыбока паважае іх. Так, асобнага разгляду заслугоўвае гісторыя славістыкі як навуковай дысцыпліны. Але, праліваючы святло на тыя ці іншыя хітраспаяценні навуковага

дыскурсу славянскай гуманістыкі, Г. Ротэ на першае месца ставіць чалавека – сапраўднага і шчырага рупліўцу-даследчыка; падкрэслівае, што менавіта ў вызначанай ім навуковай галіне “праца вучоных часта была непасрэдна звязана з лёсам самой іх справы”. Асабліва паказальнай у гэтым сэнсе выглядае гісторыя выдатнага расійскага вучонага Аляксандра Аляксандравіча Зіміна (мы дазволілі сабе дапоўніць яе ўспамінамі ўдавы вучонага, гл. заўвага 8 у артыкуле).

Няма сумнення, што сам артыкул Ганса Ротэ – плён шматгадовай карпатлівай і самаахвярнай працы вучонага. Праўда, у асобных сваіх палажэннях праца Ганса Ротэ выглядае дыскусійнай, часам тэндэнцыйнай і нават правакацыйнай. Аднак спосаб выкладу матэрыялу і прыёмы аргументацыі, якімі карыстаецца аўтар, могуць даць прыклад навукоўцам новага пакалення. У прыватнасці, звяртаюць на сябе ўвагу каскады спасылак; імі вучоны суправаджае найперш тыя палажэнні сваёй працы, якія пярэчаць пашыраным, але часта недакладным альбо дрэнна абгрунтаваным уяўленням, перадусім прадстаўленым у расійскай гуманітарнай навуцы. Тонкі досціп даследчыка адцяняе і падкрэслівае яго інтэлектуальную шляхетнасць і слоўную вытанчанасць (якая, прызнаемся, неаднаразова спрычынялася да цяжкасцяў пры перакладзе, але і была неацэннай філалагічнай школай). Гэты досціп нечакана надае жывасць і элегантнасць многім думкам, якія, выйшаўшы з-пад пяра іншага навукоўцы, выглядалі б, хутчэй за ўсё, сухімі канстатацыямі.

Спакойна і карэктна, але ў той жа час, несумненна, кампетэнтна разважае Ганс Ротэ пра вытокі легендарнай рускай духоўнасці. Пры гэтым ён смела пазбаўляе арэолу святасці многія легенды з галіны так званых “славянских древностей”. Так, напрыклад, вельмі падрабязна разглядаецца добра вядомая спецыялістам, у пэўнай ступені нават дэтэктыўная гісторыя знаходкі, апублікавання і далейшай навуковай і культурнай рэцэпцыі “Слова пра паход Игаравы” аналізуюцца ўсе “за” і “супраць” у дачыненні да канцэпцыі вытокаў усходнеславянскага летапісання (тэорыі Шахматава), прынцыпова разглядаецца пытанне пра спосабы ўключэння перакладной літаратуры ў кантэкст гісторыі ўсходнеславянскага пісьменства, пра мэтазгоднасць вывучэння ў гэтым кантэксце літургічнай літаратуры. Робяцца надзвычай цікавыя экскурсы этымалагічнага, гісторыка-культурнага, сацыяльна-палітычнага і тэасофскага характару.

Нямецкі вучоны, не баючыся абвінавачванняў у так званым неразуменні самой сутнасці альбо самога духу рускай культуры, якія часта (здараецца, нават *a priori*) гучаць у адрас “заходніх” вучоных з боку “ультраправаслаўных” даследчыкаў, не хаваецца за атракцыйнымі, хаця часта вельмі размытымі паняццямі пасіянарнасці альбо саборнасці, тым больш “загадочной русской души”. Толькі на грунце вывучэння рэальна існуючых (!) крыніц ён прапануе ўласныя гістарыясофскія высновы, адкідаючы прэч любыя “сомнительные концепты” (А. Панчанка). Дарэчы, менавіта словы незабыўнага Аляксандра Міхайлавіча Панчанкі найлепшым чы-

нам характарызуюць тую метадалогію, на якую слухна арыентуецца Ганс Ротэ: *“Сначала рукописи, мать сыра земля медиевистики, затем любые научные построения – текстологические, историко-литературные и историко-культурные, теоретические”*¹ Паводле гэтай схемы і пабудаваны артыкул нямецкага вучонага. Бездакорнае валоданне пытаннямі тэорыі і практыкі ўсходнеславянскай палеаграфіі і тэксталогіі, шырокая бібліяграфічная абазнанасць і эрудыцыя аўтара робяць яго высновы як мінімум вартымі ўвагі даследчыкаў любой нацыянальнай прыналежнасці, любой ідэйнай або канфесійнай арыентацыі. Матэрыялы артыкула дазваляюць спасцігнуць “сваё” і “чужое” ў духоўнай спадчыне нашых продкаў, зразумець спецыфіку працэсаў культурнага і дзяржаўнага будаўніцтва, перадусім жа – убачыць рэальную панараму развіцця пісьмовай культуры і літаратурнай творчасці на землях усходніх славян у эпоху раняга Сярэднявечча.

“Што такое *древнерусская литература*?” Ганс Ротэ – нішто іншае, як спроба праўдзiва і адэкватна прадставіць унікальны культурны феномен, які не мае сабе падобных у гісторыі сусветнага пісьменства. Не “раздуваючы”, аднак, штучна гэтай унікальнасці. Аб’ект яго даследавання – тая літаратура (або, лепш сказаць, кніжнасць), якую многія пакаленні навучэнцаў і навукоўцаў прызвычайліся называць “*древнерусской*” і якая ў рэальнасці з’яўляецца ста-

ражытнаўсходнеславянскай. Менавіта гэтая літаратура стаіць ля вытокаў пісьмовай традыцыі беларускага, рускага і ўкраінскага народаў. У сённяшняй складанай для ўсходнеславянскага рэгіёна культурна-палітычнай сітуацыі праца Ганса Ротэ дазваляе сфарміраваць навукова абгрунтаванае ўяўленне пра асаблівасці інтэлектуальнага жыцця продкаў беларусаў, рускіх і ўкраінцаў, дае магчымасць не зацыклівацца на звыклых пафасных фармулёўках пра “славянскае братэрства”, традыцыйнай кіеўска-курсунскай канцэпцыі хрышчэння Русі або стэрэатыпных уяўленнях пра “справедных ворагаў” славян, часта міфічных... Наогул, гэтая праца здольная значна пашырыць круггляд таго чытача, які сам гэтага захоча. Паспрабуем, спасцігаючы развагі Ганса Ротэ, пагаджаючыся з імі альбо аспрэчваючы іх, як пісаў Янка Купала, *“пачаць дакапвацца самі разгадкі нашых крыўд і бед”*.

У працэсе перакладу мы стараліся максімальна захоўваюць асаблівасці аўтарскага стылю, а таксама прытрымліваліся прынятага ім спосабу афармлення спасылак. У многіх выпадках мы раскрывалі аўтарскія скарачэнні і абрэвіятуры (у першую чаргу гэта датычыць назваў навуковых перыядычных выданняў) дзеля зручнасці ўспрыняцця матэрыялаў артыкула, у тым ліку спасылчнага апарата, рускамоўным чытачом. Паколькі праца апублікавана 15 гадоў таму назад, мы зрэдку рабілі пэўныя карэкціроўкі

¹ Николаев, С. И. (2007). Александр Михайлович Панченко, 1937–2002. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности; сост. и автор вступ. ст. С. И. Николаев. Москва: 8.

з улікам сучаснага стану навуковых распрацовак (гл., напр., заўвагу 9).

Дзякую за супрацу студэнтам філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў Мінску Дар'і Лукашук, Марыі Калядзіч, Лізавета Мелех, Вераніцы Хамулевай, Лізавета Таран і Дар'і Буравай, якія зрабілі свой пасільны ўнёсак у справу перакладу артыкула. Выказваю таксама шчырую падзяку дацэнту Уладзіміру Кароткаму, доктару філалагічных навук Любоўі Ляўшун (Беларусь), а таксама прыват-дацэнту Томасу Мен-

цалю (Германія) за каштоўныя парады і кампетэнтныя заўвагі, датычныя змястоўных і стылістычных асаблівасцяў тэксту. Дзякую старшаму выкладчыку Вользе Крычко за тэхнічную дапамогу ў падрыхтоўцы картаграфічных матэрыялаў дадатка.

Шчырая падзяка шаноўнаму аўтару артыкула, прафесару Гансу Ротэ, за добразычлівае стаўленне і згоду на апублікаванне тэксту пераклада.

Жанна Некрашэвіч-Кароткая

Вступительные замечания

Предпринятое нами исследование не лишено полностью формата научного доклада. Его целью является не написание истории литературы, а создание предпосылок и основ для исторически адекватного рассмотрения древнейшей письменности у восточных славян. Потому и я не ставлю перед собой задачу создания исчерпывающей картины; интерпретация текстов также не представляет для меня особого интереса: к ним я буду обращаться разве что как к хорошо известной исторической основе.

Написание истории литературы как научная задача довольно редко осуществляется в соответствии определенными принципами и редко бывает как следует обеспечена в библиографическом отношении; еще реже история литературы фиксирует информацию относительно традиции, сложившейся в связи с тем или иным произведением и его изучени-

ем. Конечно, история литературы содержит эту информацию, во всяком случае, когда речь идет о древнем периоде; однако при этом остается ряд вопросов и, как показывает практика, уже через довольно короткое время прежние констатации становятся спорными, даже перестают заслуживать доверия. Именно упомянутое обстоятельство убедительно свидетельствует о том, насколько грандиозным без преувеличения трудом были исследования Чижевского (Tschizewsky, 1948; Čiževskij, 1960) – для всех нас они были настольными книгами. К подобному библиографическому обеспечению в этой работе стремился и я, хотя в нашем случае оно не могло быть исчерпывающим.

Невозможно было бы, однако, совершенно отказаться от написания истории литературы. Она присутствует в нашем исследовании, причем, пожалуй, даже слишком широко. Но как иначе можно было бы установить, что и в каких случаях нуждается в переоценке? Необходимость обра-

щения к истории литературы со всей очевидностью обнаруживается еще и потому, что это ведь была та самая «древнерусская литература», с которой русский народ всегда был очень тесно связан, верил ей. К тому же, это была та самая литература, которая в наше духовно нестабильное время в такой степени влияла на судьбу ее исследователей (приводя зачастую даже к жизненной драме), как ни у одного другого культурного народа Европы. И здесь работа ученых часто была непосредственно связана с судьбой самого их дела. Имея в виду это обстоятельство, я сделал всё от меня зависящее, чтобы изложить наиболее важные сведения, касающиеся также и исследователей.

Я очень хорошо осознаю недостатки моей работы. Два из них не могу обойти молчанием. Темой моего исследования были письменные памятники, и в этом смысле я не хотел бы быть неправильно понятым, будто бы, по моему мнению, устно-поэтические произведения не являются предметом историко-литературного исследования или же будто бы их вовсе не существовало. Просто это уже совсем другая тема.² В данном случае следует принять во внимание как основное положение тот простой тезис, что надежной основой всего – в том числе и устной народной литературы – является письменная традиция, а не наоборот. Вот почему выявление памятников дописьменного устного творчества представляет собой намного более

сложную задачу. Выдающийся в этом смысле пример – пятитомный словарь «Славянские древности» Никиты Ильича Толстого. В рамках нашей работы невозможно было бы осуществить нечто подобное.

Было бы весьма правильным и идеально соответствовало бы моим представлениям об истории литературы восточных славян древнейшего периода, если бы для каждого памятника я указал его источники в греческой литературе. Не менее важно было бы обнаруживать и указывать их также в письменности северных народов, а также в письменных памятниках на латинском и чешском языках. Однако мне удавалось осуществить это лишь изредка. В противном случае моя работа стала бы бесформенной, к тому же это не было уместно. Напротив, я ставил перед собой задачу написать краткий очерк на основании моих собственных предположений. Иными словами, я не намерен был проводить источниковедческое исследование, и тем не менее, в данной работе нельзя было совсем не давать подобной информации.

Заранее предвижу, что поклонники литературы, да к тому же еще производящей такое неотразимое впечатление древнейшей литературы восточных славян, могут быть неприятно удивлены моими выводами или скептическими подходами. Но тот, для кого цитата из литературного произведения о чем-то говорит, возможно, вспомнит слова апостола Фомы, желавшего почувство-

² Последняя работа, относящаяся к этой проблеме, с подробными сведениями по истории исследования: Hirsch, 1998.

вать, прежде чем уверует (*Ио 20:25*). Тот, кому хотелось бы видеть Фому покровителем науки, тот, несомненно, более четко локализовал бы ее в определенных границах. Однако, поскольку едва ли каждый читатель стремится к тому, чтобы быть сыном Фомы, скажем проще. Конечно, необходимо понимать и воспринимать каждую литературу как национальную: романтизм доказал, что иначе невозможно постичь специфику этой литературы. Но такое понимание требует весьма убедительного обоснования. Оно необходимо в той степени, в которой способно опровергнуть скепсис.

В процессе библиографической работы и в деле обеспечения доступа к необходимой литературе мне была оказана всесторонняя по-

мощь и поддержка. Упомяну в первую очередь директора государственного архива доктора Фридриха Бенингхофена (Берлин), Отца Бориса Даниленко (Москва), профессора доктора Гюнтера Якобса (Бонн), доктора К. Ю. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербург), Ангелику Лаухус (Кёльн), М. А. Момину (Санкт-Петербург), профессора доктора Лудольфа Мюллера (Тюбинген), профессора доктора Петера Шрайнера (Кёльн), профессора доктора Райнера Штихеля (Мюнстер), а также сотрудников боннского отделения Патристической Комиссии. Высказываю мою искреннюю благодарность всем им, а также многим другим, оказавшим мне консультативную поддержку в процессе собраний.

*Мы обязаны монахам нашей
истории, следственно,
и просвещением.*

Пушкин

Введение

Первой предпосылкой того, что мы можем вести речь не только об определенной литературе, но и о ее истории, является свидетельство существования письменной традиции в конкретном государстве в течение довольно длительного периода времени.

Наиболее древним на землях славян регионом, в котором возникла письменность, можно с определенной оговоркой считать Моравию с конца IX века, с достаточной же до-

лей уверенности – Болгарию с X века. Восточнославянские регионы присоединяются к этой традиции в XI веке, и российское историческое литературоведение вот уже 160 лет с горделивой уверенностью утверждает, что в древнейший период «ни один западнославянский народ не обладал таким богатством письменных памятников на своем собственном славянском литературном языке, каким обладал русский» (Максимович, 1880: 350).

Не названная здесь предпосылка выше приведенного утверждения – наличие *собственного славянского литературного языка* – была исходным тезисом для деятелей периода позднего романтизма, благодаря которому постепенно формирова-

лось представление о национальной литературе, и это представление сохраняет свою актуальность до сегодняшнего дня – во всяком случае, среди славян. С другой стороны, каждый регион, заселенный по западнославянскому образцу, от Балтийского моря до Истрии и Далмации, был представлен еще и латинской письменной традицией, а в некоторых случаях – также немецкой или романской, которая по времени возникновения совпадала с восточнославянской или даже была старше нее.

Сказанного будет достаточно: заводя разговор на эту тему, мы хотим сформировать четкое представление о том, что проблема письменности затрагивается здесь в целях разрешения наших собственных задач. В контексте рассуждений о русской земле³ мы будем вести речь о южнославянской, греческой и восточнославянской письменной традиции, а в более поздний период, в Новгороде и Смоленске, – также о латинской и средневерхненемецкой.

I. История «Слова о полку Игореве»

В течение вот уже почти двух веков древняя литература у русских пользуется неизменной востребованностью и популярностью. Причина этого связана с двумя неотделимыми друг от друга, словно братья-близнецы, об-

стоятельствами: с одной стороны, это скрытые в истории предпосылки ее возникновения, с другой – нескрываемое чувство гордости. Я хотел бы показать это сначала на одном уникальном примере, который можно найти, пожалуй, лишь в одной-единственной литературе.

В 1795 году в библиотеке монастыря в северо-восточной части России был найден сборник рукописей, в заключительной части которого содержалось «Слово о полку Игореве». Это небольшое прозаическое произведение, частично ритмизированное, в котором представлены фольклорные мотивы. Оно посвящено безуспешному военному походу в восточные земли, предпринятому в 1185 году молодым князем Игорем Святославичем (1151–1202) из малоизвестного в то время города Новгорода Северского в Черниговском княжестве против тюркского племени половцев. Таким образом, для древнерусской литературы был найден – причем в эпоху Макферсона⁴ – национальный художественный аналог западноевропейских эпосов, позволявший, казалось бы, поставить литературы северных народов рядом с Гомером. Двумя десятилетиями позже присоединились сербы с их древними героическими песнями, а также чехи с их фальсификатами.

И хотя «Слово о полку Игореве» не выдерживает сопоставления с «Бе-

³ Говоря в дальнейшем о *русской земле*, мы будем иметь в виду под этим территорию проживания восточных славян (см. карту 1). О значении выражений «русский», «Русь» см. подраздел «История древнерусской литературы» в главе II этой статьи.

⁴ Джеймс Макферсон (1736–1796) – шотландский писатель, выдававший свои литературные обработки кельтских преданий и легенд за оригинальные песни легендарного воина и барда Оссиана. – *Прим. перев.*

овульфом», «Песнью о Роланде» и «Песнью о Нибелунгах»⁵ – ни по объёму, ни по форме и содержанию, ни по наличию возможных источников – оно привело к невероятному триумфу. Известно более ста переводов на современнейший русский язык. Не было ни одного уважающего себя ученого-филолога, который, занимаясь этим произведением, не создал бы своего перевода. А что уж говорить о поэтах!⁶ На сегодняшний день существуют драматургические и музыкальные обработки, музеи «Слова о полку Игореве» и огромное количество иллюстраций. Произведение включено в обязательную школьную программу. Зарубежье следует этой традиции, в первую очередь Германия, но с особой преданностью – Богемия.⁷ Рильке выразил своё восхищение Россией посредством «Слова о полку Игореве», создав свой перевод этого произведения (1904; опубликован в 1949 году). Эдвард Сиверс в Лейпциге провел анализ звукового состава памятника, с помощью чего пытался подтвердить аутентичность текста.

Между тем – ничто в мире не совершенно. «Слово о полку Игореве» получило известность благодаря единственному рукописному списку, сгоревшему в 1812 году во время по-

жара в Москве. Всё, что у нас есть, – это копия, сделанная для императрицы Екатерины в 1795 году, а также *editio princeps*⁸ 1800 года. Каков был возраст «утерянной рукописи» – относилась ли она к XIV, XV или XVI веку – теперь нельзя уже было установить, невозможно было еще раз перепроверить общее число составных частей этого сборника. Напряженнейшие поиски в библиотеках и архивах по всей стране не позволили продвинуться ни на один шаг. «Слово о полку Игореве» остается единственным в «древнерусской литературе» произведением эпического характера, функционально *не* связанным с церковной жизнью. С самого начала возникли сомнения относительно его оригинальности. Правда, на всех, кто сомневались, был навешен ярлык «скептической школы» (Иконников). Вместе с тем, невозможно было ни посеять сомнения у приверженцев аутентичности (не так, как в случае с чешскими фальсификатами), ни заставить замолчать апостолов версии о фальсификации.

И тогда случилось нечто невероятное. В то время, когда шла война, – а «Слово о полку Игореве» также сыграло свою роль в пропаганде Великой Отечественной войны – все-

⁵ Г. П. Федотов (Fedotov, 1966: 315) четко проводит это сопоставление.

⁶ Все данные приводятся по изданию: Энциклопедия, 1995; по этому вопросу см.: т. 4, с. 76–78. Здесь не упомянут Эдвард Сиверс. Информация основана на устном сообщении Валентина Кипарского (1958).

⁷ См.: Энциклопедия, 1995, т. 4: 48. Правда, мысль о якобы восторженном отношении Добровского не совсем понятна. Неточно представлена также информация о первом полном переводе Йозефа Мюллера, который на титульном листе озаглавлен «*Heldengesang vom Zuge*» («Героическая песнь о походе»), а в самом тексте (с. 32) называется «*Sermon über das Heer*» («Слово о войске»).

⁸ *Editio princeps* (лат.) – первое издание. – *Прим. пер.*

мирно известный французский сла- вист Андре Мазон (1881–1967) пред- ставил свою концепцию. Согласно ей, «Слово о полку Игореве» – фальси- фикация, которую создал сам перво- открыватель памятника в XVIII веке (точно так же, как «Оссиановы пес- ни» Макферсона), основываясь в первую очередь на материале и сло- весных конструкциях подобного ему произведения XV века, так называе- мой «Задонщины».

Лавина исследований, возникшая после этого, была просто неслыхан- ным доселе в истории нашей науки явлением. Никогда еще так не про- цветали древнерусские штудии. Од- ним из самых красноречивых оппо- нентов Мазона был Роман Яacobсон

(1896–1982) в Гарварде. Его сочине- ние в защиту «Слова», вышедшее в Америке на французском языке в 1948 году, обеспечило автору, нахо- дившемуся с 1921 года в эмиграции, возможность получения визы для поездки в Советский Союз.

Но потом всё пошло гораздо хуже: 23 февраля 1963 года извест- ный русский историк А. А. Зимин (1910–1980) выступил в Академии наук в Ленинграде с докладом, в ко- тором подтвердил концепцию Ма- зона. Репринтное издание его книги, содержание которой легло в основу доклада, было напечатано в количе- стве 99 экземпляров и роздано кри- тикам под расписку об обязатель- ном возврате.⁹ Почти 85-летний Ма-

⁹ Несколько иначе излагает эту историю В. Г. Зими́на: «А. А. Зимин буквально “заболел” “Словом”... Результатом творческого экстаза было письмо А. А. Зими́на от 15 фев- раля 1963 г. к Д. С. Лихачеву, с которым его связывали профессиональные интересы уже более десятка лет, с просьбой заслушать в руководимом им секторе его доклад на тему “К изучению “Слова о полку Игореве””. Заседание с почти трехчасовым докла- дом Зими́на состоялось 27 февраля, но, к сожалению, в отсутствие самого Д. С. Ли- хачева, который в это время оказался в больнице. [...] Интерес к теме и разослан- ные в большом количестве приглашения собрали совершенно неожиданное для ор- ганизаторов заседания и самого докладчика количество народа. Присутствовали более 150 человек, среди которых было много студентов. О докладе быстро узнали специалисты и любители не только в Ленинграде, но и в Москве и в других горо- дах, да и за рубежом тоже». По возвращении в Москву А. А. Зимин был, во-первых, поставлен перед необходимостью объясняться с руководством Института истории АН СССР. Во-вторых, ему было предложено представить тезисы своего выступле- ния для публикации в журнале «Вопросы истории», где предполагалось напечатать их в сопровождении статьи М. Н. Тихомирова. От такого предложения Зимин ре- шительно отказался. Вот что писал сам А. А. Зимин о сложившейся в Москве ситуа- ции: «...Я написал трехтомник, который сохранился в ротапринтном варианте в нескольких экземплярах». Речь идет о написанной А. А. Зими́ным к концу 1963 года работе «Слово о полку Игореве: [Источники. Время написания. Автор]», изданной на ротапринте Института истории Академии наук тиражом в 101 экземпляр и состоящей из трех сброшюрованных выпусков общим объемом 660 страниц. Эти экземпляры ротапринта и возможность познакомиться с ними имели только обо- значенные в особых списках участники обсуждения работы А. А. Зими́на, которое состоялось в Отделении истории Академии наук СССР 4–6 мая 1964 г.» (Зими́на, 2006: 3–4). – Прим. пер.

зон, член-корреспондент советской Академии наук, сел в самолет и таким образом получил возможность взглянуть на рукопись в Ленинграде. По возвращении он написал в одной из своих статей, что он оправдан и умирает со спокойным сердцем.

Зимин вынужден был отказаться от надежды получить место в Академии наук, на которое претендовал. Он умер, не получив признания, в Москве, но остался при своем мнении. Его книга до сегодняшнего дня не опубликована.¹⁰

II. Изучение «древнерусской литературы»

Описанная нами история – больше, чем просто пример. «Слово о полку Игореве» отбрасывает тень на всё остальное. Казалось бы, невозможно пройти мимо самого главного обстоятельства: древнейшие памятники восточнославянской письменности – это служебная литература, предназначенная для церкви. Тем не менее, с самого начала обращалось пристальное внимание на то, где же всё-таки скрывается «изящная словесность», поэзия в древнерусской литературе: всё это, мол, сохранила в себе народная поэзия, и главным свидетельством тому было опять же «Слово».

Примерно до 1930 года всё еще чувствовалась какая-то настрожен-

ность. Устное литературное творчество вроде как должно было существовать, однако же никто о нем ничего не знал (Сперанский 1921: 116–119). Но вот начиная с 1941 года один передовой человек, А. И. Никифоров (1893–1942),¹¹ уже «знает», что русская героическая песня в своих известных на сегодняшний день формах возникла вместе с эпическими былинами, в IX и X веках, причем «на всём необозримом просторе Киевской державы» (История 1941: 244–252).¹² При этом автор не отрицал того факта, что текстовые свидетельства, необходимые для такого концептуального построения, относятся «не ранее, чем к XVI–XVII веку» (История 1941: 249).

Это примерно то же самое, как если бы кочевники в пустыне с воодушевлением устремились бы следом за призраком, который, возможно, является всего лишь миражом. Стоит ли идти одной дорогой с ними?

Начала. Сейчас как раз наступил подходящий момент, чтобы обратиться к истории литературы с целью получить ответ на два вопроса:

- 1) Как обстоит дело с первоисточниками?
- 2) В каком направлении развивались исследования?

И здесь нас ожидает очередной сюрприз.

История национальной литературы в России, как и у других народов,

¹⁰ В 2000 году, когда была опубликована работа Ганса Роте, монография А. А. Зимина в самом деле еще не была издана. Эта задача была решена позже усилиями В. Г. Зиминой, О. В. Творогова и Д. М. Буланина (см. предыдущ. прим.). – *Прим. перев.*

¹¹ Умер во время осады Ленинграда.

¹² См. также подраздел «Летописная литература» в главе IV этой статьи. Что же касается «всего неотразимого простора Киевской державы», см. карты 1 и 2.

широко освещалась до 1900 года;¹³ после 1900 года и до 1925 года она по-новому канцептуализировалась в новых методических публикациях, появившихся в большом количестве;¹⁴ после 1937 года истории литературы выходили одна за другой, а в последнее время почти каждые пять лет. Та же картина наблюдалась и в зарубежье, в особенности в Германии.¹⁵ Однако же та научная отрасль, к которой относятся эти публикации, – древнейший период в истории литературы, – уже почти в течение целого столетия не обеспечена надлежащим образом источниковедческими работами.¹⁶

К важнейшим из них относятся исследования Филарета (1859;

1884), И. И. Срезневского (1863; 1882; 1973), П. В. Владимирова (1890), Николая Владимировича Волкова (1897), Е. Е. Голубинского (1880; 1901: 880–924; 1881: 326–343), Н. К. Никольского (1906; 1903; 1907), В. Н. Перетца (1914: 402–411); Ивана Евсеевича Евсеева (1995); Н. Н. Глубоковского (1995).

Популярное изложение представляет собой книга И. Баренбаума и Т. Давыдовой (Баренбаум 1960: 18–25). Книга Н. А. Мещерского (1978) содержит полезную для данной области исследований информацию, однако ее материал, согласно «общим замечаниям», касается в основном вопросов языка (с. 10–31), а также вопросов перевода Ветхого Завета (с. 32–47), Нового Завета (с. 48–67), хро-

¹³ А. В. Мезьер (Мезьер, 1899: 28–31) приводит под номерами 770–863 как минимум 47 названий работ. Важнейшие из них: Галахов, 1863; 1880, 1894; Полевой, 1872, 1874; 1900); Порфирьев, 1870; 1876, 1879, 1891, 1897); Владимиров, 1896; Незеленов, 1893, 1897; Перетц, 1914: 416–423.

¹⁴ Последний обзор, посвященный XX веку, см.: Kasack, 1997. Древняя литература представлена весьма кратко: важнейшие справочные издания, которые остаются лучшими до сегодняшнего дня, не названы вовсе; вместо этого осуществляется непоследовательное обращение к периоду начала XIX века, см. об этом подраздел «Конец славистики в России» в этой главе.

¹⁵ В первую очередь: Reinholt, 1886; Brückner, 1905; 1909 (достойно прочтения до сегодняшнего дня); Friedrichs, 1921; 1–12; Luther, 1924: 9–44, 45–56; Setschkareff, 1949; 12–25; Stuttgart, 1962: 13–26; Lettenbauer, 1958: 3–22; 1955); Stender, 1957: 3–137; 1952; Grasshof, 1974: 5–26.

¹⁶ См. также: Proyard, 1989; Thomson, 1998: 605–920 (о Ветхом Завете, библиография – 882–920); Златанова, 1998; Жуковская, 1976 (по поводу этой книги см. рецензию: С. Hannick, *Russia mediaevalis* V 1, 1984, с. 198–209). Отдельную область исследования представляет книга С. Вяловой (1988). В Институте истории Академии наук готовится трехтомное источниковедческое издание под ред. Я. Н. Щапова «Древнерусские письменные источники X–XIII веков». Опубликованы три пробных выпуска: «Методические рекомендации» (М., 1986), «Информационные материалы к совещанию» (М., 1988), а также короткая брошюра (80 с.) под общим заголовком с кратким «Перечнем источников, которыми располагает современный исследователь» (М., 1991; предисловие – с. 6). Новые публикации по изданию книг Библии см.: Алексеев, 1999: 13–42.

На Западе: Dmytryshyn, 1967. Два обширных перечня в «*Russia mediaevalis*»: *Historiography and Bibliography*, т. VI 2, 1991 и VII 2, 1993.

ник (с. 68–93), а также «Иудейской войны» Иосифа Флавия (с. 94–108). Заголовок книги под ред. Д. С. Лихачева (Литература, 1988) вводит в заблуждение: это вовсе не источниковедение, а сборник 29 статей, посвященных отдельным произведениям, по большей части – апокрифам; при этом они касаются (за исключением первой) не *древнего* периода, а лишь произведений с XIV по XIX века. Еще в большей степени это касается следующей книги (Рукописное, 1972). Здесь 14 новых источниковедческих публикаций относятся к XVII и XVIII векам; 18 статей касаются периода с XV по XX века.

В 1921 году был опубликован последний всеобъемлющий обзор исследований с информацией по поводу идеологических предпосылок того, как была организована и каковы были результаты историко-литературных штудий (Максимович, 1839: 356–362; Шевырев, 1846, т. 1: LXXIII–СХХI; Пыпин, 1902, т. I: 21 и след.; Бороздин, 1908, т. II: 10–21; Ягич, 1910: 215–237 (Востоков, Кёппен), 310–345 (Бодянский, Срезневский), 456–580 (славянофилы, этнографическая школа, влияние Гримов); Пыпин, 1902, т. I: 36–40; Перетц, 1914: 416–423; Архангельский, 1916;¹⁷ Сперанский, 1912; 1921: 7–112). В книге В. М. Истрина (1922), переиздание (Leipzig, 1972) соответствующая информация содержится в каждой из глав (Истрин, 1922: 94 и далее, 125–127, 133–135, 150–152, 168–170, 196–198). В работе Е. Н. Купряновой (1976) содержатся лишь некоторые ничего не говорящие за-

мечания под названием «Спорные вопросы изучения социальной истории и духовной культуры домонгольской Руси». В книге В. В. Кускова (1977) на с. 15–21 даются лишь произвольные выдержки из книги М. Сперанского. Книга Д. С. Лихачева и Н. Ф. Дробленковой (Лихачев и Дробленкова, 1970) также вводит в заблуждение: лишь четыре из 20 статей касаются древнего периода, и лишь две (Гранстрема и Тигановой) – рукописной литературы; все остальные статьи, собранные под заголовком «древняя Русь», посвящены XVI и XVII векам. Ценный материал опубликован в статьях к 125-летию Исторического Музея (Археографический, 1997: 7–76); к 200-летию архивов Москвы: (Археографический, 1997: 77–91).

Если мы действительно хотим узнать, какой в литературном отношении была ситуация на землях восточных славян домонгольского периода, то наше исследование должно уподобиться работе археологов. Сведения по истории литературы, словно многовековая галька, залегают многослойно, начиная с самого нижнего культурного слоя. Но, поскольку информация об этом нижнем слое, по вполне понятным причинам, всегда открыта для различного рода искажений и может быть легко сфальсифицирована, эту информацию нужно надлежащим образом отделять, причем весьма аккуратно и заботливо, поскольку сделанные на ее основе выводы чрезвычайно важны; именно они заслуживают доверия, именно они несут в себе всю правду.

¹⁷ Исследование А. С. Архангельского остаётся и поныне наиболее обстоятельным и заслуживающим высокой оценки.

Начальный период библиографических исследований относится к периоду позднего Просвещения в конце XVIII века вплоть до периода романтизма в 40-х годах XIX века, когда ученые-филологи начали собирать и описывать рукописи, то есть оригинальные тексты. Началом русской библиографии считается обычно «Оглавление книг, кто их сложил» (после 1680), которое приписывается Сильвестру Медведеву (1641–1691), опубликованное в Москве в 1846 году (см.: Брайловский, 1896). За ним следует Никодим (Адам Бурхардт Селлиус, 1696–1746), автор книги «*Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*» (Reval, 1736); русское издание – 1815 (см.: Сводный, 1986: 46). Датчанин Селлиус был лютеранином, получившим образование в Йене; позже преподавал латынь в Петербурге, незадолго до своей смерти принял православие.

Их дело продолжили в первую очередь авторы немецкие либо немецкого происхождения. Август Людвиг Шлёцер (1735–1809), в 1760–1765 годах занимаясь в Петербурге историческими исследованиями, представил к рассмотрению обширный план для *studium monumentorum domesticorum*,¹⁸ опубликованный в 1769 году в Геттингене как первый опыт из серии «*Annales Russici slavonice et latine cum varietate lectionis ex coddicis*». Следует также назвать подготовленную им книгу «Nestor» (Nestor, 1802/1805/1809; перевод на русский

язык – 1809–1819). А. Шлёцер оказал самое значительное влияние на филологию, исторические исследования и литературу в России, помимо всего прочего, благодаря большому числу студентов, приезжавших к нему в Геттинген. Следует упомянуть также Теодора (Федора Григорьевича) Баузе (1796). Данные в «Сводном каталоге» (1984, т. 1: 87) ошибочны. Т. Баузе был сыном священника из Саксонии, получил образование в Лейпциге, в 1782–1811 годах занимал должность профессора юриспруденции в Москве. Его собрание рукописей сгорело в Москве в 1812 году. Заслуживают внимания исследования Иоганна Теофила Буле (1763–1821). Одно из них – «*Prolusio de auctoribus supellectilis litterariae Historiam Russicam proxime spectantis*» – не опубликовано, лишь напечатано как университетский курс лекций (см.: Шевырев, 1846, т. 1: LXXIII), другое вышло в Москве в 1810 году (Buhle, 1810). И. Т. Буле, филолог из Гёттингена, был приглашен в 1804 году в Москву. Петер Иоганн Кёппен (Кеппен, 1793–1864) подготовил «Материалы для истории просвещения в России» (Кеппен, 1819–1827); выпуск 1 содержит 137 заголовков, начиная с 1665 года; в выпуске 2 листы №№ 33–34 («Записка о путешествии по словенским землям и архивам») принадлежат самому Кеппену; данную поездку по библиотекам он предпринял по примеру Й. Добровского. «Библиографические листы» были первым славистическим научным журналом в России, в котором,

¹⁸ (лат.) изучение отечественных памятников. – *Прим. перев.*

среди прочих, публиковались Якоб Гримм, В. Караджич, П. Й. Шафарик, В. Ганка. Кёппен был сыном врача, приглашенного из Бранденбурга в Харьков. Александр Христофорович Востоков (1781–1864) опубликовал своё описание 473 рукописей (Востоков, 1842). А. Востоков был незаконным сыном графа Остенека, родился на острове Озель и начал изучать русский язык как школьный предмет. Он считается основателем славянской филологии в России.¹⁹

К выше упомянутым немецким авторам следует добавить одного украинца²⁰ и одного грека.²¹ Почти сразу же к ним примкнули и русские.²² Многих из них объединил вокруг себя в своеобразную исследовательскую группу государственный канцлер Н. П. Румянцев (1754–1826).²³

Та расстановка сил, которая предрасположила дальнейшее развитие и благодаря которой сформирова-

лись определенные, актуальные до сегодняшнего дня, подходы, сложилась тогда, когда за дело взялись русские ученые, находившиеся под влиянием посткантовской немецкой философии и германистики.

Шевырев. Выходец из восточной России (Саратова), преданный приверженец Шеллинга, Степан Петрович Шевырев (1806–1864) сформировал своё представление о Средневековье в соответствии с идеями немецкого романтизма. Он был лично знаком с Шеллингом. В своих открытых лекциях, прочитанных для широкого круга слушателей в Московском университете в 1844–1845 годы (Шевырев, 1846; Udolf, 1986), он развивал учение о том, что любые культурные начала в России связаны с христианизацией, осуществленной великим князем Владимиром в 988 году. По его мнению, благодаря этому, Русь получила связь не только с Византией, но и со всем миро-

¹⁹ О появившихся затем описаниях изданий см.: Бельчиков-Бегунов, 1963.

²⁰ Михаил Александрович Максимович (Максымовыч, 1804–1873), из Полтавской области. О нём пишет В. Г. Сарбей в книге «Славяноведение...» (1979: 230 и далее).

²¹ Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842), сын греческого врача из Балаклавы, получил образование в Харькове; с 1835 года стал первым заведующим новоучрежденной кафедры славянской филологии в Москве. Воспитал здесь под влиянием, прежде всего, западнославянских филологов немецкого происхождения (Линде, Бандтке) множество учеников (в том числе Бодянского, Строева, Соловьёва, Погодина). Он был причислен к «скептической школе» и, собственно говоря, был ее основателем.

²² Евфимий Алексеевич Боховитинов, 1767–1837 (Евгений, 1818; 1827; переиздание – Leipzig, 1971), был епископом в Новгороде с 1804 года, архиепископом Вологодским (1808), Калужским (1813), Псковским (1816), с 1822 года – Митрополитом Киевским. Его значительное влияние на развитие русской литературы до сих пор не исследовано. Константин Федорович Калайдович (1792–1832) (Калайдович, 1815; 1821; 1824; Калайдович-Строев, 1825) был учеником А. Л. Шлёцера, критический метод которого применял для изучения древнейших литературных памятников. Павел Михайлович Строев (1796–1876) (Строев, 1836).

²³ Евгений, Кёппен, Строев, Калайдович, Востоков. О Румянцеве см. статью В. Ю. Афиани (Славяноведение, 1979: 295).

вым (экуменичным) христианством (Шевырев, 1846, т. 1: XIV, 177). Решающее значение, по его словам, имели три события: появление Библии на славянском языке, западное отступничество в 1054 году и образование русского государства.²⁴

Слабые стороны этой концепции видны отчетливо. Три выше названных события никак не соотносятся между собой и никак не связаны в историческом отношении. Государство Шевырёв отождествлял с народом. Представления Гердера о народе и славянах хорошо известны (1846, I: 156). На Гердера он явно ссылался (1846, I: 80 и далее). Можно заметить его настроенность против сохранившихся еще в Петербурге реликтов Просвещения, но в то же время и славянофильские симпатии с определенной антизападной тенденцией, которая плохо сочетается с претензиями на экуменичность.

Вместе с тем нельзя не заметить, что Шевырев, выступая против завы-

шенной критики, которую русские в течение двух веков высказывали в отношении истории своей культуры,²⁵ впервые отказался от беспомощной жалости по отношению к себе и тем самым вступил на правильный путь. Присущие ему неясности требовали дальнейших уточнений в ходе описания христианских памятников литературы и искусства. Это произошло, но, правда, на окольных путях исследования.²⁶

Буслаев. Генеральное же направление проложил ученик Шевырева, который с 1842 года был его ассистентом. Ф. И. Буслаев (1818–1897), родом из Пензы (о нем см.: Ягич, 1910: 534–545; Славяноведение, 1979: 89–91; Буслаев, 1990: 3–28; Энциклопедия, 1995, т. I: 167–170). Своими критическими высказываниями (впрочем, достаточно корректными) в адрес учителя он сформировал сразу две противоположные позиции. Он впервые попытался реконструировать дохристианскую русскую поэзию из неких намё-

²⁴ «Три этих события совпали удивительным образом. Как раз в то самое время, когда Св. Писание переводится на славянский язык, когда осуществляется западное отступничество и формируется его основополагающая церковная догма, – почти в те же годы тот самый народ основывает державу, которой было предназначено сохранить святость истинной церкви в живом, исполненном смысла и общеупотребительном языке [...] Такие события совпадают в истории не случайно: то, что это дело десницы Божьей, должно быть очевидно тем, кто хочет видеть» (Шевырев, 1846, т. I: 177).

²⁵ Прежде всего в «Философских письмах» П. Я. Чаадаева (1794–1856), опубликованных в 1836 (№ 1), 1906 (№ 6 и 7) и в 1935 (№ 2–5 и 8) годах. Критический отзыв на них имели большое значение для формирования славянофильских подходов к историческим исследованиям (одним из их представителей следует считать Шевырева) и способствовала развитию славянской филологии в России.

²⁶ См.: Михаил Петрович Булгаков, 1816–1882 (Макарий, 1846–1847, т. 1: 249–277; 1995, т. 2: 97–201, 315–365; 1995, т. 3: 122–220, 297–322). 3-е изд. 1889; в наши дни заново переработано (с библиографическим приложением) (Макарий, 1994–1995), в кн. II на с. 425–444 – библиография (без иностранной). Владимир Степанович Иконников (1869; 1891, 1908, 1966; 1970).

ков в «Слове о полку Игореве»,²⁷ и в одной из своих торжественных речей в Московском университете в один ряд с книгами Священного Писания и произведениями христианских авторов поставил апокрифы, которые, по его мнению, будучи переведенными, получали дальнейшее самостоятельное бытование и становились произведениями устного народного творчества (Буслаев, 1861; Буслаев, 1990: 30–91).

Ф. Буслаев обращается к Якобу Гриму: его научную концепцию, в первую очередь идеи «Немецкой мифологии» (Grimm, 1981, II: 925–960; III: 401–508), он переносит на восточнославянскую почву (см.: Leitinger, 1975; Leitinger, 1981). Он был одним из крупнейших филологов в России и благодаря своим исследованиям стал основателем русской фольклористической школы. Однако едва ли этот ученый, обладающий тонким умом и прекрасно разбирающийся в искусствах, ставший позже воспитателем престолонаследника (Лекции, 1904: 119, 130, 179–367), последнего царя, отдавал себе отчет в том, к чему приведут его инициативы. А ведь невозможно было не заметить, что уже великий Гримм разоблачил чешского фальсификатора Ганку, и никто его не опроверг (Leitinger, 1975: 74; Schmidt, 1974: 586–629; Ягич, 1910: 534 и далее). Несмотря на это, привязав рассуждения Гримма именно к «Слову...», Ф. Буслаев всту-

пил на скользкий путь. Теперь, когда были подняты на щит ключевые слова «апокрифы» и «двоеверие» (то есть христианство рядом с реликтами язычества), в скором времени основная идея Шевырева о связи России с мировым христианством была забыта. Он и сам опасался, не вышло ли так, что он нагородил *«что-то вроде бесформенной кучи поэтических элементов, которые никогда не соединятся в единое поэтическое целое»* (1846, II: 62), при этом категорически противостоял оппонентам Шевырёва, пытавшимся принизить значение Византии для России (1846, II: 53). Но когда он, несмотря на его сомнения относительно позиций просвещения, этого *«не очень привлекательного грубого смешения мрачных суеверий с именем Христа»*, присвоил себе мысли Гримма, что *«народные суеверия есть один из основных видов поэзии»* и пошел еще дальше, предложив формулировку *«оригинальность и дерзость поэтических картин, а также искренность вдохновенных суеверий»* (1846, II: 49), без колебаний смешав в русском человеке истинное и ложное (1846, II: 54), – именно тогда он сам вступил на тот путь, где народное суеверие, которое можно и полезно изучать, превратилось в научное суеверие, которое вводит в заблуждение.

«Упадок славистов» Сейчас мы несколько перепрыгнем во време-

²⁷ Он предпринял это в своей докторской диссертации, носившей кумулятивный характер, в то время он был членом Академии наук: «Русская поэзия XI и начала XII века». Опубликовано: Летописи, 1859: 3–31; Буслаев, 1861: 377–400. Он полагал, что намёк на дохристианскую русскую поэзию – это единожды упомянутое в «Слове о полку Игореве» имя Бояна, который никогда больше не упоминался в памятниках древнего периода, и лишь в XV веке был упомянут еще раз.

ни, чтобы еще лучше показать, что из этого получилось. Оба научных мнения существовали бок о бок и даже перемешивались.²⁸ Однако основная идея Шевырева уже на рубеже веков практически исчезла со страниц исследований по истории литературы и была востребована лишь в исследованиях по истории церкви. В области русских исследований по истории церкви были достигнуты значительные успехи. Важнейшие авторы: Платон (1805), Пётр Симонович Казанский (1855), Филарет (1857), Макарий (1994–1995), Михаил Владимирович Толстой (1870: 7–17), П. Строев (1877; переиздание – Köln, 1990), Василий Васильевич Зверинский (1892; 1897), Голубинский (1880; 1881), Владимир А. Пархоменко (1913), Михаил Дмитриевич Присёлков (1913), Петр Алексеевич Смирнов (б. г.: 149–176).²⁹

После же 1917 года истории церкви в России практически не стало.³⁰ Она честно поддерживалась русскими (Vernadsky, 1941; Fedotov, 1966; Smolitsch, 1953; Карташев, 1959; Thalberg,

1969; Klimenko, 1969)³¹ и украинскими (Лужницкий, 1954; Власовский, 1955; Полонська-Василенко, 1964; Чубатий, 1965) эмигрантами, однако практически стала сферой доминирования немецких (Bonwetsch, 1923: 6–20; Schick, 1945; Onasch, 1947; Ammann, 1950; Müller, 1959; Müller, 1987; Podskalsky, 1982: 11–56; Kawerau, 1984) и английских (Honigmann, 1944; Stokes, 1958; Fedotov, 1966; Thomson, 1988/1989; Fennel, 1995) историков. Также заслуживают внимания исследования на французском языке (Verdières, 1857; Vodoff, 1988).

Конец славистики в России. Несмотря ни на что, в области научных исследований еще почти до 1930 года преобладала добросовестная филология и критическое источниковедение. Крупнейшие ученые развивали в России рубежа веков сравнительную критику источников, причем не только применительно к славянским памятникам; привлекались также греческие и латинские, итальянские и немецкие источники. Важнейшие из этих работ следует упомянуть.

²⁸ Прежде всего, выше упомянутые работы Срезневского, Владимирова, Никольского, Иконникова и Голубинского настойчиво поддерживали ту точку зрения, что религиозные писатели спровоцировали исчезновение древнейшей восточнославянской литературы.

²⁹ Их обзор см.: Глубоковский, 1928: 45–53, 71–116.

³⁰ Только у Н. М. Никольского (1931; 1983). На зарке Советского Союза вышло несколько книг к тысячелетию крещения Руси (Хорошев, 1986; Рапов, 1988; Городиенко, 1984). Кратко об этом: Podskalsky, 1993: 218 и далее; Кузьмин, 1988. После распада Советского Союза стали заметны новые акценты. Так, исследование В. Н. Творогова (1995) весьма объемно (874 с.), однако написано оно, конечно, не критично; возврата к источниковедческой работе не наблюдается. О новом издании труда Макария см. прим. 25. Переиздано и дополнено сочинение Е. Е. Голубинского (т. II, 2, 1997), М. В. Толстого (1991).

³¹ Адекватных сведений, опирающихся на содержание источников, нигде невозможно получить; это связано, конечно, с тем, что у исследований по истории русской церкви сейчас уже нет никакой реальной движущей силы.

Евгений Вячеславович Петухов (1863–1948) преподавал с 1895 по 1916 год в Тарту, после революции ему удалось бежать в Крым. Его перу принадлежит наиболее строгая в методическом отношении история литературы древнейшего периода. Она выстроена в строгой последовательности как история жанров: поучения – послания – жития святых – летописи – исторические повествования, в том числе и «Слово о полку Игореве» – хождения – апокрифы; за исключением этих последних, вся переводная литература вынесена во введение; литературные центры не принимаются во внимание (Петухов, 1911).³² В книге не даётся изложение истории, подзаголовок сводит исследование лишь к «*историческому обзору главнейших литературных явлений*». Но, несмотря на очевидные недостатки, эта книга имела успех и до сегодняшнего дня остаётся полезной для исследователей.

Михаил Несторович Сперанский (1863–1938), учился в Московском университете, где позже стал профессором. Он стал последним из тех, кто в свою историю литературы включил также обширный очерк, посвященный истории исследований (Сперанский, 1921).³³ Здесь тщательно собрана информация о началах славянской письменности в IX веке,

а также даются сведения об отношениях с Византией, о христианизации и образовании государства без ставшей уже к тому времени привычной социологической и национальной перестановки акцентов. Материал излагается пока еще в сравнительном рассмотрении.

Василий Максимович Истрин (1865–1937), сын священника из Москвы, написал лучшую до сегодняшнего дня историю древней литературы. Заслуживает внимания заголовок: «Очерк истории» (Истрин, 1922).³⁴ Краткие сведения об исследованиях даются в конце каждой главы. Весьма обстоятельное введение (с. 1–117) представляет весь материал с точки зрения связей с Византией и Болгарией. Затем осуществляется описание памятников не по жанрам, а в хронологической последовательности. Основная идея звучит несколько провокационно: здесь нет еще ничего специфически русского (с. V); древнейшая литература была «безыдейной» (с. VI, 12, 20, 21, 26), характерно «отсутствие всякой идейности», никакой «примеси какого-либо идейного направления» (с. 12). При этом провокационные формулировки не всегда бывают понятны. Однако четко формулируется мнение, что отдельные произведения были между собой «идейно не связа-

³² Об авторе см.: Литературная энциклопедия (далее – ЛЭ), т. 8, 1934: 625; Краткая литературная энциклопедия (далее – КЛЭ), т. 5, 1968: 732 и далее; Славяноведение, 1979: 270.

³³ Обзор исследований на с. 27–112. Список его публикаций см.: Кузьмина, 1956; Сперанский, 1963: 226–255. О Сперанском: Энциклопедия, 1995, т. IV: 43–45; КЛЭ, т. 8, 1972: 121 и далее; Славяноведение, 1979: 317.

³⁴ Список его научных работ см.: Данилов, 1956. О нем: КЛЭ, т. 3, 1966: 237 и далее; Славяноведение, 1979: 168 и далее.

ны» (с. 26). В этих словах легко просматривается сомнение, существовала ли вообще в домонгольский период русская политическая мысль, были ли представлен некий связанный с этой землёй мир идей.

Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937), его отец работал учителем в Подолье и в Киеве; образование получил в Петербурге и с 1927 года был профессором в Москве. Он описал центральноболгарские рукописи и рано (с 1905 года) начал издавать памятники, в первую очередь на церковнославянском (кириллические и глаголические), а также на болгарском языке. Он был всесторонне образованным языковедом-славистом, который довольно рано (в 1929 году) стал жертвой увлеченности лингвистов идеями Марра.³⁵

Николай Николаевич Дурново (1876–1937) был родом из Москвы. Работал там в качестве ученого-языковеда. Углублял своё образование, как и другие из числа выше названных, благодаря ознакомительным поездкам и более длительному пребыванию в землях южных и особенно западных славян. Вместе с языковедами пражской школы после 1924 года

прибыл в Брно. Его научные достижения относятся к области сравнительных, отчасти структуралистских исследований древнейших памятников письменности восточных славян; один из последних опытов касался источниковедения (Дурново, 1924–1926; Введение, 1969: 267–293; Славяноведение, 1979: 150 и далее).

Эти ученые были последними из тех, кто, опираясь на первоисточники, осуществляли сравнительное изучение древнейшей восточнославянской литературы, отталкиваясь от памятников литературы южных славян. При этом несомненно, что их негласная славянофильская позиция оказывала решающее влияние и на их славистическую филологическую работу. Это была своего рода объединяющая идея, которая была поддержана на рубеже веков, а после первой мировой войны вновь получила яркое выражение.

И вот почти все они – лишь Петухов, находившийся в Крыму, был недосягаем – вместе с 70 другими учеными из Москвы и Ленинграда, были арестованы осенью 1933 года. В ходе этого пробного опыта показательного процесса, о котором мы узна-

³⁵ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – российский и советский ученый, получивший громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетической теории». – *Прим. перев.* О Г. Ильинском см.: Журавлёв, 1962. Здесь на с. 49–72 список его научных трудов, с. 73–76 – библиография печатных и архивных материалов о нем. На с. 32 и 46 – о нем и Марре. Многие в его работах остались незавершенными, в частности, новое издание Остромирова Евангелия с критическими комментариями, его каталог центральноболгарских рукописей; незаконченными также остались его исследования по грамматике праславянского языка и по славянской этимологии. Один из главных его трудов (Ильинский, 1934) до сегодняшнего дня, несмотря на обширную научную литературу 60-х годов XX века, успешно используется. Кроме того, о нем: В. В. Колесов (Славяноведение, 1979: 167 и далее); А. В. Соколова (Энциклопедия, 1995, т. 2: 294 и далее).

ли только несколько лет назад,³⁶ им было предъявлено обвинение в создании националистической фашистской партии. Отягчающим обстоятельством были связи с Институтами славистики в Праге, Берлине и Париже (в следственных документах они были названы зарубежными центрами шпионажа), а также использование капиталистических исследовательских методов, а именно так называемой индогерманистики и – что было хуже всего – сравнительной славянской филологии. Почти все обвиненные были приговорены к значительным срокам лишения свободы. Многие из них в 1937 году получили новые обвинения, некоторые (в том числе и Дурново) были впоследствии расстреляны.³⁷ После 1953 года они были реабилитированы без особой огласки, и до сегодняшнего дня процесс реабилитации не осуществлен в полном объеме. Путь к «социализму в одной отдельно взятой стране» означал для науки стремление избегать любого сравнения, в первую очередь такого, которое предпола-

ло использование не-русских источников. Был закрыт исследовательский институт, основанный еще в 20-х годы XX века в Ленинграде, как и подобные ему Институты славистики в Лондоне, Париже, Риме, Берлине и Праге. Славянской филологии с ее скрытыми славянофильскими устремлениями в России пришел конец; до сегодняшнего дня эта традиция так и не восстановлена.

Наследие и последствия «Свой собственный» путь был свободен. После победы в войне был вновь основан институт в Москве, в нем были разыграны «славистические штудии». На вычищенном основании формировалось новое представление о «древнерусской литературе» киевского периода. Этот переход осуществлял Александр Сергеевич Орлов (1871–1947), человек старой школы, своевременно утвердившийся благодаря тому, что исследовал тему «“Слово о полку Игореве” в переписке Маркса с Энгельсом». Уже в 1937 году он опубликовал новую историю литературы, где

³⁶ См. об этом: Ашнин-Алпатов, 1994; кроме того, рецензия автора этой работы в журнале «Zeitschrift für Slavistik», т. 41, 1996: 230–232.

³⁷ См.: Ашнин-Алпатов, 1994: 198.. В биографических статьях, названных в предыдущих примечаниях, о судьбе этого ученого не упоминается. Это, пожалуй, главный довод в пользу того, что использование слова «фашистский» в отношении националсоциализма является фальсификацией. А. А. Алексеев (1996: 279) пишет, что якобы «неблагоприятные общественные условия после революции» стали причиной того, что за последние сто (!) лет задачи, поставленные Соболевским в 1897 году, «далеко не полностью» выполнены. Однако же сам он свидетельствует, что критика в адрес Соболевского была отчетливо высказана уже в некрологах 30-х годов (с. 280 и след.) Б. М. Ляпуновым (1862–1943) и М. Г. Долобко (1884–1935); значит, до этого времени филология была еще жива. Начало упадка связано непосредственно не с революцией, а с последствиями сталинских процессов после 1945 года, при этом осознание одержанной в войне победы сыграло роковую роль обольщающего фактора. Как же долго еще будет это продолжаться, когда же наконец в науке станет возможным осознание того, как сломать рычаги этого ужасного механизма, который превращал (причем свободно, согласно Томасу Манну) честнейших ученых в «братьев Сталина»?

в начале уделяется внимание переводной литературе (Орлов, 1937: 23–40), затем автор забегает далеко вперед и излагает материал, посвященный апокрифам (с. 48–57), лишь после этого кратко упоминается принятие христианства (с. 57–61), затем вновь достаточно широко представляется «Слово о полку Игореве» (с. 122–172). Орлов был также главным редактором огромной истории литературы, изданной в тринадцати томах Академией наук (1941–1956), первый том которой вышел в 1941 году, в год начала войны (Орлов, 1937; История, 1941; Переписка, 1933).³⁸

В это же время в пражской эмиграции работал над изданием истории литературы Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942). Он, конечно, по-другому расставил акценты, но при этом всё-таки не отказался от сопоставления переводной литературы и оригинальных произведений, принцип расположения которых не следует ходу исторического развития. В поразительном согласии с Орловым он представляет обшир-

ные материалы, посвященные «Слову о полку Игореве», а также летописанию (Ljackij, 1937).

Восприемником этого наследия в послевоенный период стал глубоко уважаемый Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999), который с 1928 по 1932 годы сам находился в лагере. Этот ученый упоминался по тому или иному поводу даже в западной прессе. Он, его ученики и приверженцы доминируют в России уже довольно долгое время в области исследования истории литературы древнего периода.³⁹ Картина, представленная здесь, отличалась, порой весьма заметно, от прежних концепций – например, Истрина; отличия же от «западной» точки зрения были уже не так заметны. Эта концепция заключалась примерно в следующем.

На первом месте стоят, как правило, гипотетические реконструкции устной народной поэзии. Затем следует преимущественно историческая проза, биографии и «зеркала» князей,⁴⁰ далее – хождения, послания, прошения, в отношении ко-

³⁸ О нем см.: КЛЭ, т. 5, 1968: 462 и далее; Энциклопедия, 1995, т. 3: 363–366. «История литературы» не упоминается.

³⁹ Список его важнейших работ см.: Лихачев, 1987. Сверх того, он дважды представил обобщающее исследование, посвященное древней литературе. Сначала он сделал это в «Истории...» (История, 1958: 15–133). Затем им были написаны вступительные статьи к многотомной серии «Памятники литературы древней Руси»; собранные вместе, они образуют своего рода «эссе по истории литературы» (Лихачев, 1978; 1980; 1981; 1982; 1984; 1985; 1987). О нем: Obolensky, 1976; Энциклопедия, 1995, т. 3: 172–177; Залмина. Литература, 1997; Залмина. Хронологический, 1997. Краткая автобиография, см.: Лихачев, 1987, т. I: 3–23. Подробная автобиография: Hunger, 1997. О нем: Holm, 1997: 13, 43. Wuncken, 1993: 16.

⁴⁰ В оригинале – *Fürstenspiegel*. – *Прим. перев.* «Зерцало» – жанр поучительной литературы, зачастую с элементами исповеди; получил у славян широкое распространение в эпоху Барокко. К памятникам этого жанра можно отнести такие произведения XII века, как «Поучение» Владимира Мономаха или «*Historia calamitatum mearum*» Пьера Абеляра. Элементы «зеркала» содержит в себе «Житие» пророка Аввакума.

торых используется собирательное название «публицистика». Перед этим либо после этого широко представляются апокрифы и близкие к ним повествования. Эмигранты упоминают в первую очередь исключительно жанры церковной литературы. Формирование отдельных регионов началось с середины XII века, до этого времени была единая для всей страны русская литература; Новгород редко упоминается в начале исследования.⁴¹ «Слову о полку Игореве» традиционно посвящается достаточно обширное исследование, которое всегда занимает главенствующие позиции (LoGatto, 1942; 1965: 38–43).⁴² Весь этот материал систе-

матизируется по жанровому принципу и подвергается подробнейшей классификации. Своеобразным архетипом такого принципа деления является история литературы Петухова, но в новых исследованиях она произвольно огрубляется и никем больше не упоминается.

Спустя десятилетия филология вновь мало-помалу начинает пользоваться уважением.⁴³ Западные авторы иногда идут следом за советскими. Изучение рукописей и первоисточников превращается в отдельную дисциплину, которой историки литературы теперь касаются нечасто. Изящные исследования, посвященные стилю произведения, которые могли себе позво-

⁴¹ Иначе у Д. Буланина, см.: Boulanine, 1992.

⁴² Самое эксцентричное исследование: Fennell-Stokes, 1974. В пяти главах представлен киевский период, XIV–XV и XVI века, затем – «Слово о полку Игореве» (с. 191–206), затем – XVII век. Исключение представляет мнение Виктора Якубовского: (Literatura, 1970: 58–66). Здесь на с. 64–66 он всё-таки подробно излагает вопрос об аутентичности «Слова». См. также: (Literatura, 1975: 34–39). Заслуживает внимания следующая книга: Milidragović, 1976. Это популярное изложение: «Слово о полку Игореве» представлено опять же весьма обстоятельно (с. 85–105), оставшаяся часть (с. 63–85) занимает такой же объём, правда, здесь подробно изложены данные, касающиеся проблемы аутентичности (с. 91–94). Histoire, 1992: 86–124. Наконец, следует в первую очередь упомянуть материалы из пятитомной энциклопедии (Энциклопедия, 1995). Оставляет благоприятное впечатление сдержанность Оксаны Пахловской, см.: Pachlovska, 1998: 265–270.

⁴³ Упомянутая в прим. 38 серия «ПЛДР» принесла большую пользу: она содержит в себе только самое важное, является двуязычной (с переводом на современный русский язык) и, кроме того, хорошо проиллюстрирована. Переводы, однако, нередко вызывают вопросы. Комментарии несут в себе ценную информацию, однако они далеко не всегда достаточно основательны; самое главное отсутствует. Иллюстрации, как во всех советских и русских публикациях подобного рода, не представляют из себя никакой ценности в смысле исторических свидетельств: иллюстрации гораздо более позднего периода бесцеремонно сопровождают более ранние тексты. При этом они используются не в качестве того, чем являются на самом деле, а в качестве иллюстративного свидетельства о раннем периоде, который практически не знал никаких иллюстраций. То же самое можно сказать и о пользующемся уважением «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Словарь, 1987): библиографии составлены преимущественно очень хорошо и содержат в себе в первую очередь западные публикации, правда, тоже недостаточно полно. Анализ источников не всегда можно признать удовлетворительным.

лить прежде всего структуралистски настроенные эмигранты (Trubezkoу, 1973; Tschizewsky, 1948; 1960), вновь занимают своё заслуженное место. К этой тенденции также охотно присоединились теперь и советские литературоведы. Плакатные формулы вроде «Simplizitätsstil» (упрощенный стиль) и «Ornamentaltstil» (орнаментальный стиль) (Д. Чижевский в книге 1948 года; более отчетливо – в книге 1960 года) либо «исторический монументализм» (Д. Лихачев) маркируют целые столетия. Переводная литература часто упрятаывается теперь на многочисленных страницах введения.⁴⁴ С предшественниками до 1933 года иногда ведется полемика, но имена при этом никогда не называются.⁴⁵

Любая абсурдность советской идеологической практики могла

быть востребована в России на протяжении всего существования Советского Союза,⁴⁶ и то обстоятельство, что постепенно подобные преувеличения были отброшены, можно расценивать как огромный шаг вперед. На Западе с большой радостью отметили тот момент, когда начала упоминаться религия. Впрочем, большинство предпочитало пока что придерживаться привычной концепции монументальной литературы (одного) государства, которая, будучи содержательно богатой и национально ориентированной, с самого начала развивалась в рамках большой империи.

«История древнерусской литературы» Любое изложение материала изобилует нелепостями. Заголовки выглядят шаблонно: *История*

⁴⁴ Сперанский (1921: 193–281; апокрифы: 236–270). Для сравнения: «оригинальные» произведения с. 291–345 («Слово о полку Игореве» – с. 361). Орлов (1937: 24–61) представляет переводную литературу лишь в пяти главах. В истории 1941 года (История, 1941: 53–208) даётся самое подробное и, несмотря на советские установки, наиболее адекватное изложение данного материала. Lo Gatto, 1990: 21–33 (без литургической литературы). Д. Чижевский (Tschizewsky, 1948: 69–103) пишет о ней лишь в виде «экскурса», однако довольно подробно. В книге 1960 года (Tschizewsky, 1960, с. 20–30) – уже всего 11 страниц. В. Якубовский (Literatura, 1970: 35–44) уделяет ей внимание, однако и он не упоминает, к примеру, литургическую поэзию. См. также: Literatura, 1975: 15–21 (без литургической литературы). Milidragović, 1976, с. 27–63, с точки зрения связей с южными славянами. Д. Лихачев упоминает ее во многих своих вступительных статьях в книгах серии ПЛАДР, правда, не более одного раза и мимоходом. См.: Podskalsky, 1982: 56–72. Во французской «Histoire» 1992 года вся она помещена на с. 895, как уже перед этим было сделано в книге Феннела–Стоукса 1974 года. Pachlovskа, 1998: 217–229.

⁴⁵ Так, Лихачев в «Величии...» (Лихачев, 1978) полемизирует с В. Истриным.

⁴⁶ Н. В. Водовозов (1966; 17): Олег – «идеальный образ русского полководца»; «устная народная поэзия выражала не только патриотические чувства трудового народа, но хранила в себе также его классовую идеологию»; авторы древнейшего летописного свода «были подлинными выразителями государственных интересов русского народа, с некоторыми противоречиями они следовали интересам народа» (1966: 28); киевская Печерская лавра занимала авангардное положение в борьбе за независимость русской церкви против Византии «в интересах демократических слоев народа» (1966: 40). Тираж: 50000 экземпляров.

древнерусской литературы. Между тем, каждый элемент этой формулировки сомнителен и уязвим. Предлагается деление на главы по жанрам, что создаёт видимость существовавшей тогда иерархии; однако литургическая поэзия, в которой действительно существовали жанры, не упоминается вообще.⁴⁷

Если иметь в виду первые три века (древнерусской литературы), которые здесь рассматриваются, то можно ли в этом случае говорить об *истории* форм и идей, – очень непростой вопрос. А. Пыпин как раз и опроверг подобное мнение в 1897 году.⁴⁸ С критическим отзывом на эту работу вы-

ступил в 1904 году Архангельский.⁴⁹ Но уже в 1908 году идея А. Пыпина с еще более глубоким филологическим обоснованием была вновь воспринята,⁵⁰ и его ученик В. Истрин в 1922 году детализировал эту идею в своей работе по истории литературы, изложив свои соображения об идейной непоследовательности памятников киевского периода. А вот Орлов в 1937 году был уже достаточно осторожен, чтобы не назвать свою книгу «Историей...». Но затем, начиная с большой «Истории», изданной Академией наук (1941), всё остальное уже стало «Историей». То, что предлагалось начиная с этого времени, едва ли

⁴⁷ Владимир Федорович Саводник, 1874–1940 (Саводник, 1918: 145) надлежащим образом упомянул литургическую поэзию, и примерно до 1929 года в России о ней писали в рамках исследований по истории учебной книги. В. Саводник был поэтом-символистом, см. о нем: ЛЭ, т. 10, 1937: 475; КЛЭ, т. 6, 1971: 591. См. также в подразделе «Литургические памятники (в узком смысле)» в главе IV этой статьи. Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888–1972) писала о «христианской гимнографии», при этом, помимо необходимой формулировки «слишком монотонно» (История, 1941, т. I: 177–182), посвятила этим произведениям еще несколько слов. На Западе – только Чижевский (Tschizewsky, 1948: 73). И. И. Тхоржевский (1950: 12–14) лишь метафорически ведет речь о поэзии.

⁴⁸ Александр Николаевич Пыпин (1902, т. 1: IV): «Как следствие тех обстоятельств, при которых возникла наша древняя письменность, мы не обладаем почти никакими сведениями о хронологии: многочисленные памятники оставались востребованными в течение целых столетий, иногда с 11–12 вплоть до 17 и даже 19 века; памятники древней письменности не отделялись от вновь созданных, представлявших собой новую ступень литературного развития – напротив, новые присоединялись к старым как их непосредственное продолжение, даже согласно представлениям самих книговедов они никак не эволюционировали. [...] Наступали события, которые становились переломными в политической жизни народа – но письменность сохраняла всё те же традиционные формы». На с. 178–180 он пишет о «Слове...», на с. 181–183 – о принятии христианства. См. также: Fedotov, 1966, т. I: 365–368. Лучше всего об А. Пыпине см.: ЛЭ, т. 9, 1935: 456–459; также: КЛЭ, т. 6, 1971: 116 и далее; Славяноведение, 1979: 286–289.

⁴⁹ Александр Семенович Архангельский, 1854–1926 (Архангельский, 1904: 119–123, 430–438). Информации о нем очень мало, см.: КЛЭ, т. 1, 1962: стб. 191; Славяноведение, 1979: 56.

⁵⁰ Это сделал Александр Корнильевич Бороздин (1863–1918), утверждавший: «Какую-либо строгую хронологию невозможно выстроить там, где мы не имеем точных свидетельств о времени возникновения памятников» (Бороздин, 1908: 16–18).

содержит в себе внутреннее развитие идей и форм, в лучшем случае это был гусиный парад жанров. Тесная привязка к *политической* последовательности «единое государство – удельное княжество», которая уже сама по себе достаточно проблематична, выступает как некая замена упорядоченности, которая прикрывала проблему и в исследовании по истории *литературы* почти всегда приводила к значительным искажениям.

Весьма проблематичная часть этой формулировки – *древняя*. Почти всегда хронология веков доводится до Петра Великого. И только Истрин в 1922 году отказался от этого; после него в 1948 году также и Д. Чижевский, который, правда, в 1960 году отступил от этого. Орлов в своей работе 1937 года рассматривал весь период до XVI века как единый, и во всяком случае установил тем самым отсчет, который мог быть принят уже со времен Петухова, что XVII век как время раскола следует отделить от предшествующего периода. Н. Гудзий снова затронул этот вопрос,⁵¹ и все последовали ему. При переиздании в скором времени также еще раз было подчеркнута внутреннее единство, свойственное периоду с XI по XVII век: оно якобы было обусловлено непричастностью

к ученой жизни Запада, отсутствием интереса к античности и к догматической теологии.⁵² Оспорить это невозможно.

Между тем нельзя не принять во внимание, что первые века так называемого киевского периода по отношению к последующим векам всё же представляют из себя *aliud*.⁵³ Уже 1300 лет тому назад имелись политические и литературные связи с Западом – правда, довольно слабые, но существовавшие всегда. С другой стороны, зависимость от патриарха в Константинополе в это время была намного более явной, чем позже. В догматическом противостоянии между Византией и Римом Киев тогда еще едва ли принимал участие, а вот позже – напротив, весьма активное. Еще сохранялись реликты германской (варяжской) литературы, позже их уже не было. Но, самое главное, бессмысленное перенесение понятия «древний» на то время, которое в западной литературе (включая литературу латинизированных славян) выделено как новое время, переносит ясное представление о средневековье в полумрак. Что же касается значения гуманизма, то ему ничего не осталось, как полностью исчезнуть во тьме. Последствия влияния общей периодизации истории культуры на формирование понятий просто катастрофичны;

⁵¹ Николай Каллиникович Гудзий, 1887–1965 (Гудзий, 1950; 1940; 1966; 1949; 1959). Устную народную поэзию Н. Гудзий представляет весьма кратко (с. 14–16); переводная литература не называется таковой и представляются относительно детально как «древняя христианская книжность» (с. 17–43; нет литургической поэзии), «Слово о полку Игореве» представлено достаточно широко (с. 111–137; Мазон упоминается в одном примечании на с. 114). О нем см.: ТОДРА 46, 1993, с. 170–198; Энциклопедия, 1995, т. 2: 68–73.

⁵² Об этом писал Ф. Томсон, см.: Thomson, 1995: 308. Полемика: Florovsky, 1962: 35–42.

⁵³ *Aliud* (лат.) – (нечто) другое. – *Прим. перев.*

теперь оставалось только лишь строить домыслы о развращающем влиянии «гуманизма». Именно в этом вопросе Истрин высказывается намного яснее, чем все остальные.

Также вряд ли правильно называть древнюю литературу *русской*. Это слово германского происхождения, оно имело значение 'гребец, моряк' и первоначально обозначало «северных людей» – норманнов. Название страны «Русь» было одновременно названием для народа варягов. Греки говорили «οἱ Ῥῶς». ⁵⁴ Как долго использовался этот эквивалент, мы, конечно же, не знаем. Варяги удивительно быстро славянизировались на русской земле. И всё-таки еще довольно долго прибывало воинское пополнение, поэтому можно предположить, что правящая прослойка еще вплоть до XII, а в Новгороде до XIII века была двуязычной, ведь в то время они еще поддерживали торговые отношения с варягами, правда, не всегда мирные (Новгородская, 1950: 169 – о событиях 1188 года; 175 – 1201 года; 187 – 1217 года). При овладении Константинополем в четвертом крестовом походе варяги были названы защитниками наряду с греками (Новгородская, 1950: 178–179).

Всё это приводит к выводу, что восточные славяне в то время еще не были разделены на русских, украинцев

и белорусов; это произошло не раньше XIV века. В этом заключается причина, из-за которой украинцы и беларусы высказывают несогласие с тем, чтобы литература, которая принадлежит также и им, называлась *древнерусской*. ⁵⁵ С другой стороны, это не такая простая проблема. Ведь наряду с названием страны «Русь» вскоре появились также другие наименования и стали заменять собой первое, но в то же время прилагательное «русский» использовалось с древнейших времен и используется по сей день; таким образом, на наш взгляд, в нем заключена этнонимическая преемственность. Однако же значение этого слова менялось: вначале прилагательное относилось к варягам, однако очень скоро начало относиться ко всем жителям страны, то есть в том числе и к славянам; позже, в XVI и XVII веках оно всё еще служило самоназванием для украинцев, а на сегодняшний день – только для так называемых великорусов (Мошин, 1931: 359–363; Soloviev, 1956; Soloviev, 1957; Stökl, 1990: 38–43; Billington, 1962: 24 и далее, против Флоровского, там же: 1–15; Harder, 1978).

Это положение вещей, безусловно, было понятно В. Истрину, когда он писал свою историю литературы. Поэтому он вел речь об «*общерусском или, точнее, просто русском*». ⁵⁶

⁵⁴ См.: Vasmer, 1955: 551 и далее. Здесь приводится свидетельство по Лиутпранду: Liutprand, Antapodosis I 11: «Rusios, quos alio nos nomine Nordmannos appellamus» («...русских, которых мы называем другим именем – нордманнами»). – Прим. перев.

⁵⁵ Последняя достаточно сдержанная работа на эту тему: Pachlovská, 1998: 78 и далее. На эту же тему см.: Кароткі, 2013: 7–21. – Прим. перев.

⁵⁶ В. Истрин (1922: V): «В этот период нет ни великорусов, ни малорусов, ни белорусов, есть лишь единый "русский" народ. [...] И таким образом литературу 12–13 веков нельзя рассматривать ни как великорусскую, ни как малорусскую, ни как белорусскую, она была "общерусская" или, лучше сказать, просто "русская"». См. также: Истрин, 1922: IX и далее.

Несомненно, его выражение «или, точнее» служит не для того, чтобы описать ситуацию, а является постулатом. В этом смысле в 1927 году к нему присоединился Н. Дурново. Он попытался внести уточнение при помощи диалектных различий.⁵⁷ Но он переносил специфические (языковые) выводы на общие (этнические) обстоятельства. Противоречия, которые обнаруживали себя в связи с этим, он никак не компенсировал, лишь отметил, что украинисты и беларусисты не согласны с его определением русских.⁵⁸

Данное обстоятельство, в свою очередь, приводит к выводу, что язык этой литературы вовсе не был языком восточных славян, что это был церковнославянский язык. Он подвергался, конечно, восточнославянскому влиянию, но в различной степени и не полностью. В самом деле, постоянно говорится о том, что отличие (литературного языка) от южнославянского было в то время настолько незначительно, что «русские» могли свободно понимать последний. И всё-таки сомнения здесь всё еще уместны, ведь тот язык, на котором писали, не был разговорным языком народа. Примером для

всей письменности был южнославянский язык христианской литургии.

Наконец – *литература*. Это современное понятие, которое означает прежде всего автономное литературное творчество. Русские ученые могут, конечно, гораздо лучше нас отразить положение вещей в древнейший период, ведь они для этих целей могли подобрать гораздо большее количество выражений: *словесность, письменность* либо *книжность*. Все эти выражения использовались и будут использоваться. Правда, совершенно не подходящее здесь понятие «литература» с самого начала доминировало в обширных, официозных исследованиях. Да и вообще случилось так, что чем более мы отдалялись от XVIII века, тем в большей степени это слово как порождение эпохи Романтизма становилось ключевым понятием и формировало представление, не всегда способствовавшее лучшему пониманию; ведь представление об автономной литературе, подобно подводному течению, всё еще оказывает своё воздействие.

Можно упомянуть еще лишь о некоторых отдельных моментах. Чи-

⁵⁷ «Выражение “русский язык” имеет несколько значений. В широком смысле слова оно обозначает язык всего русского народа или всех восточных славян. [...] В узком смысле это выражение обозначает только русский литературный язык, исключая не только все общеупотребительные русские диалекты, но и другие литературные языки, которые используются представителями других частей русского народа, в особенности украинский, а в последнее время также белорусский и карпаторусский язык» (Введение, 1969: 8).

⁵⁸ «Следует отметить, что некоторые языковеды-слависты, в особенности украинисты и белоруссисты, терпеть не могут выражения “русский язык” в предложенном нами широком смысле, поскольку существующие на сегодняшний день диалекты русского языка настолько различны между собой, что вряд ли можно вести речь о некоем едином языке, но скорее о самостоятельных языках. Эти самостоятельные языки они называют не “русскими”, а “восточнославянскими”» (Введение, 1969: 8).

татель спрашивает себя: почему постоянно идет речь о литературе Киевского государства или державы, если при этом попросту отброшены памятники юридической письменности, которые якобы «не имеют никакого значения для литературы»? (Чижевский, 1948: 234, 395). Собственно говоря, точно так же невозможно понять и отказ Гримма, который свои представления о древней литературе никоим образом не связывал с памятниками древней юридической мысли (Grimm, 1816; 1828). Почему многие говорят о не сохранившейся и практически не засвидетельствованной до- и раннехристианской поэзии, а также об апокрифах настолько широко, насколько это выгодно, но при этом замалчивается имеющаяся в наличии литургическая поэзия, которая к тому же содержит обязательное поучение?

Пример из летописи за 1037 год.

В завершение приведем еще один конкретный пример, который непосредственно указывает на причину предпринятого нами исследования. Киевская летопись в ее самых ранних списках является важнейшим источником. Без нее невозможно практически ничего сказать о древнейшем

периоде истории и письменности. Однако две наиболее ранние рукописи относятся к 1377 году и к началу XV века. Как правило, данное обстоятельство замалчивается. Правда, исследователи проявили большую изобретательность в том, чтобы для этой древнейшей части вылущить три или даже четыре редакции, которые должны «вернуться» в X век. При этом был принят во внимание тот аргумент, что якобы тот или иной переписчик, руководствуясь определенными интересами, мог что-то опустить, добавить, изменить датировку.⁵⁹ Но в реальности, кажется, никто не хочет воспринимать всерьез тот факт, что переписчик той рукописи, которая действительно имеется в наличии, по прошествии более двух столетий тоже вполне мог это сделать.

Предложение, играющее решающую роль в определении начала восточнославянской письменности, которое в летописи относится к 1037 году, можно встретить в различных рукописях в двух вариантах.⁶⁰ Первый вариант: «[*Великий князь Ярослав*] *книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне. и собра писце многы и прекладалше от Грек на*

⁵⁹ См.: О. В. Творогов. Повесть временных лет (Словарь, 1987: 337–343). На названные там работы Шахматова и его ученика Присёлкова ссылаются почти все другие попытки изложения данного материала. Их следует, однако, воспринимать с большой долей скепсиса; большинство из них – недоказанные, а нередко даже необоснованные гипотезы. По поводу их критического рассмотрения см. прежде всего уже упомянутую рецензию Истрина (1923). Недостаёт важных работ, изданных на Западе: Die Nestor-Chronik, 1969; Handbuch, 1977, 1986; Müller, 1984: 126, прим. 31.

⁶⁰ Следующий далее материал даётся по: Lunt, 1988: 258; Thompson, Made, 1993: 305–307. Полемика: Алексеев, 1996: 281, 294 и далее; отзыв критический, даже с понятным возбуждением, но всё-таки и одобрительный. Возражение со стороны Хораса Грей Ланта (1999) и ответ Алексеева (1999). Дискуссия была не очень продуктивна.

словенское письмо» (ПСРА, т. I, 1962: 151 и далее). Второй вариант: «...и *прекладаше от грекъ на словенское письмо*» (ПСРА, т. II, 1962: 139). Предположительно, это место испорчено. Авторитетный перевод на современный русский язык, умалчивая о наличии вариантов, даёт следующее: «и *переводили они с греческого на славянский язык*» (ПЛАДР, 1978: 167). И затем во всех вариантах текста четко читается следующая часть сложносочиненного предложения: «и *списаша книги многы*», это переводится: «и *написали они книг множество*». Разница между единственным и множественным числом, между «прекладати» и «переводить», между «от Грек» и «с греческого языка», между «письмо» и «язык», «писать» и «списывать», – всё это относится к сомнительным местам в источниках, из-за которых историки литературы активно бросали друг другу вызов. Тем временем литературоведов почему-то это не очень волновало.

III. Состав рукописей

Мы находимся (если оставаться в пределах метафоры археолога) в нижнем слое наших раскопок и

спрашиваем, что же там обнаружено. Там находятся 348 рукописей, 26 из них (а может быть, и больше) – в западных библиотеках.⁶¹ Из них 251 (72,1 %) – богослужебные книги, то есть литургические в узком смысле, предназначенные для повседневной службы в монастыре либо для воскресной службы в отдельной церкви, главным образом в епископской или княжеской церкви. Тексты для чтения и молитвенные тексты – такие, как гомилетика, то есть литургические тексты в широком смысле, – составляют следующие 87 рукописей (22,5 %). Таким образом, 338 сохранившихся рукописей, то есть 94,6 %, предназначены для богослужения.

Но, как уже было сказано, было бы *слишком просто* исходить только из полученных результатов (Tubbezkoj, 1973: 28; Thomson, 1988b: 4; 1993a: 181). Конечно же, многое утеряно (Esch, 1985; 1994: 39–69, 228 и далее); мы не знаем, сколько, и всё же я склоняюсь к мысли, что потери касались, пожалуй, количества рукописей, но не их *многообразия*. Во всяком случае, информация о количестве и разнообразии еще имеющихся в наличии рукописей сама по себе является доказательством, которое до сих

⁶¹ Количественные данные даются по: Сводный, 1984. Это наиболее обширное и самое надежное описание состава древнейших рукописей. Но в нем есть недостатки. Самый главный из них заключается в том, что сюда совершенно бесцеремонно включены восточно- и южнославянские рукописи, которые находятся в России, но попали туда по большей части лишь в XIX веке. Поэтому рукописи на церковнославянском, болгарском и сербском языках здесь не принимаются во внимание. См. рец. автора этой статьи в журнале «Език и литература» (1985, № 4: 106–113), а также: Marti // Russian Linguistics X 1986: 333–351. – О западных фондах см.: Marti, 1989: 153–214. В книге А. Е. Тахиаос и А. А. Турилова (1999) сюда добавлены только три рукописи, две из которых являются записями музыки из Новгорода. Соотношение данных здесь уточняется по сравнению с первым подобного рода опытом автора данной статьи: Rothe, 1997.

пор зачастую не принималось во внимание (Fedotov, 1966: 42; Marti, 1989: 66–85).⁶² Ведь полученные цифры также согласуются с выводом, к которому возможно прийти лишь при установлении общего количества рукописей, причем также на основании более поздних текстов, содержащих в себе материалы рукописей, и просто по сообщениям о рукописях (Marti, 1989: 89–99). Этот состав может служить моделью монастырской библиотеки – именно такой она и была в греческих монастырях того времени: «Литургические потребности в высокой степени определяли выбор» (Thomson, 1978: 117).

IV. Письменность у восточных славян (до 1050 – после 1240)

Состав (рукописей) в том виде, в каком он сохранился и в каком он может быть обнаружен, возможно описать в шести позициях. Они представляют известную иерархию, тематически и хронологически, даже в том случае, если одно с другим время от времени пересекается. Это: 1) каноничная литература и правовые документы; 2) литургические памятники в узком смысле; 3) церковная, частично также литургическая литература для чтения, то есть жития и гомилетика; 4) догматическая

литература; 5) историческая литература, то есть летописи; 6) отдельные повествования.

Можно грубо разделить эти шесть позиций на две группы. Первые две позиции позволяют осознать исторические предпосылки для возникновения письменности, причем одновременно они являются исторической основой формирования государства. Этой основой в общих чертах можно назвать укрепление правопорядка. Частично благодаря правовому регулированию по классическим канонам, но в любом случае и благодаря общим религиозным ориентациям с ними связаны также и оставшиеся четыре позиции. Понятно, что оригинальные восточнославянские произведения появляются изначально в последних из этих групп, в которых можно наблюдать своего рода зарождение государственной идеи.

У истоков всего стояли переводы; мы не можем назвать ни одного литературного произведения древнейшего периода, которое можно было бы однозначно считать восточнославянским. Поэтому существенная методологическая ошибка заключается в том, чтобы рассматривать переводные произведения изолированно, в отдельной главе, которая только потому не располагается в конце в виде приложения, что она всегда как раз-таки предназначена для того,

⁶² А. Брюкнер (Brückner, 1905: 21): потери «лишь количественные, не качественные».

⁶³ Наиболее своеобразно проявляет себя эта методическая неблагонадежность у Д. Чижевского (Tschizewskij, 1948), который начинает свою книгу с некоего «Экскурса». Алексей Иванович Соболевский, 1856–1929 (1897; 1910; 1980). Об этом же: Thomson, Made, 1993; критическое возражение Алексева (там же). – О новом полном каталоге, находящемся в стадии разработки, см.: Thomson, 1990. – См. также: Иванов-Турлилов, 1996.

чтобы формировать начало.⁶³ Но ведь переводы находились в начале всего, в каждом отдельном жанре, ни одно оригинальное произведение не возникло без этого предшествования. Также никогда не было тако-го, чтобы в какой-то определенный момент времени переводы прекратились и начали создаваться только оригинальные произведения. Граница между ними никогда не была четкой, всегда оставалась расплывчатой. Важнейшие оригинальные произведения всегда содержат в себе, и не только на начальном этапе жанровой эволюции, фразы или даже целые фрагменты, которые являются переводными; так можно видеть, как осуществляется монтаж. Переводы – основные источники, жизненные артерии, по которым христианизация после «крещения» проникала в страну и постепенно смогла в ней распространиться.

Переводы осуществлялись всегда, как правило, в первую очередь с болгарского языка, но позже, уже после Киевского периода, также с сербского. Делались ли переводы непосредственно с греческого – сложно установить, во всяком случае, они могли появиться достаточно поздно.⁶⁴ Таким образом, начала литературы всегда базируются на не-русской основе; созданные на этой основе рукописи отправлялись в восточнославянские регионы. Тот, кто хочет рассматривать «древнерусскую

литературу» с точки зрения «оригинальной литературы», должен для начала со всей ясностью осознать, что древнейшие письменные памятники у восточных славян не оригинальны вдвойне: они были переведены, причем в каком-то другом месте. Сначала (восточнославянские книжники) получали в распоряжение уже готовые переводы и тогда постепенно начинали проникать в них посредством своего родного языка. В освоении этой принятой в распоряжение переводной литературы и следует искать нечто своё, принадлежавшее восточным славянам (Fedotov, 1966: 41).

Языковая адаптация и ментальная трансформация воспринятых переводов составляют существенную часть духовной деятельности восточных славян в развитии их письменности древнейшего периода. В этом смысле особого внимания удостоивается понятие малости и уничижения, которое становится предметом рассмотрения в специальных работах. В этом мы не слишком продвинулись вперед со времен Истрина, Ильинского и Дурново.⁶⁵ Так, например, была видоизменена терминология, касающаяся государства: *императора* стали называть *князем*. Литургический гимн в честь какого-либо русского святого контаминируется из греческих стихов и отрывков славянских летописей (Rothe, 1981, 1984/1985). Допускают-

⁶⁴ Самое лучшее до сегодняшнего дня исследование на эту тему: Истрин, 1922: V–X, 1–117. См. также: Thomson, 1993; Одна из последних работ: Иванов-Турилов, 1996: 276–298.

⁶⁵ См. публикации, упомянутые в разделе «Конец славистики в России». См. также: Thomson, 1988/1989; 1995; Thomson, Made, 1993; Thomson, 1983; 1988a; 1988b; 1991; 1993a.

ся всевозможные опущения и расширения. Граница между каноническим и апокрифическим становится размытой; можно даже встретить утверждения, что библейский канон в России в значительной степени оставался неизвестным.⁶⁶

Адаптация начинается с языковых моментов. Болгарский язык приобретает восточнославянские черты, однако же остается узнаваемым, зачастую даже в его различных диалектных разновидностях. Развитие никогда не протекает прямолинейно. Много раз, вплоть до XVIII века, период достаточно хорошо развитой восточнославянской письменности сменялся периодом решительного южнославянского влияния.⁶⁷ Есть «собственный литературный язык», но он почти никогда не был чисто восточнославянским. Мож-

но наблюдать, что перенятые мысли и формы уже в ранний период не осознавались восточнославянскими христианами как чужие, а рассматривались как свои собственные.

Юридические документы. Древнейший слой составляют, безусловно, памятники юридической письменности.⁶⁸ Их подлинные оригиналы не всегда имеются в наличии. Однако же вряд ли есть основания сомневаться в том, что их всегда можно обнаружить у истоков литературного развития.

С начала IX века варяги приходят с войнами к стенам Константинополя. В отношении периода после 860 года складывается впечатление, будто бы обращение некоторых их князей в христианство смогло повернуть ситуацию в мирное русло. Однако военные походы повто-

⁶⁶ «*In Russia, the notion of the Biblical canon, distinguishing strongly between the inspired Holy Scripture and the works of the fathers, never existed. [...] The Holy Scripture, together with the apocrypha were equally...*». В России никогда не существовало понятия библейского канона, строгого разделения между боговдохновенными книгами Священного Писания и произведениями отцов [церкви]. ... Священное Писание было равнозначно апокрифам (Fedotov, 1966: 43). Такая ситуация могла сложиться с самого начала и позже остаться такой же для многих монахов. Но как минимум с середины XIV века, когда митрополит Алексий (около 1300–1378) сделал новый перевод Нового Завета, значение библейского канона должно было приобрести известность; см. новое издание утраченной рукописи на основе старого фотографического снимка: Neues Testament. О рецепции Библии – недавняя публикация Томсона: Thomson, 1998: 882–918. См. также: Алексеев, 1999: 234–249.

⁶⁷ Общепринятая формулировка «второе южнославянское влияние» для культурной ситуации XIV века игнорирует то обстоятельство, что этот процесс повторялся несколько раз уже в киевскую эпоху.

⁶⁸ Они отсутствуют в истории литературы. Иоганн Филипп Густав Эверс (1781–1830) осуществил опыт первичного исследования (Ewers, 1826, в переводе на русский язык – 1835). См. также: Reutz, 1828, перевод на русский язык – 1836; Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1878). Источники: Алексей Степанович Павлов, 1832–1898 (Памятники, 1880; 1908). Перевод на немецкий язык: Leopold Karl Goetz (1905); перепечатка – Amsterdam (Schippers) 1963. Гётц был профессором церковного права в рамках семинара по истории католической культуры университета в Бонне. См. также: Keipert, 1982: 59–62. Продолжение «Памятников...» (Памятники, 1920); Российское законодательство (далее – РЗ), 1984: 130–132, 293–298, 387–389.

рялись, и Византия в X веке много раз заключала договоры с варягами. Единственным источником является восточнославянский текст, который зафиксирован в летописи (см.: Левченко, 1956: 91–171; Obolensky, 1971: 185–188; Щапов, 1972; Каштанов, 1972; Hanak, 1976: 50–52; Poppe, 1980: 339; Malingoudi, 1994).⁶⁹ Договоры 912 и 945 годов содержат в себе торгово-правовые соглашения и, кроме того, положение о наказаниях за провинности. Имеется вполне четкое указание, что они были изданы в письменной форме: по одному экземпляру для каждой стороны, причем каждая сторона подписала свой экземпляр.⁷⁰ Из текста невозможно также уяснить, были ли договоры составлены на двух языках. Но если это даже и так, то второй язык был точно не славянский, а варяжский. Партнёром по договору была «Русь», которая отличалась от славян (*словен*). Это затрагивает вопрос, который, собственно говоря, никогда не поднимался, имела ли варяжская письменность распространение в этой стране. Полностью исключить такой возможности нельзя.⁷¹ Договоры, прежде все-

го, касались двусторонних отношений между Византией и варяжскими купцами, опосредованно – области расселения славян как целого (территории «Киевского государства», как говорили русские).⁷²

Мы располагаем свидетельствами заимствования византийского канонического права, относящимися к началу XI века. Древнейшим славянским письменным документом в целом было каноническое собрание законов – *номоканон*, который, если доверять возникшему около 900 года памятнику «*Vita Methodii*», должен был быть переведен еще до Константина-Кирилла, то есть до 869 года, как первая книга, касающаяся так называемой миссии к славянам (Успенский Сборник, 1971: 197, 108с29–d1; Сводный, 1984: № 165; Burgmann, 1992; Vašica, 1951). Эта книга, пожалуй, стоит у истоков восточнославянской письменности. Великий князь Владимир должен был иметь этот номоканон в распоряжении после своего крещения для нового правового обеспечения христианского по своей сути государства.⁷³ Позже он был широко представлен у восточных славян в четырех переводах в виде много-

⁶⁹ Под 907 годом (лишь фрагментарно): ПСРЛ, I, 1962: 31 и далее; ПСРЛ, II, 1962: 22 и далее; под 912 годом: I, 32–37, II, 23–28; под 945: I, 46–53, II, 35–42; под 972: I, 72–74, II, 60–62. Василий Иванович Сергеевич (1910: 626–666).

⁷⁰ ПСРЛ, I, 1962: 37: «*napisaniem na dvoju charat'ju*» I 52: «*napisachom na dvoju charat'ju. I edina charat'ja est' u cesarstva našego na nejže est' krest i imena naša napisana, a na drugoi posly vaša*». Перевод в ПЛДР (Памятники, 1978: 53, 67) неправильный.

⁷¹ Подробную информацию обо всей норманнской литературе см.: Мошин, 1931; Obolensky, 1970; Stöckl, 1990: 43 и далее; Hanak, 1976; Rüss, 1997, с новейшей литературой.

⁷² Вероятнее всего можно было бы ожидать появления варяжской письменности в Новгороде. «Варяжская церковь» упоминается здесь еще под 1152 годом (Новгородская, 1950: 159); под 1299 годом там же (с. 220) упоминается варяжская дорога.

⁷³ В Уставе Владимира (о котором скоро пойдет речь; прим. 75).

численных рукописей. Первоначально все они приходили из Болгарии.⁷⁴

Сохранились два Устава для урегулирования вопросов церковной юрисдикции, которые связывают с именем Владимира,⁷⁵ а также его сына и наследника Ярослава Мудрого.⁷⁶ Они были довольно поздно зафиксированы (древнейшие рукописи относятся к XIII веку), но отдельные их части на самом деле относятся к XI веку, возможно, даже к эпохе Владимира (Юшков, 1925; Российское законодательство (далее – РЗ), I, 1984: 137 и далее, 165 и далее). Совершенно очевидно, что первоисточник был на греческом языке, но юрисдикция духовенства заметно выходит за рамки византийского правопорядка (РЗ, I, 1984: 163–168);

возможно, что это уже дальнейшая восточнославянская интерпретация.

Более удобными и широко используемыми были два сборника пандектов, то есть сводов правил, составленных из сочинений отцов церкви и постановлений соборов, – Антиоха (VI век)⁷⁷ и Никона из Черногории (XI век).⁷⁸ Оба представляют собой переработку болгарского источника. Уже греческие авторы из практических соображений собрали вместе те правила и нормы, которые находили широкое применение. В русских землях они вскоре начали проникать и в монастыри. Их следы обнаруживаются почти во всех других произведениях. Они заслуживают пристального внимания к себе (Словарь, 1987: 292–294).

⁷⁴ Текст с греческим оригиналом был издан Бенешевичем (Древнеславянская, 1906–1907); переиздание – Лейпциг, 1974 (Subsidia Byzantina IIb). Фундаментальное исследование по тексту: Žužek, 1964: 7–106; Сперанский, 1921: 222–224; Soloviev, 1959; Щапов, 1978; Thomson, Made, 1993: 323–326, прим. 175. Степень востребованности и масштабность распространения *номоканона* у восточных славян слишком мало принималась во внимание историками литературы в связи со спекулятивными рассуждениями о независимости «русской» церкви и самостоятельности «древнерусской» литературы. Ср., однако: Dvornik, 1955/1956: 76–91, о номоканоне – 80 и след., 85–89. Об этом – в подразделе «Византия» данной статьи; Lexicon, Bd. V, 1991: Sp. 1445f. (L. Burgmann); Lexicon, Bd. VI, 1993: Sp. 1229f.

⁷⁵ Древнейшие рукописи относятся к XIII и XIV векам. Лучшее издание текста: Памятники, 1920: 1–72. – Также см.: РЗ, I, 1984: 137–151. По-немецки: Goetz, 1905: 8–39; Щапов, 1966; Щапов, 1972.

⁷⁶ Древнейшие рукописи относятся к концу XV века. Текст издан только в «Российском законодательстве...» (РЗ, I, 1984: 168–172 и 189–193; по-немецки: Goetz, 1905: 39–45); Fritzlner, 1923; Щапов, 1972: 178–306. Ярко проявляется тенденция к преуменьшению церковного и церковно-правового аспекта.

⁷⁷ Греческий текст см.: Migne, 89, 1421–1850; перевод на церковнославянский см.: Popovski, 1989. Его же комментарий: Die Pandekten, 1989; Beck, 1959: 449 и далее; Lexikon, I, 1980: Sp. 719 (H. Kraft); Пуцко, 1987.

⁷⁸ Тактикон, по-гречески издан лишь частично Бенешевичем, см.: Описание, 1911: 561–607; перевод на церковнославянский язык: Почаїв 1795. Полное издание пандекта: Максимович, 1998; греческий и русский текст, а также двойной глоссарий. Древнейшие рукописи XII века. О нем: Beck, 1959: 600. Павлова, 1988. – Hannick, 1989; Lexikon, VI, 1993: Sp. 1190; Максимович, 1998.

Отношения между патриархом в Константинополе и митрополитом в Киеве, в свою очередь, их отношение к отдельным епископам, а также отдельных епископов к приходским священникам выявляются из ряда канонических ответов на поставленные вопросы. Они были получены в период времени с конца XI до конца XIII веков.⁷⁹ «Прелюдию канонической литературы»⁸⁰ образуют канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089).⁸¹ Более известны вопросы новгородского священника Кирика (*Kyrikos*, 12 век) и канонические ответы его епископа Нифонта (умер в 1156 году), которые опираются на ответы Иоанна.⁸² Эти вопросы содержат в себе элементы теологического учения о таинствах, позволяют предвидеть проблемы конкретного пастырского служения, наиболее широко – всего, что касается крещения. Мелочи здесь весьма информативны. Священник должен покинуть свадебное торжество после церемонии, если при этом будут исполняться песни, – имеются в виду, конечно, языческие песни. Что следует предпринять, ежели священник за праздничным ужином изрядно напился? Или если какой-нибудь причастник испускает при этом неблагоприятные звуки? Ответы мудрого новго-

родского епископа оказываются весьма животворными.

Если подобные канонические ответы упоминаются в исследованиях, то они рассматриваются как оригинальные произведения, в особенности ответы новгородца Кирика. Но это, по меньшей мере, сомнительно. Епископ Нифонт, дававший ответы, которые записал Кирик, был греком (*Nephon*), и уж в любом случае *ответы* митрополита Иоанна II, на которые он опирался, были записаны на греческом языке (Павлов, 1873; Памятники, т. II, 1920: 321–346; Podskalsky, 1982: 186 и след). За образец в данном случае могут быть признаны так называемые эротапокритические наставления монахов в форме вопросов и ответов эпохи раннего христианства.

Далее мы располагаем неким документом, относящимся к светской юрисдикции, а именно «*Русской правдой*». Она не дошла до нас как отдельная книга, сохранилась лишь в одной из рукописей канонического права. Этот древнейший список 1282 года является одновременно и единственным рукописным экземпляром данного памятника древнего периода. Текст относят к середине XI века.⁸³ Выражение «*русское*»

⁷⁹ Тексты: Памятники, 1908: № 1–13, 1–142.

⁸⁰ Выражение Подскальского (Podskalsky, 1982: 186).

⁸¹ Русский текст: Памятники, 1908, № 1: стб. 1–20. Об Иоанне II см.: Словарь, 1987: 210.

⁸² Текст см.: Памятники, 1908: стб. 21–62, № 2. О Кирике: Голубинский, I, 1901: 792 и далее. Fedotov, 1966: 180–197; Podskalsky, 1982: 187–189; 1993: 228–237. Словарь, 1987: 215–217 (Е. Пиотровская). Fennel, 1995: 74–76.

⁸³ В «Кормчей» 1282 года (Сводный, 1984, № 183: 270 и далее, л. 615–627). Текст издан Е. Ф. Карским, (1930; 1970). Затем Б. Д. Грековым (Русская правда, 1940/1947/1963); РЗ, I, 1984: 47–49, 64–73. На русском и на немецком языке см.: Goetz, т. 1, 1920: 4–65. Исследование начинается ближе к концу: «...это никакое не заимствован-

право указывает в таком случае не на славянское, а на германское происхождение. По существу, книга содержит в себе уголовные и – в меньшей степени – гражданско-правовые установления, некоторые (с. 10; 11) служат для урегулирования отношений между варягами-иноземцами и коренным населением.

Составленных по всем правилам официальных документов, относящихся к древнейшим временам, обнаружить невозможно. Лишь с конца XII века составляются некоторые документы, и то лишь в регионах, западными соседями которых были государства с латинской культурой, в Новгороде (Грамоты, 1949: 159–161, № 102–103; 1181/82 год: 284, № 283; 1189/90 год; 1192 год: 161 и далее; № 104; Зимин, 1953: 101–273; Щапов, 1976: 147–165) и Пскове (Зимин, 1953: 277–283), а также в Смоленске,⁸⁴ позже в Галиче.⁸⁵ Почти исключительно в этих документах идет речь о контроле над собственностью монастырей, позже – о торговых договорах (Смоленск).

В Новгороде к началу XIII века в Церкви Св. Петра имелась еще так называемая «купеческая церковь» (Johansen, 1975: 499–503; Lexikon, V,

1991: 1086; Johansen, 1953; Benninghoven, 1961: 149–155). Подобная ей возникла позже и в Смоленске (Раппопорт, 1972; Мельникова, 1989: 258; Die Erste, 1971). Хранение товаров в этой церкви требовало точных законов, *схра* (Schlüter, 1914: 50–115); Lexikon, VII, 1995: 1531). Они были записаны на средневерхненемецком языке. Было ли с этой стороны влияние на славянские отношения, можно усомниться, если принять во внимание новые отношения, выработавшиеся у групп иностранцев к своим собственным уставам на Руси. Между тем законодательство в Новгороде распространялось на немцев и на славян, и аналогичные установления мы находим в русской купеческой церкви в Швеции (Johansen, 1975: 503; Мельникова, 1989).

Документы позволяют обнаружить постепенно растущий правовой порядок в различных областях. Несомненно, воплощение права в письменную форму и одновременно начало письменности в целом является следствием христианизации. Каноническое право, как византийское, так и сформированное преимущественно на его основе, в конце концов охватило значительную часть

ное из-за рубежа, но действительно русское право» (Goetz, т. 1, 1910: 277). Мне не удалось найти ключевое слово в справочной литературе (ЛЭ, КЛЭ, Словарь, I, 1987; II 2, 1989). Обширная библиография см.: Сводный, 1984: 208–210, P3, I, 1984: 130–133. См. также: Мошин, 1931: 369 и далее. Там недостает в первую очередь: Harder, 1973, с критическим обзором литературы и анализом рукописей; Słownik, IV, 1970: 582–587; Lexikon, VII, 1995: 1121 и след.

⁸⁴ Как свидетельство основания см.: Щапов, 1963; Поппэ, 1966; Зимин, 1976: 37–98 (72–98: Договоры с Ригой); Смоленские, 1963: 10–62 (договоры с Ригой). См. также: Słownik, V, 1975: 320–322; Щапов, 1966: 136–177; Lexikon, VII, 1995: стб. 2013 и далее. Связи с Ригой и с Ливонским орденом оставлены без внимания.

⁸⁵ Тексты см.: Зимин, 1953: 25–33; Щапов, 1976: 166–172. На эту же тему: Stökl, 1966; Stökl, 1981: 98–123.

территории страны. «Русское» право было княжеским правом и развивалось медленнее. Наряду с византийским влиянием на северо-востоке и юго-востоке проявляется и латинское. Остаётся, однако же, открытым вопрос, насколько действенным было это право и насколько широко оно использовалось. О судебной системе в полном смысле этого слова мы почти ничего не слышим. *«Сильно варьирующаяся терминология лишь изредка позволяет распознать специализированные функции».*⁸⁶

Литургические памятники (в узком смысле). В непосредственной связи – функционально и хронологически – с каноническими документами находится следующий пласт *литургических памятников*.⁸⁷ Православная литургия настолько сложна в своей структуре, что для этого существует специальный свод правил, а именно *«Типикон»* (Устав). В полном варианте он состоит из трех частей: конкретные указания для отправления богослужения в течение церковного года, для богослужения в период поста, а также канонические установления, касающиеся монастырской жизни, в том числе и дис-

циплинарные установления. Порядок богослужения подчинялся определенному канону.

Типикон сохранился в тринадцати рукописях.⁸⁸ Св. Феодосий (Theodosios; около 1036–1074), вскоре после основания им в 1062 году Печерского монастыря в Киеве, поручил перевести Типикон Студийского монастыря в Константинополе (Успенский Сборник, 1971: 89, fol. 37b21–c9) и ввел его для использования в Киеве. В соответствии с этим сводом правилом на русской основе внедрялась совместная (киновийная) общинная жизнь вместо неупорядоченного отшельнического существования для всех монастырей. Таким образом, монастыри как центры духовной жизни получили единообразный уклад в соответствии с определенным каноном, во всяком случае, на период первых ста лет (см. подразделы «Монастыри» и «Киев» в главе VI).

Основу литургии составляли лекционарии для чтения (зачала) из (апракосных) Евангелий (представлены 83-мя рукописями, в числе которых – одна из самых древних рукописей, датированная 1056 годом), из Апостола (12 рукописей),

⁸⁶ Burgmann, L. Recht. Altrußland, см.: Lexikon, VII, 1995: 513 и далее.

⁸⁷ Общая информация: Голубинский, I 1, 1881: 282–297; Fedotov, 1966: 50–57; Podskalsky, 1982: 232–246. В более новых справочных изданиях информация отсутствует.

⁸⁸ Все сведения приводятся согласно данным, указанным в прим. 61. Мною запланирована подготовка более точных данных о рукописях, подробные комментарии по этому поводу готовятся к опубликованию. Будут добавлены еще 5 рукописей с полным текстом литургии (*служебник*). Частично издано: Ищенко, 1976. Подробное описание рукописей – у Александра Васильевича Горского (1812–1875) и Капитона Ивановича Невоструева, 1815–1872 (Горский-Невоструев, 1869); Wiesbaden 1964: 239–270, № 380 (конец XII – начало XIII века.); 270–314, № 381–387 (XIV–XV века.). Об издателях см.: Славяноведение, 1979: 128 и далее, 248; Голубинский, I 2, 1880: 609–615; Podskalsky, 1991: 115–117.

из Псалтири (12 рукописей), а также отдельных книг Ветхого Завета (7 рукописей). Сюда же следует при- совокупить служебники со специаль- ными литургическими песнопения- ми (117 рукописей). Все они, конечно, пришли из Болгарии, а в отдельных случаях, возможно, даже из Моравии (Hannick, 1984/1985; 1988).

В служебниках (за исключением некоторых позднейших рукописей)⁸⁹ помещались песнопения, не записан- ные согласно конкретному ходу бо- гослужения (в Византии так начали поступать лишь в XIII веке, а у сла- вян в XIV веке), а собранные вместе по жанровому принципу. При этом различались: книга песнопений для воскресных дней (Октоих, Паракли- тик; 10 рукописей), минея (Menaion) с песнопениями на все дни церков- ного года (55 рукописей), а также книга песнопений на период вели- кого поста и после него вплоть до Троицы (Триоди Постная и Цветная; 10 рукописей).

Сложность представляют не толь- ки сами песнопения как таковые, не только их литургическое расположе- ние, но и ноты (невмы), а также во- семь гласов (греч. *echo*, слав. *глас*) в пении (Hannick, 1990; 1998: 428–441; Floros, 1970; Taft, 1995; Hannick, 1972; 1987 (обширная библиография);

1994; 1989; Герцман, 1996а: 13–123; 1996b). Славянские невмы обязаны своим происхождением византий- ским, однако несколько видоизмене- ны. Они еще не полностью расшиф- рованы.⁹⁰ Все песнопения состоят из нескольких строф. Они исполняют- ся по образцу определенной строфы, причем каждая из них приводится в начале (*Hirmos, Prosoimoion*; слав. *по- добен*). В связи с этим имеются и дру- гие книги песнопений, которые объ- единяют в себе образцовые строфы (ирмологион; 5 рукописей), а также такие, которые собирают в одно опре- деленные жанры песнопений: стихи- рари (25 рукописей) и кондакари (7 рукописей).

Таким образом, это уже шесть раз- личных жанров, которые были собра- ны в отдельных книгах. Есть и дру- гие. Хотя для их изучения кое-что уже сделано⁹¹ (Keller, 1977: 233–243; Strömer, 1987; Момина, 1992; Нечуна- ева, 1990; Нечун, Лексические, 1993; Нечунаева, Минейный, 1993; Нечун, Майская, 1998; Нечунаева, Путяти- на, 1998; Темчин, 1993; 1997; 1998; Хоценко, 1997: 163–166), однако же обобщающее изложение результатов подобного исследования для фило- логов и историков отсутствует. Еще более удручающе выглядит ситуация с изданием текстов. Более века тому

⁸⁹ См.: Сводный, 1984, № 167 (конец XII – начало XIII века): 310–313 (XIII век). Вплоть до № 312 рукописи содержат литургию Василия Великого.

⁹⁰ См: Максим Викторович Бражников (1904–1973), см.: Бражников, 1949. О нем: The New, 1980: 221; Gardner, J. v. Der Verfasser (sc. Smolenskij) und die Geschichte des Werkes, см.: Smolenskij, 1976: 5–12; Velimirović, 1984/1985.

⁹¹ «Наша литература должна была с самого начала обнаруживать связь с богослу- жением» (Сперанский 1921: 202–204). Адрианова-Перетц (1941) делает несколько разумных замечаний по поводу поэтического содержания и русских адаптаций песнопений, вплоть до Пушкина. Но больше эта тема не затрагивалась.

назад Ватрослав Ягич (1838–1923) начал издавать богослужебные минеи (Служебные минеи, 1886). После этого в России было предпринято немного, да и это немного лишь в малых тиражах и в скрытой форме (Бражников, 1955: 7–12; Изборник, 1965; Успенский Сборник, 1971; Апракос, 1983; The Lavrsky, 1994). Лишь в немецкоязычном (Koschmider, 1952, 1955, 1958; Koschmider, 1963, 1966, 1972; Smolenskij, 1976; Dostal, 1990; Metallov, 1984; Murjanov, 1998; Hannick, 1999)⁹² и англоязычном (Bugge, 1960; Mur'janov/Strachov, 1998) за рубежом эта работа была продолжена. Слишком плачевное до недавнего времени положение с изданиями обнаруживает яркую диспропорцию с богатой и доступной информацией о местоположении источников.⁹³

Еще более ощутимо практически полное отсутствие филологических комментариев. По предварительному обзору мы можем признать факт постепенного освоения этой литургической литературы в три этапа. Они распознаются соответственно устройству церкви. К первому этапу относятся те восточные и южные славяне, которые после принятия христианства (988 год) обеспечили усвоение в русских землях традиции использования

первых служебников из Болгарии. Это случилось не раньше 1014 года.⁹⁴ Здесь идет речь о Евангелии-Апракос, следы которого можно обнаружить изначально в Новгороде в 1056 году (Сперанский, 1928/1929: 517); предположительно также об Октоихе, который, по-видимому, был представлен в одном из глаголических палимпсестов (Сводный, 1984: 277, № 305; Lunt, 1958). Затем идут служебные минеи; правда, изначально это вряд ли были полные минеи для повседневного богослужения в монастыре. До 1050 года у восточных славян еще не было монастырей, а значит и не было потребности в минеях. Имеются в наличии лишь рукописи с так называемыми праздничными минеями как древнейший пласт, в палеографическом отношении идентифицируемые по их южнославянским отличительным особенностям, в первую очередь по глаголическим буквообозначениям (Сводный, 1984, № 76: 155; Дурново, 1924–1926; Ильинский, 1929: 101–109; Birnbaum, 1988/1989: 513). Восточнославянские рукописи относятся по большей части к XII веку, но их болгарские оригиналы были как минимум одним веком старше.

Полный цикл богослужебных миней появляется в виде датированных рукописей, начиная с 1095–1097 годов. Своё

⁹² Повторное издание «Изборника» 1073 года см.: Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris III, Wiesbaden (Harassowitz) 1965. – Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember. Fascimile der Hss. CGADA f. 381 Nr. 96 und 97 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B 16, NF 1), hrg. Von Hans Rothe und E. M. Vereščagin, Köln (Böhlau) 1993; то же, исправленное издание: Abh. NRWakWiss 98, 99 = Patristica Slavica 2, 3), Opladen (Westdeutscher Verlag), Bd. I 1996; II 1997.

⁹³ См.: Podskalsky, 1991: 116. В прим. 19 и 21 автор сообщает о машинописной версии дальнейшего издания типикона (D. M. Petras) в Риме в 1982 году, а также о полном издании с историко-критическими материалами Ф. Короткова (1986). Готовится новое полное издание, а также первое издание триоди.

⁹⁴ См. об этом в подразделе «Болгария» главы V.

продолжение он найдет в рукописях, которые будут датированы более поздним временем, XII веком (Сводный, 1984, № 7–9: 37–43). Они свидетельствуют о том, что была осуществлена новая редакторская переработка, частично также – новый перевод.

В некоторых литургических рукописях обеих этих групп иногда обнаруживаются музыкальные знаки (Сводный, 1984, № 7–9: 21, 76). Минеи, полностью обеспеченные невмами, опять же появляются несколько позже (Сводный, 1984, № 78–81: 83–85, 87, 89, 91, 94; Тахиаос, 1999: 376 и далее, №965: Стихирарь (конец XII века); 116, № 263: Ирмологион, начало XIII века). Рукописи с записями музыки других жанров можно частично обнаружить и в более ранний период.⁹⁵ В целом подобные рукописи с записями музыки следует считать специфическим достоянием восточных славян, возможно, наиболее значительным из всего, что мы знаем.⁹⁶ У болгар не было рукописей с записями музыки. 21,1 % литургических рукописей в узком смысле – это рукописи с записями музыки. При этом их отличительной особенностью является то, что их тексты сохраняют архаические языковые особенности – как восточно-, так и южнославянские – в намного более высокой

степени, чем рукописи без нот, причем независимо от «возраста» рукописи. Насколько можно судить, этот момент до сих пор оставляли без внимания историки как литературы, так и языка.

Об одной рукописи обязательно следует упомянуть («Сводный каталог...», № 50, конец XI века). Она сохранила Студийский типикон в кратком изложении, затем полный кондакарь на весь церковный год и период поста, наконец, песнопения из октоиха. Средняя часть кондакаря уникальна. Многие песнопения внесены в него дважды, сначала с невмами, затем тот же текст, но без невм. Нередко двойные тексты различаются между собой в языковом отношении, посредством чего можно наблюдать, как восточнославянская адаптация затем прогрессировала до уровня произведений без невм. Эта тенденция утверждается по отношению к различным рукописям одного и того же содержания как с невмами, так и без них.

Пожалуй, материал песнопений позволяет дать некоторые пояснения. Невмы требуют полных слогов, то есть сохранения малозвучных или уже беззвучных гласных. Но с ними далеко не продвинешься. Именно не релевантная в музыкальном отношении система согласных охватывает-

⁹⁵ Кондакарь: Сводный, 1984, № 50: XI–XII века; Стихирарь: № 54: XI–XII века; Триодь: XI–XII века (снабжена невмами не по всему тексту).

⁹⁶ Об этом: В. М. Металлов, 1862–1926 (Металлов, 1912); Степан Васильевич Смоленский, 1848–1909 (Смоленский, 1885а; 1885b; 1901; 1904; 1899). О нем: Финдейзен, 1911: 1–46; Антонин Викторович Преображенский (1924). На немецком языке: Wehrmeyer, 1999; обширная библиография на с. 141–203; о нем: Wehrmeyer, 1999: IX–XIV; Polikarova-Verdeil, 1953; Успенский, 1960; 1971а: 29–67; 1971). О нем: М. Велимирович, см.: The New Grove Dictionary, XIX 1980: 476; Irenikon, Bd. 60, 1987: 565 и далее; Velimirović, 1960; Mokry, 1966; Хорват: 207–234; Hannick, 1988а; 1988b; 1988с; 1990; 1992; 1994; Герцман, 1991/1992; Myers, 1998.

ся архаизацией при помощи неум, и слоги могли при этом наполняться в музыке гласными с изменением их качества от редуцированных к полным, как это происходило в долго тянущихся музыкальных фразах также в конце. Таким образом, видимо, следует допустить, что музыка как специфическое достояние восточных славян требовала архаизации как таковой. В любом случае это самое раннее подтверждение названного своеобразия, которое позже отличало всю историю русской духовности.

Вопрос относительно собственной традиции слагания песнопений достаточно сложен. Искушение найти «оригинальные» произведения велико. При этом следует не забывать о том, что понятия «оригинальный» в то время вообще не существовало. Из греческих оригиналов заимствовались не только мотивы или образы (Рогачевская, 1998: 40; Tschizewsky, 1950), но и целые строфы. Это можно наблюдать также и в других случаях. С методологической точки зрения представляется неоправданным, что на протяжении такого длительного времени круг возможных греческих источников *всё ещё не* исследован.

Литургическая литература для чтения. Литургическая литература для чтения – следующий пласт; она была, как и всё остальное, также привязана к церковной жизни, но к канонически упорядоченной литургии – лишь отчасти. В процессе богослужения могла быть прочитана проповедь, посвященная святому данного дня,

либо даже проповедь его авторства, кроме того, могло быть зачитано его краткое житие. Такие произведения, несомненно, читались также и вне богослужения, например, в трапезной во время приемов пищи; и в более широком смысле подобное чтение также носило литургический характер. Творения отцов церкви (патристика) – в той степени, в какой они сохранились, и в связи с этим в той степени, насколько еще возможно иметь о них реальное представление, – это, конечно, по преимуществу гомилетика. К литургической литературе для чтения относятся также жития.

Гомилетика. Памятники гомилетики, которые «на долгие века полностью исчезли из поля зрения ученых» (Творогов, 1997: 186), сохранились практически исключительно в сборниках и, соответственно, едва ли могли быть усвоены и переписаны каким-либо другим путем (Архангельский, 1888; 1889/1890; Sjöberg, 1984/1985, конец XIII века, принадлежит к числу списков «Изборника» 1073 года); Certorickaja-Miklas, 1994; Творогов, 1988: 197–206; Изборники; 206–214: Гомилии; Творогов, 1990; 1993; 1999). Особенно признанным и известным с самого начала был Иоанн Златоуст (354–407). Его проповеди были собраны в сборники уже в самой Византии, затем переведены в Болгарии и отсюда восприняты восточными славянами (Сводный, 1984: 18, 74, 263–265; Архангельский, 1890, т. IV: Творения Иоанна Златоуста в древнерусских «Измарагдах»; Гранстрем, 1974; 1980; Granstrom/Tvorogov/Valevičius, 1998; Фомина, 1993; Творо-

⁹⁷ Обширное посмертное изучение работы Е. Гранстрема предпринял Творогов (1997: 187).

гов, 1999: 21–28).⁹⁷ Он весьма широко представлен в обоих больших сборниках XI века, 1073 и 1076 годы, а также в служебных «Четьих Минях» на месяцем семнадцатью проповедями, в их числе – полный цикл на страстную неделю (Успенский Сборник, 1971, № 23–32: 35, 37–40, 43–45, 49). Никто другой из числа отцов церкви не достиг такой популярности у славян. Из числа отцов церкви раннего периода, то есть первых ста лет после приобретения христианством статуса государственной религии (примерно до 450 года), до 1100 года (в письменности восточных славян) была представле-

на добрая дюжина проповедников,⁹⁸ в том числе трое латиноязычных.⁹⁹ В большинстве своём они были представлены лишь отдельными фрагментами и практически не имели никакого влияния. Это, несомненно, относится к латинским авторам. Точно так же и более поздние отцы церкви, даже если они достаточно рано заявили о себе у восточных славян, то в более позднее время их сочинения не получили широкого распространения.¹⁰⁰ Лишь по отношению к некоторым возможно предположить, что они уже достаточно рано приобрели определенную популярность,¹⁰¹ в их

⁹⁸ Юстин (около 100 – около 165): Изборник 1073 года. – Афанасий (295–373): Изборник 1073 года; Успенский сборник. – Евсевий (263–339): Изборник 1073 года. – Кирилл Иерусалимский (315–386). См.: Сводный, 1984: 45. – Григорий Назианзин (329/330 – 386), см.: Сводный, 1984: 33. – Василий Великий (330–379): Изборник 1073 года, 1076 года; Тахиос/Турилов, 1999: 197, № 475. – Епифаний Кипрский (310/332–403): Изборник 1073 года. – Григорий Нисский (умер в 394 году): Изборник 1073 года. – Кирилл Александрийский (умер в 444 году): Изборник 1073 года; Успенский сборник. – Исидор Пелусиотский (около 360 – около 435): Изборник 1073 года. – Феодорет из Кира (386/393 – 450): Изборник 1073 года – Нил Синайский (Постник; умер в 450 году): Изборник 1076 года; Сводный, 1984: 229. Исихий Синаит (умер после 450 года): Изборник 1073 года; 1076 года. – Геннадий (умер в 471 году): Изборник 1076 года. – См.: Творогов, 1999: 28–42.

⁹⁹ Иринея Лионский (около 130 – около 200): Изборник 1073 года. – Ипполит Римский (III век): Изборник 1073 года; Св. кат. 105, 129. – Августин (354–430): Изборник 1073 года.

¹⁰⁰ Филон из Карпасии (Филон Колпастьский) (умер в 410 году): Сводный, 1984: 375 (вторая половина XIII века). Савва (Освященный; 439–532): Успенский сборник. Евсевий Александрийский (V век): Успенский сборник. Григорий Антиохийский (VI век): Успенский сборник. Анастасий Синаит (умер после 700 года): Изборник 1073 года. Федор Студит (759–826): Сводный, 1984: 376 (вторая половина XIII века). Никифор Константинопольский (около 750–829): Изборник 1073 года. Федор Эдесский (первая половина IX века): Сводный, 1984: 229 (XIII век). Андрей Юродивый (умер в 936 году): Изборник 1073 года.

¹⁰¹ Ефрем Сирий (около 306–370), Паренесис: Сводный, 1984: 289, 466 (оба – XIII век); Успенский сборник; об этом: Архангельский, 1890, т. III; Творогов, 1999: 31–33. – «Лествица» Иоанна Климака (Лествичника) (до 579–649): Изборник 1076 года; Сводный, 1984: 62 (XII век), 206 (нач. XIII века), 354 (вторая половина XIII века). – Максим Исповедник (580–662): Изборник 1073 года; Сводный, 1984: 229 (XIII век). – Андрей Критский (около 660–740 года): Сводный, 1984: 223 (XIII век); Успенский сборник. О нем: Белоброва, 1999. – Иоанн Дамаскин (675–749): Изборник 1073 года;

числе можно назвать папу Григория I Великого.¹⁰² Некоторые из этих сочинений представляют собой толкования книг Священного Писания.¹⁰³ Отдельные изложены в древней форме вопросов и ответов.¹⁰⁴ Большая же часть этих произведений, а может быть, даже и все, были восприняты из болгарских источников, а затем адаптированы.¹⁰⁵

Только на этом фоне можно рассматривать оригинальные проповеди восточнославянских авторов. Так или иначе, нам известны семь восточнославянских проповедников.¹⁰⁶ Но все они опираются на про-

изведения византийской патристики, из которых заимствуют темы и даже целые словесные конструкции. Мы наблюдаем это даже у наиболее известных авторов: у митрополита Илариона (середина XI века), а также у представляемого иногда как величайшего стилиста епископа Кирилла Туровского (умер в 1182 году).¹⁰⁷

Жития. Аналогично развивалась и *житийная* литература. Сначала это были собрания житий святых. Литургическим в узком смысле памятником является Синаксарий, (известный) у славян под названием Пролог, то есть сборник, содер-

Сводный, 1984: 141 (XII–XIII века; Успенский сборник; изд. текста: Weiher, 1987. См. также: Трендафилов, 1997. – Михаил Синкелл (761–846): Изборник 1073 года; о нем см.: Thomson. Made, 1993: 315, № 13; Thomson, 1983: 67; 1991.

¹⁰² Григорий I (540–604): Изборник 1073 года; Сводный, 1984: 227 (XIII век); Успенский сборник.

¹⁰³ Некоторые написал Иоанн Златоуст. У Ипполита – комментарии к Книге пророка Данила. У Андрея Критского – комментарии к книге Апокалипсис. У Григория Великого комментарии к Евангелиям. У Филона из Карпасии – комментарии к книге «Песнь Песней». Об этом: Алексеев, 1988; Podskalsky, 1991: 113. Слова «брошающееся в глаза непринятие библейской экзегезы» относятся, конечно, лишь к оригинальным произведениям; об этом – в главе IV «Письменность у восточных славян (до 1050 – после 1240)»; см. также: Сендерович, 1999.

¹⁰⁴ Подобного рода творения Иоанна Златоуста, Афанасия и Кирилла Иерусалимского – в Изборнике 1076 года; здесь есть также и другие (анонимные) произведения. Легко заметить, что компилятор этого тома предпочитает именно эту литературную форму. – См. также: Архангельский, 1889, т. II.

¹⁰⁵ Томсон в работе “Made in Russia” (1993) высказывает мнение, что всё было воспринято из Болгарии. Но это, конечно, не исключает того, что у восточных славян, в Киеве либо в Константинополе, кое-что переводилось заново. Ср. также: Алексеев, 1996.

¹⁰⁶ Епископ Лука (Жиждята) из Новгорода (умер в 1059/60 году). Митрополит Илларион (середина XI века). Митрополит Климент Смоленский (умер после 1164 года). Епископ Кирилл Туровский (умер в 1182 году). Архиепископ Иоанн (Илья) Новгородский (умер в 1186 году). Игумен Авраамий Смоленский (между 1150 и 1220). Епископ Серапион Владимирский и Суздальский (умер в 1275 году).

¹⁰⁷ О нем ср., напр.: Tschizewsky, 1948: 243–258; о греческих образцах – с. 245 и след.; Podskalsky, 1991: 117–120; 1993: 217. По поводу отдельных свидетельств см.: Thomson, 1983: 65–73; о Кирилле – 66–68; Podskalsky, 1984/1985: 49–57; Scholz, 1987. Что касается Иллариона, то знаток его творчества дает параллели из греческих текстов, см.: Müller, 1962; 1993; 1997/1998, с новейшей литературой. Сендерович, 1999. О Кирилле из Турова: Рогачевская, 1993; Рогачевская, 1998: 38–45.

жащий в себе краткие жития либо информацию о каком-либо святом определенного дня. Студийский Типикон, который ввел Феодосий в Киеве (до 1074 года), предусматривал чтения из Пролога. Поэтому логично предположить, что эти два памятника вместе пришли в Печерскую лавру. Древнейшая рукопись датируется концом XII века (Сводный, 1984, № 162; №177, 1262 либо 1282). Остальные 12 рукописей были созданы до начала XIV века (Словарь, 1984: 376–381; Давыдова, 1990; Давыдова-Черторицкая, 1993; Thomson, Made, 1993: 318–320; Trunte, 2000).

Не столь непосредственно были связаны с богослужением патерики, сборники пространных житий, собранные позже в так называемые Четьи Минеи. С древнеболгарского периода сохранилась подобного рода Четья Минея на месяц март.¹⁰⁸ Пять греческих патериков были переведены, некоторые, вероятно, еще в мо-

равский (в IX веке),¹⁰⁹ другие в древнеболгарский период (в X веке),¹¹⁰ один, возможно, был переведен восточными славянами.¹¹¹ После того, как эти переводы были выполнены, в начале XIII века возник и оригинальный Киевский патерикон.¹¹² Это собрание житий отцов Киво-Печерского монастыря; главным его составителем был один из киевских монахов того времени Симон (умер в 1226 году), который стал затем епископом во Владимире на Клязьме.

С древнейшего периода до нас дошли около сорока отдельных житий, либо мы знаем об их существовании. Большинство из них посвящены греческим святым и были переданы восточным славянам в болгарском переводе.¹¹³

Пять восточнославянских святых удостоились своего жития в киевскую эпоху; наиболее важные (жития) – святых братьев Бориса и Глеба, а также Св. Феодосия – (были созданы) еще в XI веке.¹¹⁴ Именно

¹⁰⁸ Codex Suprasliensis (Сводный, 1984, № 23). Последнее издание подготовили Йордан Заимов и Марио Капалдо, т. I–II, София 1962/63 (факсимиле, славянский, греческий текст и комментарии).

¹⁰⁹ Римский патерикон, см.: Словарь, 1987: 313–316. Собрание апофтегм (Патерик Скалигера или Скитский патерик) (Словарь, 1987: 321–325).

¹¹⁰ Иерусалимский патерик (Словарь, 1987: 299–302). Синайский патерик (Словарь, 1987: 316–321).

¹¹¹ Египетский патерик (Словарь, 1987: 302–308). Рукописи 30-х годов XIV века. Датировка текста в его принадлежности еще к XI веку вызывает вопросы.

¹¹² Л. А. Ольшевская (Словарь, 1987: 308–313). Рукописи позднего периода, самые ранние (лишь фрагменты) относятся к 1406 году, самые важные относятся к 1460 и 1462 годам.

¹¹³ См. об этом: Перетц, 1914: 439. О житийной литературе вне сборников: Словарь, 1987: 129–183 («Житие»); 259–274 («Мучение»); 349–352 («Повесть»); 396–421 («Сказание»); 421–441 («Слово»); 441–447 («Апокрифы»); 462–465 («Хождение»). Тексты после 1250 года не привлекались здесь вместе с другими в качестве предмета рассмотрения. Критическая оценка текста при столь частых ненадежных датировках не может быть здесь дана. Касательно отдельных вопросов см.: Thomson, Made, 1993: 329–337.

¹¹⁴ О Борисе и Глебе: Словарь, 1987: 274–276, 398–408. В первую очередь наши знания по этому вопросу сформировались благодаря научным занятиям у Лудольфа Мюллера

они, а также оригинальные проповеди, были основной составляющей объединительной для страны идеи.

Догматическая литература: греческие авторы на Руси. Здесь можно добавить еще одно замечание по поводу догматической литературы. Оно касается почти лишь исключительно *греческих авторов*, живших на русских землях. Судьба их редко была отрадной, поскольку им редко удавалось получить причитающееся им место в истории литературы. И все же их творчество к этой литературе относится, поскольку они писали, живя в этой стране и для этой страны, и нередко в их числе можно обнаружить авторов высокого ранга.¹¹⁵ Все киевские митрополиты, за исключением двух, о которых еще пойдет речь, были греками. Изначально греками были также и епископы, и всегда даже в более поздний период всё еще

можно было найти среди них как минимум одного грека. В целом же, есть свидетельства, что несколько греческих монахов появились на Руси уже в древнейшее время. Именно эти греческие иерархи и были представителями догматической теологии. Они должны были ее представлять по роду своей деятельности, если, к примеру, шла речь о том, чтобы ориентировать новую христианскую провинцию на антилатинскую позицию в ситуации раскола с Римом. Ведь мы знаем, что власть патриарха в Константинополе сталкивалась в этом смысле с ограничениями. Правда, вопросы религиозной полемики вряд ли интересовали восточных славян (Podskalsky, 1985: 131–135; Fennel, 1995: 91–96; Чичуров, 1997).¹¹⁶ Позже, однако, ситуация изменилась.¹¹⁷

Это обстоятельство затрагивает вопрос о греческом образовании в

в 1954–1963 годах, которые там упоминаются, но не обсуждаются. О Феодосии: Наиболее значимое исследование: Словарь, 1987: 275 и далее; Podskalsky, 1988/1989; 1991: 112–115. Разбор жития архиепископа Аркадия Новгородского (умер в 1165 году) – Словарь, 1987: 136 и далее. О Варлааме Хутыньском (умер в 1193 году) – Словарь, 1987: 138–142. О епископе Леонтии Ростовском (умер в 80-х годах XI века) – Словарь, 1987: 159–161. Об Авраамии Смоленском – Словарь, 1987: 126–128. Некоторые жития отнесены к более позднему, чем было принято до сих пор, времени. Об утраченном житии Св. Антония см. подраздел «Константинополь, Иерусалим, Синай, Афон».

¹¹⁵ О них идет речь у Иконникова (1869: 52–55), у Голубинского (I 1, 1901: 853–868) под правильным заголовком: «Наши писатели из греков». У Чижевского (Tschizewsky, 1960: 80, 100) – всего лишь перечисление имен с формулировкой «various works». Müller, 1971: 96–118. Podskalsky, 1982: 170–194., 1983: 498–515. Tachios, 1988/1989: 430–445. Одна-единственная публикация, посвященная митрополиту Георгию (около 1065 – около 1076 годы): Thomson, 1979: 5–15. См. также: D. Wörd, *Russia Mediaevalis*, V 1, 1984; 176.

¹¹⁶ Ср.: Podskalsky, 1983: 511; 1991: 227; 1993: 233, 226 «относительно экуменический простор киевского христианства» (в отличие от греческой церкви) – на наш взгляд, сформулировано излишне высокопарно. Кроме того, тексты, опубликованные А. Н. Поповым (см. след. прим.), не очень показательны.

¹¹⁷ Андрей Николаевич Попов (1841–1881), см.: Попов, 1875; повторное издание – Лондон 1972: 1–121 (с текстами на церковнославянском и греческом языках). О Попове см. введение Ивана Дуйчева в повторном издании, с. 1–6 (первой пагинации).

стране. Кое-что в этом смысле могли, по-видимому, сделать греческие митрополиты и епископы. Но когда тот или иной митрополит вынужден признать, что он не понимает местного языка, и поэтому, вместо того, чтобы говорить по-славянски, он должен писать по-гречески,¹¹⁸ тогда он даёт указание, чтобы его паства, и уж как минимум духовенство, научились понимать греческий язык, чтобы идти следом за ним. Такая возможность у славян всегда, конечно, была – так же, как была она в Западной Римской империи у кельтов и германцев. Русские же, кроме того, время от времени заявляли, что их предки были хорошо знакомы с греческим языком и изучали античную премудрость (Гранстрем, 1970; Сапунов, 1955: 327). Так, утверждалось, что Климент из Смоленска, второй русский митрополит (умер после 1164 года), читал Гомера, Аристотеля и Платона, но это утверждение было упреком, который Климент сразу же отверг (см.: Thomson, 1995: 337). На самом деле, нельзя полностью согласиться с теми, кто придерживается этого допущения¹¹⁹ (Fedotov, 1966: 57–60; Hösch, 1971: 250–260; Franklin, 1992: 69–81).

Ведь *«благодаря широте своей образованности греки [в Киеве] заметно [превосходили] средний уровень местных священников»* (Pod-

skalsky, 1983: 500). Но всё-таки, видимо, не следует и доходить до предположения, что, кроме митрополита Илариона, никто не брался за греческие книги, которые не были доступны в переводе (так считает Ф. Томсон (Thomson, 1993a: 182)). Нужно полагать, великий князь Владимир Мономах (1053–1125) понимал язык своей матери, дочери византийского императора. Его знаменитое завещание сыновьям («Поучение») было, несомненно, инициировано посланием приближенного к нему митрополита Никифора I (Калайдович, 1815, т. I: 59–75, текст Никифора; см. также: Макарий, т. II, 1995: 185–191; Голубинский, I 1, 1880: 857 и далее; Dvornik, 1955/56: 110–114; Podskalsky, 1983: 504 и далее; Fennel, 1995: 101; ПСРА, I, 1962: стб. 240–256 под 1096 г., текст Мономаха). В противном случае мы могли бы ожидать и от других восточнославянских князей проявлений подобного относительно высокого уровня образованности.

Однако же нет реальных оснований утверждать, что в стране действительно имелась настоящая греческая образованность или хотя бы стремление к ней. Можно предположить, что в древние времена едва ли какие-то греческие рукописи попали в страну.¹²⁰ Никогда ни в одном

¹¹⁸ Никифор I, митрополит 1104–1121, Поучение в Неделю сыропустную, публикация текста см.: Макарий, т. II, 1995: 349. Другие его произведения в переводе на церковнославянский язык там же, с. 336–349. Об этом также: Podskalsky, 1983: 502 и далее.

¹¹⁹ *«В период домонгольский (как и весьма долгое время после) мы не имели ни наук, ни настоящей или в собственном смысле так называемой литературы»* (Голубинский, I 2, 1880: 620).

¹²⁰ См.: Фонкич, 1977. О развитии греческой филологии в России: Fonkič, Poljakov, 1993. Обзор работ Б. Фонкича в книге: Международная, 1995: 98–100; Фонкич, 1999.

русском монастыре не было найдено ни одной рукописи, относящейся к античной литературе, что характерно для северных монастырей западного (латинского) мира. Да и позже такое явление, как монастырский гуманизм, на Руси не наблюдалось.

Летописная литература. В *историографии* господствует точка зрения, согласно которой в Киеве довольно рано сформировалась традиция писания истории «всей страны». По этому поводу заметим: следует четко осознавать, что исторические записи с домонгольских времен не сохранились. Один-единственный список второй половины XIII века свидетельствует о существовании древнейшей новгородской летописи.¹²¹ Более важная в данном случае киевская летопись сохранилась в списках не раньше конца XIV века. Именно поэтому адекватная оценка этой чрезвычайно важной летописи восточных

славян до сегодняшнего дня остаётся одной из сложнейших научных задач. Речь идет о трех проблемах: время создания, значение для развития местной историографической традиции, идейное содержание.

Что касается развития летописной традиции, то зависимость от византийской хронистики здесь бесспорна. Основой была Хроника Георгия Амартола (IX век) в болгарском переводе.¹²² Несомненно, летопись Нестора содержит в себе также более древние части. К ним следует отнести договоры, а также некоторые предания, восходящие к германским легендам, к примеру, легенда о смерти Олега (под 912 годом) и о мести Ольги (под 945 годом) (Stender-Petersen, 1934: 127–155; 176–209). Представленная здесь в форме пословиц народная мудрость могла быть заимствована из прежних времен, потому данное повествование и воплоща-

¹²¹ См.: Сводный, 1984, № 270. Палеографический анализ, выполненный здесь (с. 281), не затрагивает периода ранее 1262 года. Текст см.: Новгородская, 1950. На с. 3–12 – короткое описание рукописей; в приложении десять факсимиле с образцами рукописей. Die Erste, 1971: 7–47 – введение исторического и палеографического характера (по-немецки и по-английски); с. 51–142 – перевод на немецкий язык; с. 145–230 – текст на русском языке; с. 233–584 – полное факсимиле; с. 585–592 – примечания к тексту.

¹²² Издание Истрина, т. I–III, Петроград 1920, Ленинград 1930. Об этом см.: Словарь, 1987: 467–470. – Dvornik, 1955: 91–94. Франклин, 1988. Водолазкин, 1992. Thomson, Made, 1993: 338 и далее, № 50. Хроника Георгия Синкелла (начало IX века) должна была быть переведена на Руси, согласно Истрину (1922: 87), уже к середине IX века; на это возражает Ф. Томсон (Thomson, Made, 1993: 340, № 51). Однако: Алексеев, 1996: 281 и далее. – Словарь, 1987: 470 и далее. Хроника Иоанна Малалы (до 500 – 578 года) должна была быть переведена – «возможно» (Творогов), согласно же Томсону, «clearly» – в X веке. Уже И. Срезневский предполагал наличие некоего болгарского перевода, как сообщает О. Творогов (Словарь, 1987: 472); однако ни там, ни у Томсона, ни у Алексеева нет библиографической ссылки. В «Обзрении...» (Срезневский, 1882: стб. 49, 210 и далее) нет никакой информации о переводе. Там же (с. 128) есть ссылка: Срезневский, 1879. Удальцова, 1966. Влияние обеих хроник на летопись Нестора были подтверждены лишь в более позднее время; (влияние Хроники) Малалы в записи под 1114 годом – лишь по Ипатьевской летописи.

ет в себе более ранние формы исторического мышления,¹²³ особенно в связи с перечнями народов, населяющих Русь, которые, со своей стороны, предопределены перечнями народов из византийской хронистики. Далее следует допустить, что в скором времени после смерти Ярослава (умер в 1054 году) началась летописная обработка весьма разрозненного материала (Müller, 1988/1989); что в начале XII века киевский монах (был ли это Нестор, как утверждает легенда, нет никакой уверенности) переработал весь этот материал в виде «*повести временных лет*», а игумен Сильвестр из Михайловского монастыря в Выдубичах близ Киева продолжил повествование до 1116 года; во всяком случае, именно так написано в самой летописи.

Но именно по той причине, что эта информация содержится в летописи, мы не можем быть в этом вполне уверены. Точно так же мало уверенности и в том, что этот игумен Сильвестр был первым компилятором сочинения Нестора.¹²⁴ Мы знаем лишь то, что указано в колофоне рукопи-

си – монах Лаврентий с 14 января до 20 марта 1377 года сделал список летописи с какой-то рукописи, которая была уже «старой и истрепавшейся». И поскольку летопись обрывается записью за 1305 год, мы можем предположить с некоторой долей осторожности, что эта истрепавшаяся летопись была копией, созданной именно в этом году. Но даже этого списка, доведенного до 1305 года, у нас нет. Монах Лаврентий просит прощения, если он допустил ошибки именно потому, что рукопись была старой, а он был недостаточно образован и мог чего-то не понять. Если относиться к этой формулировке¹²⁵ серьезно, то следует поверить в эти ошибки. Летопись, таким образом, может быть признана древней, но, сообразно ее состоянию и «необразованности» монаха, датирована 1377 годом.

Конечно, мы можем вернуться из этого временного пункта в 1116 год, именно к этому году относится последняя запись в летописи (ПСРА I, 1962: 286). Всё, что выходит за пределы этой датировки, является спекуляцией.¹²⁶

¹²³ «они погибли точно так же, как авары» (*погибоша аки обре*) (ПСРА I, 1962: с. 12). Благодарю Лудольфа Мюллера за это указание.

¹²⁴ Она встречается в одном-единственном фрагменте (ПСРА I, 1962: 291–93). О различных гипотезах по этому поводу см.: Словарь, 1987: 390 и далее.

¹²⁵ «*оже ся где буду описал или переписал или не дописал, чтите исправливая [...]* занеже книги ветшаны а ум молод» (ПСРА I, 1962: 488).

¹²⁶ Преобладающая по данному вопросу точка зрения была сформирована благодаря исследованиям А. Шахматова, а также в определенной степени благодаря работам его ученика М. Приселкова, продвинувшегося еще дальше; обобщающее изложение этой концепции см.: Словарь, 1987: 342. Критика в ее адрес: Истрин, 1923–1924; Лурье, 1990; Никольский, 1930: 20–30 (критика концепции Шахматова); Müller, 1967: 186: «*[концепция] сложна в своей ненужной и непреодолимой мудрености*». Słownik, III, 1967: 20–27 (А. Порпе; ключевые слова: *Latopis ipatjewski; Latopis lawrentjewski; Latopisarstwo staroruskie*); IV, 1970: 259–265; библиография дополняет данные «Словаря...», см.: Словарь, 1987: 342 и далее. О. В. Творогов

Еще более распространенным является мнение, что так называемая летопись Нестора, написанная в Киеве, была книгой, имевшей значение в масштабах всей Руси (см.: Лихачев, 1978). Основанием для такого суждения может быть заглавие летописи: «*Се повесть временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть*» (ПСРА I, 1962: 1–2). Однако же ни это, ни другое место в летописи не подразумевают того, что под «русской землёй» имеется в виду «*Киевское государство во всей его протяженности*» (Никифоров), но только лишь Киевское княжество в узком смысле. «*Русью*» называли Киевскую землю в Новгороде, а также в зоне наиболее ранних восточнославянских поселений в западных областях, если смотреть со стороны Волыни.¹²⁷ Во время своего возникновения так называемая летопись Нестора была памятником местной киевской историографии. В Новгородской летописи, согласно ее древнейшему списку, содержится очень малая часть сведений из летописи Нестора.

Переписав в 1377 году «древнюю» рукопись, содержащую эту местную киевскую летопись (а также ее продолжение до 1305 года) по распоряжению своего князя, Лаврентий создал тем самым основу для ее преобразования в летопись общегосударственного значения. К этому времени выражение «русская земля» имело уже несколько иное значение, теперь это была в самом деле *вся* земля, которую уже можно было называть также и *русской*. Но даже и его летопись была памятником местной историографии, а именно историографией Суздаля, второй по величине и одновременно перспективной зоны расселения восточных славян на северо-восток. Точно так же летопись монаха Ипатия начала XV века была памятником местной историографии во Владимире Волынском; таким же в самом начале было и Новгородское летописание.¹²⁸

Наконец, эти местные летописи содержали в своей начальной части общую для всех часть из местной Киевской летописи. Для модели некоей всеобщей русской истории, начиная

поддержал Лудольфа Мюллера дополнительными аргументами (Творогов, 1997). Благодаря этой работе опровержение гипотезы Шахматова признано и в России.

¹²⁷ Аргументация по данному вопросу см.: Thomson, 1995: 656 и далее; Harder, 1978. – Информацию к размышлению по поводу определения «русский» в Новгородской первой летописи даёт датировка рукописи.

¹²⁸ Тот факт, что эта летопись, которую позволил вести епископ, «*находилась во взаимодействии с летописанием других древнерусских центров*» и что, таким образом, «*новгородский читатель получал представление обо всех разворачивавшихся перед ним важнейших в масштабах целой страны исторических событиях*» (Словарь, 1987: 246), не противоречит данному утверждению. Напротив, именно поскольку епископ позволил вести исторические записи именно Новгороду, который был торговым городом мирового значения, он должен был также получать информацию из других мест. Отбор материала в этом смысле весьма показателен. Кроме того, существовал ли в принципе «новгородский читатель», – очень непросто вопрос. Летопись хранилась в епископском дворце.

с XII-го века, уже имелось в наличии несколько отдельных элементов. Тем не менее, восточные славяне не стали их использовать для создания какой-либо подобной схемы. Она была сформирована лишь к концу «киевского» периода и главным образом всё-таки уже после монгольского нашествия. Эта схема стала результатом переосмысления восточнославянской истории древнейшего периода, которая до этого времени была представлена лишь в виде местной историографии, и это переосмысление происходило во времена «позднерусского» и «пострусского» периода.¹²⁹ Не было ли оно результатом уничтожения «целой страны» монголами? Не появилось ли представление о подобном рода «целой стране» отдельных княжествах, только когда они чуть ли не все одним и тем же способом были разорены и обложены данью?

В соответствии с византийскими образцами история вообще есть история спасения. Всё повествование в целом должно свидетельствовать, что христианизация – это способ включения в мировое сообщество. Текст пронизан цитатами из Библии и сочинений отцов церкви.¹³⁰ То, что лежит в основе, позволяет сделать вывод о локализации во времени. То, что мы можем считать «основной идеей» Киевской летописи, актуально для начала XII века. Что

было до этого, мы не знаем. «Долеписное историческое мышление» (Лудольф Мюллер) в любом случае трансформировалось в процессе создания новых списков переписчиками летописи в соответствии с их основной христианской идеей.

Литература для чтения, проповеди и жития, которые зачастую не просто было разделить в жанровом отношении, образуют в их тесной связи с литургией основное ядро всех восточнославянских письменных памятников древнейшего времени. Только сами литургические тексты переписывались еще чаще и пользовались еще более широким распространением. Тексты для чтения, однако, в отличие от литургических песнопений, были открыты для их дальнейшего видоизменения. Когда первый летописец приступил к своей работе, перед ним лежали произведения Илариона (Müller, 1988/1989) и житийные сочинения Нестора, посвященные Борису и Глебу, а также Феодосию. Они включались в хронику целиком либо в виде изложения их основной мысли. Кроме того, к этому времени уже имелись в наличии все литургические рукописи и многочисленные правовые документы. Без всего этого невозможно постичь мир идей летописи. До сих пор еще не предпринималась попытка оценить значение всего комплекса идей, нашедших отражение в памятниках письменной

¹²⁹ Н. Никольский (930: 30) рассуждает вскользь о различных «исторических течениях» уже к началу XII века.

¹³⁰ Об этом: Ludolf Müller, *Die Bedeutung der Bibel für das russische Christentum der Kiever Zeit (von den Anfängen bis 1240)*; эта работа была опубликована в виде отдельного оттиска в Тюбингене (в продажу не поступала); перевод на русский язык: Мюллер, 1995.

культуры восточных славян древнейшего периода (в особенности тех, которые представлены в памятниках переводной патристики), для духовного развития этих народов на протяжении двух первых веков (1050–1240) их истории.¹³¹ Первый опыт создания обобщающей картины интеллектуальной жизни представляет именно летопись.

Текст летописи, в таком виде, как он представлен, вместе с чем-то другим, существовавшим в письменном виде в Киеве примерно в то же самое время (начало XII века), был фактом монастырской литературы, но не является чистой монастырской историографией. Собственный путь дальнейшего развития заимствованной переводной литературы был связан с Печерским монастырем в Киеве. Здесь сформировалась в своей первоначальной форме патриотическая идея единой Киевской земли, изначально имевшая лишь местное значение: Русь, то есть Киев спасён милостью закона, отличавшего христиан-греков от варваров-нехристей, и принят в сообщество христиан. Киев приобрел своих собственных святых с их собственным культом, свой собственный духовный центр в Печерском монастыре. Нетрудно заметить, что основопо-

лагающим элементом этой патриотической идеи является дальнейшая ориентация на аскетизм и эсхатологию раннехристианской греческой патристики. Эсхатологические настроения значительно усиливаются в XIII веке, идеал же аскетического образа жизни приобретает особое значение позже, в XIV и XV веках, в монастырях северо-восточного региона.

«**Повествования**». Отдельные повествования занимают достаточно большое место во всех изданиях, в первую очередь это апокрифы, затем «Слово о полку Игореве» и, наконец, исторические повествования об Андрее Боголюбском (1111–1174), который в 1169 году разграбил Киев, о дальнейших усобицах начала XIII века и прежде всего о монгольских завоеваниях и разрушениях. Следует, однако, поставить под сомнение, действительно ли они представляют собой отдельный пласт письменности, пласт литературы в своей обособленности.

С уверенностью можно говорить об апокрифических повествованиях.¹³² Однако при этом следует принять во внимание, что граница между каноническими и апокрифичными сочинениями была зыбкой и едва ли точно определяемой (см. прим. 66). Бесспорно из византийской литературы при-

¹³¹ «История древнерусской литературы может быть написана должным образом только после истории теологической литературы в Древней Руси либо, по крайней мере, вместе с ней» (Алексеев, 1996: 279).

¹³² Об этом писал Александр Иванович Яцимирский, 1873–1925 (Яцимирский, 1921); см. также: Орлов, 1934; переиздание Leipzig 1974: 5–77. Santos-Otero, 1978, 1981. Большая часть описана в «Словаре...» (Словарь, 1987: 40–67) и в приведенных там ссылках. По вопросу их болгарского посредничества см.: Thomson, Made, 1993: 333–337, также 346–350. См. также: Tschizewsky, 1948: 78–83; Podskalsky, 1982: 45 (прим. 228 – литература); 79.

шли отдельные беллетристические повести, самые известные из которых – «Об Александре Великом», «Троя», «Дигенис Акрит» («Девгиниево деяние»)¹³³. Следует, однако, отдавать себе полный отчет в том, что речь здесь уже не идет более о чисто светской литературе. Выше названные, а также другие повести были «христианизированы», частично уже в греческих оригиналах, как, например, повесть об Александре Великом.

Из числа оригинальных должны быть названы в первую очередь три повести: хождение игумена Даниила (начало XII века), предположительно из Чернигова;¹³⁴ «Слово о полку Игореве», которое датируется 1186 годом; и моление другого Даниила (начало XIII века).¹³⁵ Проблема первоисточников всех трех памятников достаточно сложна; лишь позже они были

подтверждены. Два последних памятника, по различным причинам, вызывают сомнения. Что касается моления, то здесь невозможно верифицировать автора и обстоятельства его создания. Хождение и моление можно воспринимать лишь как произведения той литературы, которая в целом была церковной; во всяком случае, первый памятник принадлежит к монастырской литературе. Если есть желание отнести «Слово о полку Игореве» к древней литературе, то оно должно быть размещено в разделе «*Dubia*».¹³⁶

Еще важнее отдавать себе отчет в том, что большинство этих рукописей были заимствованы поздно или вообще не были заимствованы в качестве отдельных повестей. Их можно найти, если они бесспорно принадлежат к древнему периоду, скорее всего в одном из сборников, в хронике, патери-

¹³³ Об этом: Tschizewsky, 1948: 88–96; Словарь, 1987: 35–37. Обобщающая информация: ТОДРА 41, 1988: 3–153.

¹³⁴ Об этом прежде всего см.: Seemann, 1976;; Словарь, 1987: 109–112; Garzaniti, 1998.

¹³⁵ Первичные сведения: Словарь, 1987: 112–115; Памятники, 1980: 688 и далее; обе статьи не дают никаких данных о местонахождении источников; Соколова, 1993; Бирнбаум-Романчук, 1997.

¹³⁶ Как основные доказательства подлинности было названо следующее: 1) безошибочное использование «древнерусского» языка; 2) точная ориентация в сложных династических и генеалогических отношениях; 3) заимствования из тюркских языков, которые в то время, когда предположительно была создана фальсификация, уже не употреблялись; 4) «цитаты» из «Слова о полку Игореве» в других датированных произведениях позднейшего времени (1307). Отдельные детали упоминаются в «Энциклопедии...» (Энциклопедия, 1995). Ни один из этих аргументов не является решающим; сомнения остаются. Контраргументы противников подлинности Мазона, Зимина, но также Каченовского, Виноградова и других (к ним принадлежит также Борис Унбегаун) представлены там же, в основном Твороговым, объективно и подробно. Вопрос кажется настолько неразрешимым, что и последующие поколения смогут ухватить для себя здесь кусок пирога. В данной статье мы не можем далее обсуждать этот вопрос. Независимо от этого, с исторической точки зрения сомнительно основывать «древнерусскую литературу» на «Слове о полку Игореве». Что-либо подобное едва ли было бы возможно, в сходной ситуации с первоисточниками, для древнеанглийской, древнефранцузской и средневерхнемецкой литературы.

ке или прологе, причем они обнаруживают тесную духовную связь с тем или иным изданием. Либо они вообще возникли только в послемонгольское время.¹³⁷ Несомненно, разорения русских городов во время междоусобных войн, прежде всего разорения Киева в 1169 и 1208 годах, а также далее последовавшие удары монгольских нашествий с 1227 до 1240 года, действительно привели к тому, что такие непостижимые события, в которых, казалось, гибнет христианская страна, освещались в повестях и истолковывались эсхатологически как судный день. Но это относится уже к монгольскому периоду.

V. Внешние воздействия

Поскольку начало письменной традиции славян во всех областях было положено переводами, то есть рукописями, которые были перенесены на восточнославянскую почву из Болгарии либо Греции, следовательно, очень многое (если даже не всё) зависит от того, насколько удастся внести ясность в вопрос об этом посредничестве.

Византия. Сначала следует сказать о самой Византии. В чем заключался ее интерес к северному предгорью (Fedotov, 1966: 21–41; Левченко, 1956; Dvornik, 1955/1956: 75–121; Ostrogorsky, 1968; Poppe, 1976)? Может быть, миссионерство? Широко известен и часто обсуждается тот факт, что христиане, крещенные по византийскому обряду, уже давно имелись

в стране. Перед реальным прорывом было, по меньшей мере, две попытки христианизации страны – в 867 и 955 годах (Migne, vol. 102, № 32, 736D–737A; Laourdas-Westerink, 1983, Bd. I, Nr 2: Zeile 293–305; Poppe, 1976; Hanak, 1976: 50; Podskalsky, 1982: 14; Obolensky, 1988/1989; Шрайнер, 1991: 154 и далее; Schreiner, 1992: 418; Podskasky, Sakramente, 1993: 219–221; Fennel, 1995: 22 и далее). Но они остались безуспешными. Об официальном крещении Русской земли в 988 году греческие источники ничего не говорят. Вероятно, это можно объяснить тем, что эта варварская страна в Византии уже считалась крещенной, с тех пор как патриарх Фотий в своём послании 867 года провозгласил, что страна стала миролюбивой и получила епископа (см.: Poppe, 1976: 201). Во всяком случае это молчание подтверждает, весьма красноречиво, что в данном случае не может идти речь всего лишь о миссионерстве греков или даже только об их миссионерских намерениях по отношению к славянам, как это было в других соседних областях империи (Ševčenko, 1988/1989: 7–27), или, как выразился русский историк церкви, «*греки не питали ни малейшей нежности к славянским книгам*» (Голубинский, I 2, 1880: 286). Отправка епископа осуществлялась всегда, когда это требовалось, и была политически обусловлена. Это имело значение для безопасности северных регионов империи. Миссионеры не шли вперед, но они пока еще и не следовали на восток (Gerhardt, 1954),

¹³⁷ Отдельные сведения (Словарь, 1987): относительно «Повести...», «Сказания...»; также относительно «Хроники...», «Хронографа...». См. подраздел «Литургическая литература для чтения».

как это происходило в империях Карла V и Оттона.

О греческих книжниках и иерархах в Киеве здесь уже шла речь. Было лишь два исключения на митрополичьем престоле: Иларион (середина XI века) и Климент Смолятич (умер после 1164 года). Оба были, бесспорно, восточнославянскими книжниками высокого ранга. Тем не менее, они не основали никакой «славянской» традиции, и, как об этом уже много было написано, едва ли это случилось преднамеренно.

Пример Илариона кажется непростым по той причине, что, кроме сообщения летописи за 1051 год, никакой информации из других источников, в первую очередь из греческих, о нем нет.¹³⁸ Но это молчание источников о возвышении русских до сана митрополита, если сравнить со вторым примером, приближает нас к предположению, «*что этот акт был предпринят в согласии с Византией*» (Müller, 1962: 8). Это будет также наводить на мысль, что Иларион по своему образованию «*сам имел отношение к Греции*»; «*he was deeply Byzantine in his style and ethos*»¹³⁹ (Müller, 1962: 2; Florovsky, 1962: 38). Во всяком случае, о церковно-политическом конфликте здесь не может быть и речи (Podskalsky, 1982: 37 и далее).

В случае Климента Смолятича дело обстояло иначе. Патриаршие грамоты свидетельствуют, что еще одно посвящение русского в митрополиты было воспринято в 1147 году¹⁴⁰ с упорным сопротивлением не только патриархом в Константинополе, но также епископом Новгородским, греком Нифонтом. В 1155 году этому делу был положен конец. Сами русские князья желали, чтобы рукоположение в митрополиты было узаконено, то есть утверждено патриархом, а это право предоставлялось только грекам. Патриарх мог лишь в единичных случаях поступать решительно, по своей воле, и при этом он опирался на несогласие князей и епископов.¹⁴¹ Когда великий князь в Суздале захотел иметь своего собственного митрополита, патриарх не дал ему на это согласия (Grumel/Darrouzès, 1989: 507–509, №1052, под 1161 г.; Podskalsky, 1982: 46 и далее; Fennel, 1995: 54). Несмотря на законно рукоположенного митрополита, туда был назначен греческий епископ (Grumel/Darrouzès, 1989: 526, № 1084, под 1168/69 годами).

В целом выдающиеся мужи среди греческих митрополитов в Киеве встречались лишь изредка: в Константинополе они занимали в иерархии 62-е, то есть почти последнее место

¹³⁸ ПСРА I, 1962: 155, начало погодной записи за 1051 год. Наилучшее обсуждение этого вопроса см.: Müller, 1962: 1–11.

¹³⁹ «*Он был византийцем по своему поведению и воспитанию*». – Прим. перев.

¹⁴⁰ ПСРА I, 1962: 315, начало погодной записи за 1147 год; Словарь, 1987: 227. Можно ли здесь говорить о некоем «настоящем отступничестве» Киева от Византии (об этом см.: Podskalsky, 1982: 47)? Боюсь, что можно попасть пальцем в небо.

¹⁴¹ Grumel/Darrouzès, 1989: 486, № 1027 (под 1149 годом); 497 и далее, № 1040 (под 1156 годом; 511, № 1056 (под 1164/65 годом); Порре, 1980: 343. «Определение древнерусской церкви как имперской церкви полностью обоснованно» – на самом деле едва ли это можно обосновать. Ср. также с. 340: крещение 988 года не подтверждает зависимость (от Византии); Podskalsky, 1982: 48 и далее; Fennel, 1995: 46 и далее.

(Grumel/Darrouzès, 1989: 430, № 970, под 1101 годом). Для Византийской империи Русь была церковной провинцией на северных рубежах, которую необходимо было держать под контролем. В X и XI веках это еще удавалось, да и то с большим трудом.

Насколько опасным было такое положение для империи, свидетельствует болгарский пример. Если посмотреть на географическую карту, ситуация представится более наглядно (Карта 3). Христианский царь Болгарии выказывал вполне серьёзные устремления к независимости. Византия тотчас же отвернулась от него. Император Никифор Фока (963–969) решил с великим князем Святославом (946–972), который был язычником, создать союз против него. Его преемник, Иоанн I Цимисхий (969–976), разрушил в 971 году восточно-болгарское царство со столицей Преславом. Один из регентов был кастрирован. Император Василий II (976–1025) разбил в 1014 году западноболгарского царя Самуила (988–1025) и приказал ослепить 15000 его взятых в плен воинов; лишь каждому сотому был оставлен один глаз, чтобы он мог довести сотню домой. Самуил умер в печали. В 1018 году был создан западноболгарский охридский патриархат, епископский престол в 1037 году был занят греком, богослужение епископа шло на греческом языке. Опасность со стороны Болгарии была устранена.

Однако «русские» варяги усилили эту опасность. Греческий писатель Лев Диякон, свидетель тех собы-

тий, видел в великом князе Святославе главного врага.¹⁴² Когда Святослав хотел обосноваться в Болгарии и основал свою резиденцию в Перемышле на южном устье Дуная, Византия направила против него восточных печенегов. Ему необходимо было отступить, и он погиб в битве. Затем, после привычной братоубийственной войны за престолонаследие, при победителе, его сыне Владимире, в 988 году последовало «крещение Руси», и только теперь угроза с Севера казалась устраненной. Теперь могла быть воссоздана митрополия с церковной администрацией, которая по закону подчинялась патриарху в Константинополе. Во всяком случае, таким образом было проще держать этот регион под контролем.

Болгария. Каковы были отношения восточных славян с Болгарией? До конца не выяснено, каким образом болгарские рукописи попадали к восточным славянам. Раньше это представлялось довольно просто. Владимир и Ярослав обращались «непосредственно к болгарам» (Голубинский, I 2, 1880: 287–297). На этом основании было сформировано полноценное представление о «*влиянии христианской Болгарии*» (Сперанский, 1928/1929: 525 и далее). Затем якобы началась прямо-таки миссионерская деятельность, оказывалась своего рода помощь в развитии с помощью священников, а также с помощью опередивших этих священников книг (Сперанский, 1929/1929: 529). Этот процесс яко-

¹⁴² О Святославе: Нанак, 1976: 51–54. Здесь указан источник из «Истории» Лео. Рорре, 1976: 213–215.

бы прекратился с упадком Болгарии. Подобная история, опубликованная в 1928 году в пражском журнале «Slavia», несет на себе печать поздних славянофильских настроений, активизировавшихся после войны. Автор этой истории был настолько осторожен в своих высказываниях, что не предоставил доказательств на основании текстов (Сперанский, 1928/1929: 530). Тем не менее, данная история пользовалась долгое время популярностью и, пожалуй, продолжает оказывать влияние.¹⁴³ Противовесом этому служит недавняя констатация, что данный вопрос остаётся загадкой, «for lack of evidence» (Thomson, 1988/1989: 241).

Однако таким уж загадочным этот вопрос, конечно, не является. По крайней мере, гипотезу относительно миссионерства можно исключить. В самом деле, что должно было побудить болгар поддерживать Киев в X веке своей миссионерской деятельностью, если киевский князь Святослав заключил против них союз с греческим императором? В 967 году они обрушились с войной на Болгарию и приготовились к тому, чтобы надолго обосноваться в стране (Stökl, 1990: 50–52; Fennel, 1995: 6–10, 25–31). Более правдоподобно выглядит обратное предположение. Болгары, когда они обладали еще самостоятельностью как отдельное государство, а

Киев был врагом-язычником, не могли иметь особо веских причин, чтобы идти на север; и лишь тогда, когда их государство было разрушено и им ничего больше не оставалось, они могли почувствовать необходимость найти еще одно подходящее место для развития собственной письменности.

Если принять во внимание эти соображения, то в высшей степени вероятно, что в 1018–1037 годы болгарские священнослужители со славянскими книгами в Киеве не появлялись. Это согласуется также и с данными хроник.

Богемия. Здесь должен быть, безусловно, сделан краткий обзор вопросов, касающихся западных контактов Руси, даже если не будет возможности разобрать их детально. В комплексном рассмотрении эти вопросы всё еще не изучались, в то время как южные и – больше всего – северные контакты всегда были на первом плане (Stökl, 1990: 54 и далее, 68 и далее, 87 и далее, 95 и далее; Порре, 1968; Słownik, IV, 1970: 589–597; Порре, 1976; Lexikon, V, 1991: стб. 114–118). И всё же, наряду с торговыми отношениями в южном направлении, были с самого начала установлены политические связи с франкско-немецкой империей. Информацию по данному вопросу дают латинские источники.¹⁴⁴ Под рассуждениями о неких протянутых на Запад щупальцах, скорее всего,

¹⁴³ Болгарскую гипотезу излагает вначале М. Приселков (1913: 1–76); Ганс Кох (Koch, 1939; 1940); см. также: Николаев, 1949; Stökl, 1990: 63; Podskalsky, 1982: 21; Турилов, 1995. С точки зрения церковной истории с болгарской гипотезой расправился Л. Мюллер: Müller, 1959: 12–17.

¹⁴⁴ Важнейшие из них: Regio von Prüm (ок. 840–915 г.), Chronikon (после 813 г.), ed. F. Kurze. Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum rerum Germanicum, 1890; по-латински и по-немецки, см.: Quellen, 1975: 179–319; Lexikon, VII, 1995: стб. 579.

следует понимать попытки при такой расстановке политических сил сохранить независимость или же добиться ее. Можно предположить, что сходная ситуация сложилась по отношению к варягам, которые изначально появились в Ингельгейме, придя туда в 839 году из Константинополя с рекомендацией императора; нечто подобное произошло и в случае контакта с Оттоном Великим, который осуществила Ольга в 959 году после ее крещения (955 год); наконец, то же самое касается и той помощи, которой искал изгнанный сын Ярослава Изяслав (1024–1078) у императора Генриха IV. С этой же точки зрения следует рассматривать и многочисленные брачные союзы династического характера, заключенные в XI веке, в первую очередь с Польшей и Венгри-

ей, а также с Францией. Наконец, следует упомянуть попытку миссионерской деятельности Бруно из Кверфурта (около 974–1009) у печенегов в 1007–1008 годы, который перед этим предпринял подобную попытку в отношении великого князя Владимира в Киеве.¹⁴⁵ О контактах с Западом свидетельствует бесспорно уникальный проект изготовления статуй для собора Св. Димитрия во Владимире на Клязьме (XII век).¹⁴⁶

Литературные связи засвидетельствованы лишь с Богемией. Чешский князь-мученик Вацлав (908–929) почитался на Руси и упоминался в богослужениях.¹⁴⁷ Древнечешская легенда о Вацлаве оказала влияние на Нестора, автора «Жития Бориса и Глеба».¹⁴⁸ Следующее свидетельство – легенда о св. Вите (Karpeł,

Annales Bertiniani: 741–882, ed. F. Grat u. A., 1964; по-латински и по-немецки: R. Rau, 1972: 11–287; *Lexicon*, I, 1980: 661. Liutprand von Cremona (около 920–970/72), *Liber Antapodoseos* (после 949), ed. J. Becker *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*, 1915; по-латински и по-немецки: von A. Bauer und R. Rau, 1977, с. 244–495; *Lexicon*, V, 1991: стб. 2041 и далее. Tietmar von Merseburg (975–1018), *Chronik*, ed. R. Holtzmann. *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum rerum Germanicum*, NS 9, 1955; по-латински и по-немецки: von Werner Trillmich, 1970; *Lexicon*, VIII, 1997: стб. 695 и далее. Наиболее значительный обзор см.: Julius Forssmann (1970: 251–253). О дипломатических миссиях к Оттону Великому в 959 и 973 годах см. также: Porpe, 1980: 338; Назаренко, 1987.

¹⁴⁵ Бруно осуществлял миссионерскую деятельность среди язычников в Польше уже начиная с 1001 года, а в 1002 году папа назначил его епископом среди миссионеров. Он служил, прежде всего, в Венгрии. В 1009 году он принял мученическую смерть в районе Сувалок от рук прусских ятвягов. Издание его произведений осуществила И. Карважиньска, см.: *Monumenta*, 1969, 1973; Porpe, 1980: 353; *Lexicon*, II, 1983: стб. 755 и далее.

¹⁴⁶ См.: *Słownik*, t. IV, 1970: 601 (A. Różycka-Bryzek, Ruś. Sztuka): «Najprawdopodobniej z księstwa litewskiego». Возможна также связь с Фридрихом Барбароссой.

¹⁴⁷ Русская православная церковь почитает Св. Вацлава под именем Вячеслав (прим. перев.). День памяти 28 сентября. По поводу акулфии см.: Jagić, 1886: 0213–0222.

¹⁴⁸ Об этом прежде всего: Tschizewskij, 1948: 76, 142, 147 и далее, 155. В прим. на с. 191 высказывается предположение, что, возможно, Нестор мог присутствовать даже на славянской мессе *Sázava hl. Václav* в бенедиктинском монастыре. Однако вряд ли это правдоподобно. Еще более важное замечание: Tschizewskij, 1950.

1974). Никольский в 1930 году сформулировал гипотезу, что летопись Нестора в его древнейшей части восходит к богемским источникам, ведь именно оттуда был получен импульс к христианизации Киева. Однако эта версия обоснованно получила изрядную долю критики.¹⁴⁹ Правда, нет уверенности в том, что критики взяли верх. Следует считать, что связь письменности на церковнославянском языке с Моравией, а возможно, также и с Богемией всё же была. Едва ли, однако, это было больше, чем одно какое-то ответвление.

VI. Восточнославянские центры письменности

Далее следует дать ответ на вопрос, где же возникли *центры письменности* у восточных славян. Историки литературы иногда считают возможным пренебрегать подобными рассуждениями, а литературоведы вообще ведут себя таким образом, как будто литература упала с неба и в определенном смысле повисла в воздухе, и каждому исследователю нужно всего лишь ухватить ее. Но литература развивается в своих институтах, и в первую очередь так было в древние времена. В древние времена не было обыкновения писать, живя в отдалении, как это позже было у козаков, либо живя в горной хижине, как в случае с Гёте. Для того, чтобы писать, нужны были книги.

Русские, однако, создали грандиозное представление о развитии письменности по всей стране. Если в каком-то месте находили надписи на бересте, то наблюдалась тенденция к тому, чтобы считать, что вся Русь умела писать и читать (Тихомиров, 1953). При подсчете совокупного количества книг получалась удивительная и странно высокая цифра 85000 книг (Сапунов, 1955), и поскольку этого еще казалось недостаточно, то другие эксперты в скором времени увеличили эту цифру до 149300 (Жуковская, 1971).¹⁵⁰

Канцелярии? При поиске возможных институтов, прежде всего, приходят в голову канцелярии при княжеском дворе. Однако едва ли их можно брать в расчет. Документы старше конца XII века не сохранились (см. подраздел «Юридические документы» в главе IV), а до середины XIII века мы не сможем найти ни одной канцелярии. Даже начиная с середины XIII века мы находим их только в непосредственной близости к странам с латинской культурой, на западной окраине Руси (Stökl, 1966).

С гораздо большей степенью вероятности и в первую очередь следует думать о митрополии. Она была единственным административным центром страны. Она была, конечно, греческой, поэтому языковое регулирование не могло исходить непосредственно от нее. И всё же исключительно благодаря существованию

¹⁴⁹ Никольский, 1930: 45 и далее; рец. Г. А. Ильинского, см.: Byzantinoslavica II 1931, с. 432–436. Истрин, 1931. Дискуссия по данному вопросу и литературе см.: Флоря, 1985. – По-новому и более подробно см.: Birnbaum, 1988/89: 507–513, 521 и далее.

¹⁵⁰ Подсчеты количества ягнят, которых с этой целью нужно было резать каждый день, всё еще не обнаружены. С другой стороны, см.: Сапунов, 1955: 331.

митрополии был установлен язык богослужения для всей страны.

Монастыри. Епископские церкви, прежде всего *монастыри*, были теми единственными институтами, в отношении которых можно предположить, что именно они служили целям формирования письменности. Часто упоминается некое раннее сообщение в летописи под 1037 годом. Оно уже цитировалось (подраздел «Пример из летописи за 1037 годом»): у великого князя Ярослава имелось много книг, которые переписывали его писцы, они были переданы в основанный им Софийский собор. Но если это верно, то у славян не должно было бы быть там вовсе никаких книг, поскольку богослужение в митрополичьем соборе велось, конечно же, на греческом языке (Голубинский, I 2, 1880: 617; Fedotov, 1966: 58).

В процессе поисков надежной основы для определения подобных институтов хотелось бы посоветовать быть предельно осторожными, в частности, если принимать в расчет лишь археологические данные (Schott, 1994: 56). Любое сообщение о строительстве церкви или об основании монастыря нельзя принимать без проверки. Следует задаться следующими вопросами: Как долго шло

строительство? Является ли указанная дата временем закладки фундамента или же освящения? Как долго просуществовала данная церковь либо данный монастырь? Мы имеем сведения о многочисленных пожарах и скором разрушении строений. Так или иначе, но уж во всяком случае деревянные церкви, в особенности ранней постройки, едва ли возможно представить как скрипторий, библиотеку либо школу.¹⁵¹

Согласно тщательно собранным данным Голубинского, которым, правда, уже больше ста лет,¹⁵² для древнейшего периода было подтверждено наличие в то время всего девяти главных каменных приходских церквей, включая и упомянутый Софийский собор в Киеве, а также от 60 до 70 монастырей (ср.: карта 4).¹⁵³ Из девяти соборов пять, а из общего числа монастырей семнадцать должны были быть основаны в конце XI века; в первой половине XII века ещё четырнадцать монастырей; во второй половине XII века четыре собора и двадцать монастырей; затем ещё тринадцать монастырей в первой половине XIII века. Половина этих культовых сооружений возникла между 1050 и 1150 годами, прежде всего в Киеве и Новгороде. Другая

¹⁵¹ В частности, не выглядят убедительно количественные данные Сапунова – 323 церкви (1955: 316) и 127 монастырей (1955: 322). Ср. прим. 153.

¹⁵² Г. Подскальский (Podsk, Aspekte, с. 109) отмечает, что при обращении к монашеству всегда шла речь лишь о духовной стороне, при этом «не затрагивался вопрос об основании, расширении и устройстве отдельного монастыря». Причина: «потому что мы уже более 70 лет лишены археологических исследований и исторических обобщений на эту тему из ключевого региона русского монашества».

¹⁵³ Голубинский, 1881: 251–281 (каменные церкви); 626–653 (монастыри). Согласно Л. И. Денисову (1908), к 1240 году имелся в наличии в совокупности 51 монастырь. Макарий (1995а) на с. 668–671 насчитывает 73 монастыря, а на с. 672–674 еще 42 определяет как «Dubia».

половина – в следующем веке на водных путях между обеими столицами, в Смоленске и Полоцке (см. карту 2), а также в Волини и Галиче на юго-западе, во Владимире Суздальском и Ростове на северо-востоке.

Эти данные, касающиеся внешней истории культовых сооружений, подтверждают вывод, что болгарские рукописи едва ли проникли в страну до 1037 года. Они не дают возможности всерьез говорить о наличии полноценной письменной традиции у восточных славян до середины XI века. Применительно к следующему веку можно говорить об этой традиции лишь в отношении главных культурных центров – Киева и Новгорода.

Киев. Печерская лавра. Лишь немногие из этих культовых сооружений могут быть упомянуты в контексте разговора о скрипториях. В Киеве это была в первую очередь Печерская лавра (Макарий, II, 1995: 40–86; Иконников, 1869: 92–95, 225–227; Зверинский, II, 1892, № 871: 175–182; Goetz, 1904: 109–112, 145–158; Smolitsch, 1953: 61–65; Podskalsky, 1982: 52–56; Fennel, 1995: 63–68), среди более поздних сооружений, прежде всего, следует назвать Михайловский монастырь в Выдубичах около Киева (Макарий, II, 1995: 85; Зверинский, I, 1892, № 147: с. 125 и далее). Конечно, у нас нет первоначальных сведений о монастырях. Однако ин-

формация летописи, касающаяся более позднего периода, опирается на другие источники.¹⁵⁴ Печерская лавра с самого начала находилась в особом положении. Все другие монастыри в стране без исключения были под княжеским патронатом. Каждый князь хотел иметь усыпальницу в своём монастыре. Вследствие этого монастырь находился в зависимом положении, например, при выборе настоятеля, а также в укладе духовной жизни. Только Печерская лавра была основана самими монахами. Этот монастырь был поставлен и жил «слезами, постом, молитвой и бдением», как сообщает хроника.¹⁵⁵ Почтительное отношение к книгам и чтению было приписано Печерской лавре с самого начала.¹⁵⁶

С течением времени Печерская лавра преобразовалась из местного монастыря в духовный центр страны. В противостоянии князей в их борьбе за высшую власть в Киеве лавра сохраняла независимость, которая значительно усилилась, когда страна в XII веке распалась, и город великого князя был неоднократно сожжен и разграблен войсками из северо-восточной части Владимиро-Суздальской земли (1169, 1208). В первую очередь, как сообщают современники, были похищены книги. Однако именно здесь епископ Владимиро-Суздальский Симон (умер в 1226 году), призванный из Киева,

¹⁵⁴ Прежде всего, это «Житие Феодосия Печерского» в Успенском сборнике конца XII века.

¹⁵⁵ ПСРА, I, 1962: 159 (под 1051 годом): «суть поставлены слезами, пощеньем, молитвою, бдением». – Голубинский, I 2, 1880: 466.

¹⁵⁶ См.: Иконников, 1869: 225 и далее. См. начало «Изборника» 1076 года (под ред. С. И. Короткова, М., 1965, с. 151): «Добро есть, братие, почитание книжное».

восхвалял Печерскую лавру как духовное отечество.¹⁵⁷

Школы? Монашество. Многие охотно рассуждают о том, что на Руси имелись школы и библиотеки.¹⁵⁸ Но это понятия и представления нового времени. Во многих монастырях имелись в наличии книжные фонды, но лишь незначительные, и к тому же их состав был обусловлен определенным целевым назначением. Можно предположить, что в более позднее время некоторые князья были сведущим в литературе; об этом говорится в летописи. Таким образом, небезосновательным было предостережение от того, чтобы усматривать в монастырях реальные образовательные учреждения.

И всё же, снова и снова, всё сводилось к монастырям, поскольку монастырь на Руси *«не мог обойтись без того, чтобы не заботиться об учебе»*, ведь *«ни на князей, ни на духовенство не было возложено обязательство, по-настоящему поддерживать или даже организовывать систематическое школьное образование»*, и только *«в монастырских библиотеках сохранилось подавляющее большинство литературных памятников и их рукописей»*.¹⁵⁹

Как нам кажется, важнее упоминать на монашество как тако-

вое, а не на монашество как институт. Определённо не следует преувеличивать «поэзию монастырей» (Тхоржевский); там, как и в любом другом месте, также были мелочность, тщеславие, домашние интриги. И всё же идеальный проект монашества заключался в их особом духовном призвании, как и в том, что стояло у истоков египетской, сирийской и греческой культуры. Новые столетия, начиная с периода Просвещения, приучили нас к тому, чтобы видеть особый социальный статус монастырей и монахов; упадок монастырей в период позднего Средневековья, в эпоху Реформации и затем вновь в XVII веке учили нас, что это суждение справедливо. Но особый статус во времена Средневековья означал нечто иное. Монах был прообразом христианина. Каждый христианин в христианских странах, а следовательно, каждый человек должен воспринимать монашескую дисциплину как идеал: во внешних проявлениях – в работе и воздержании, в духовном плане – в молитве. То, что имелись в наличии монастыри с монахами, было, говоря современным языком, достижением для всего общества. Они были идеальным источником духовных сил для всей страны (Pod-

¹⁵⁷ В Киевском патерике (Абрамович, 1931); переиздание Д. Чижевского (Slav. Probyläen 2), München (Fink) 1963, согласно указателю.

¹⁵⁸ Макарий, II, 1995: 97 и далее. См.: Сергей Иринеевич Миропольский (1894); исследование устарело. Голубинский, I 1, 1880: 702–727 (оценивает скептически). Пыпин, I, 1902: 78–81 (оценивает скептически). – Fedotov, 1966: 377–380. Сапунов, 1955: 327 и далее. Слуховский, 1968: 44–56, 154–156 (предостережение от преувеличений и слишком высоких цифр); Brückner, 1909: 8: «никаких школ, никакой учебы».

¹⁵⁹ Так писал М. Сперанский в рец. на книгу А. Ванчуры (Wanczura) (глава «Начала и пути школьного образования в древней Руси», с. 87–132, в особенности по поводу сказанного о монастырях на с. 122), см.: Slavia IV 1925/26, с. 823–829; цитата – с. 826 и далее.

skalsky, 1991: 114–121, Poppe, 1980: 344–349).

Новгород. Юго-запад и северо-восток. Близко по значению к Киеву стоит *Новгород*. Согласно господствующей в России научной концепции Новгород стал образовательным центром лишь во второй половине XII века (Лихачев, 1978: 9; 1982: 5; Янин, 1982; Рождественская, 1991). Источники противоречат этой точке зрения. Новгород под влиянием Киева придерживался византийской ориентации, но всё же был крещен, скорее всего, независимо от него (Opasch, 1969: 102–135; Birnbaum, 1988–89; Brückner, 1909: 21). В отличие от Киева, Новгород за всё время своего независимого существования до конца XV века полностью подтвердил своеобразие своей письменной культуры с помощью сохранившихся рукописей и записей, в том числе на таком языке, особенности которого доказывают связь с образовательными центрами Болгарии. Древнейший восточнославянский письменный памятник, Остромирово евангелие-апракос (1056/57), обязан своим происхождением Новгороду. Только здесь памятники юридической письменности представлены во всём их богатом разнообразии. Новгородского происхождения почти все требники и все без исключения записи музыки. Первым проповедником был также новгородец (Лука Жидята, умер в 1059/60 году). Именно там – причем редко в тех регионах, которые непо-

средственно граничили с южными областями, – были найдены около двухсот берестяных грамот, относящихся к периоду XI–XIII веков. Они предполагают знание староболгарского церковнославянского языка, но язык этих записей – преимущественно разговорный язык восточных славян, причем именно в таком виде он не зафиксирован ни в одном другом месте (Зализняк, 1986: 8, 89–93; 1993; Янин, 1993).¹⁶⁰

В юго-западном и северо-восточном направлении большого водного пути от Новгорода и Старой Ладogi на севере через Полоцк и Смоленск до Киева простирались большие области миграции в землях Волыни, Галиции и Владимиро-Суздальском княжестве. Оба региона поддерживали, конечно, династические связи и культурную общность со своими центрами – Новгородом и Киевом. Их географическое положение, однако, вызвало возникновение центростремительной тенденции. Владимир Волынский и Галич расположены вдоль русел рек, дававших стране выход к Венгрии и Польше. Города Ростов, Владимир, Суздаль, Рязань расположены в речной системе между верховьями Волги и её притоком Окой, которая, в свою очередь прокладывала путь на восток (см. карту 1). В связи с этой областью в 1147 году впервые упоминается Москва, которая позже станет центром. Великий князь Андрей Боголюбский (1111–1174), хотя и получил в Киеве титул великого князя, однако вскоре покинул его и решил быть первопре-

¹⁶⁰ Тексты на церковнославянском языке см.: Янин–Зализняк, 1993: 193: № 652, 653, 674 (XII–XIII века).

стольным не здесь, а как раз-таки на северо-востоке.

Именно поэтому лишь сто лет спустя после первых упоминаний о монастырях и епископских церквях в Киеве подобные сведения появляются и для этих двух регионов расселения.¹⁶¹ Наличие письменной традиции в этом регионе подтверждается для более раннего периода, но в таких же скромных масштабах, как в Смоленске¹⁶², Полоцке и Пскове. Это было только начало. Монголо-татарское нашествие свело их на нет.

Константинополь. Иерусалим.

Афон. Центры письменности находились, однако, не только внутри страны. Адаптации или переводы на восточнославянский язык могли также создаваться в греческих монастырях: в *Константинополе*, прежде всего в Студийском монастыре, в *Иерусалиме* и в монастыре Святой Екатерины на *Синае* (Дуйчев, 1963).

Исключительную роль в качестве руководящего центра сыграли позже греческие и славянские монастыри так называемой священной горы *Афон*. Когда именно Афон начал вы-

полнять эту важную для славян функцию, не выяснено. Довольно точно определена эта роль для южных славян, для восточных же – лишь частично (Ильинский, 1908: 1–39; Мошин, 1947–1948; 1950; Tachiaos, 1977; Podskalsky, 1982: 51; список литературы, прим. 260; Tachiaos, 1999). Существовало господствующее мнение о том, что первый основатель Киево-Печерской лавры, Св. Антоний из Любеча (982–1073), был на Афоне, и там ему было поручено основать монастырь у себя на родине; подчиняясь этому приказу, он направился в Киев. И поэтому летопись под 1051 годом сообщает: «Печерская лавра возникла по благословению Священной горы».¹⁶³ В связи с сообщением в том же самом фрагменте, что Печерская лавра была древнейшей в этой стране, выше упомянутая констатация в хронике подразумевает, что русское монашество в целом было организовано по образцу Афона. Безусловно, Печерская лавра имела на Руси значение главного монастыря в городе, а позже и во всей стране, как и Афон в Византийской империи. Сейчас это мнение оспо-

¹⁶¹ Согласно Е. Голубинскому (Голубинский I, 2, 1880: 629 и далее), на Волыни один (монастырь) был уже в XI веке; с. 630. Еще один появился в Галиции в XII-м, затем еще два в начале XIII-го века, а после 1240 года еще два; по поводу северо-восточного региона, с. 629: в Муроме один (монастырь) был уже в XI веке, с. 638 и след.; во Владимире на Клязьме – пять в XII веке, один в XIII веке, кроме того, в Суздале в XIII веке – еще один. Христианство пришло в северо-восточных регион достаточно поздно. Первый епископ Ростовский Леонтий (умер в 1080-х годах), грек, так и не смог получить всю полноту власти; о нем см.: Словарь, 1987: 29 и далее. Е. Голубинский указывает на наличие соборных церквей во Владимире Волынском до 1160 года (с. 263); во Владимире на Клязьме в 1158/60 годах (с. 277), в Ростове – в 1160/87 (с. 280), в Муроме – до 1174 года (с. 262), в Рязани в 1195 году (там же), в Галиче – в 1219 году (с. 264).

¹⁶² См. о Смоленске: Милютенко, 1993: 121–128. Здесь, правда, идет речь об одной украинской рукописи конца XVIII века.

¹⁶³ ПСРА, I, 1962: 159: «*есть же монастырь Печерский от благословенья Святыя Горы пошел*».

рено.¹⁶⁴ Несомненным, однако, остается то, что компилятор Лаврентий в 1377 году имел в виду Афон и, по крайней мере, к этому времени русское монашество установило связи со Священной горой.

С XI века здесь находится маленькая восточнославянская пустынь (скит) Ксилургу, а большой Монастырь Пантелеймона существует с 1169 года. Единственный инвентарный список для восточнославянского монастыря, который дошел до нас с древнейших времен, был обнаружен в этом восточнославянском монастыре на Афоне. Содержащийся в нем список книг содержит в себе, среди прочего, пять рукописных книг «Апостол», – а ведь как для одного монастыря, так даже четыре книги было бы слишком много. На этом основании был сделан вывод, что здесь находился скрипторий, который обеспечивал книгами восточнославянские монастыри.¹⁶⁵

Выводы

Какие же выводы о литературном своеобразии Киевской Руси, о ее духовной сущности следует сделать из всего выше сказанного?

Заемствованное и своё. Иначе, нежели все историки литературы

и литературоведы, рассуждал историк церкви Голубинский в 1901 году: *«Мы получили вместе <с другими европейскими народами> одно и то же христианство <...> Но отличительной чертой и обще принадлежностью народов <к Европе> было то, что они имели просвещение. Почему же только мы одни в их семействе остались без сего просвещения? <...> Лежит ли это на нашей ответственности или нет? Приятно и желательно было бы отвечать со спокойною совестью решительным нет; к сожалению, не кривя душой, отвечать так мы не найдем возможным».* И далее: Запад *«остался преемником западной Римской империи. Призванный принять на себя обязанность быть воскресителем и продолжателем этой империи, он действительно осуществил это в лице Карла Великого, приняв на себя свою обязанность позаботиться о том главнейшем, что было ему завещано Римом, т. е. о (духовном) просвещении. <...> А Греки не объединяли с собой принявших от них христианство варваров (так, как это делал Рим). <...> Мы не были приготовлены к тому, чтобы перенять <роль продолжателя духовного просвещения точно так же в ситуации предшествова-*

¹⁶⁴ Bosley, A History of St. Theodosij and Antonij of the Kievan Caves Monastery, from the Eleventh to the Fifteenth Century, Yale Univ. (машинопись; цит. по: Podskalsky, 1991: 112, прим. 8); Bosley, 1987. Г. Подскальский (Podskalsky, 1991: 113) пишет о том, что жития (Св.) Антония «не существовало в природе». – См. также: Thomson, 1995: 649–658. Основная мысль: та гора возле Владимира Вольнского, которую Томсон предлагает считать «священной горой», была, конечно, ближе к Киеву, но всё-таки и Афон тоже не может полностью не приниматься в расчет.

¹⁶⁵ Первичная информация: Описание, 1846; Русские, 1853; Иконников, 1869: 59. Описание инвентаря см.: Мошин, 1950, XI: 36.

ния Константинополя», как пригтовлен был к своей роли Запад. <...> Восточная империя была сама по себе, <...> мы же были дополнением к ней совершенно внешним и так сказать случайным, были нечто только добавочное и не имеющее в ней исторического смысла и значения. ... Мы не позаботились о просвещении и нашли возможным прожить и без него». ¹⁶⁶ А в другом фрагменте – лаконично, причиной тому – «наша косность» (с. 288).

Эта редкая в своей откровенности оценка ситуации сразу же позволяет нам ощутить, насколько глубоко она пронизана чувством русской исторической скорби XIX века. После революции уже, конечно, не осталось места ни для чего подобного. Так же легко можно понять причину недобросовестных преувеличений. Можно вспомнить «Слово» митрополита Илариона, который усматривал в своём народе детище божественной благодати: ведь теперь он оценивается не с точки зрения Закона, который отделяет иноземцев от соотечественников, – теперь он среди других просвещённых (верой Христа) рассматривается через призму Благодати. Или вспомним ещё Владимирского епископа Симона, рассуждавшего в послании, адресованном в его родной монастырь: это был наш общий дом, наше отечество, и даже стоя на пороге его, мы были, как в раю, непосред-

ственно связаны с Богом. Вспоминается также вызывающая изумление духовная сила русских монахов, которые в течение последующих веков, продвигаясь по рекам, пробираясь сквозь леса, осваивали земли на севере Руси, и именно это стало духовным стержнем для всего народа вплоть до эпохи Петра Великого.

И всё же то, что высказал Голубинский, действительно справедливо. ¹⁶⁷ Если освободить его мысли от присущей этой нации эмоциональности и соотнести их с основополагающими историческими условиями, тогда можно было бы сказать следующее:

Перед принятием христианства у славян в их бытии не было своей собственной истории. Когда же они вступили на путь исторического развития, они жили в том мире, который уже получил свои исторические формы от римской империи, – как на западе, так и на востоке. Одни размещались на римских территориях (южные славяне, позже чехи, полабы и поморяне, а также венгры), то есть занимали не свободные от исторического наследия, а уже упорядоченные до этого момента административные пространства, основные центры которых находились преимущественно вне области их расселения. Другие жили за пределами империй (поляки и восточные славяне) и таким образом были их преддверием, опять же как на востоке, так и на западе. И,

¹⁶⁶ Голубинский, 1880: 713–719. Цитата приводится по оригиналу книги Е. Е. Голубинского с необходимыми корректировками, позволяющими видеть степень изменения оригинального текста Гансом Роте. Добавления или изменения в тексте Е. Голубинского, сделанные самим автором (Г. Роте), заключаются в треугольные скобки, добавления, сделанные переводчиком, – в круглые. – *Прим. перев.*

¹⁶⁷ Этот вопрос затрагивался Георгием Флоровским, см.: Florovsky, 1962: 8–10.

кроме того, они всегда были зависими от обеих империй. История славян в эпоху Средневековья *«никогда не представляла собой автономного и свободного развития по своей собственной модели. Они никогда не могли быть свободными от тех условий развития, которые им навязывались империями»*.¹⁶⁸

Эти обстоятельства могут быть восприняты и как сила, и как слабость империи, а также как те самые щупальца, которые славяне, также со стороны Киева и Новгорода, всегда протягивали на запад, чтобы завоевать свободное пространство. Например, нас учат, что в IX веке существовала Великоморавская империя и что в X веке (русские утверждают, что в IX) существовало Киевское государство или Киевская монархия. Это понятно и естественно. Но тогда следует переместить понимание того, как оно возникло в ходе исторического развития, на другую исходную точку. Но делать этого нельзя. Концепции относительно первоисточков должны всё же основываться на том, где возникли источники и где формируется история. Разве Великоморавская империя была чем-то иным, нежели продуктом распада франкской империи? Ее возрождение или непредвиденные катастрофы, завоевание этой страны Венгрией или земель восточных славян монголами – всё это стало логическим завершением. Было ли первое государство болгар чем-то иным, нежели результатом слабости Византийской империи? Когда

она затем вновь усилилась и вспомнила о своём положении, то в течение длительного времени уже ничего нельзя было изменить. И точно так же обстояло дело с так называемой Киевской монархией – мог ли кто бы то ни было до XV века осмелиться заявить, что вместо священного достоинства империи возможно утвердить некое государство на базе его собственного права и собственной идеи? Было ли это государство с самого начала или когда-нибудь согласно конституции или каким-либо принципам чем-то иным, нежели все более и более уязвимым семейным союзом, который спланировался внешними торговыми интересами, а также соперничеством братьев? И вот нападают жестокие монголы, и тогда этому государственному образованию практически приходит конец. Конечно, на северо-востоке остался еще Новгород, а на юго-западе – Галич и Волынь с их западными связями, которые теперь укрепились. Параллели между Моравией и Киевом бросаются в глаза.

Была ли Русь, если присмотреться к ее письменной культуре, действительно чем-то большим, нежели церковной провинцией Византии, зависимой в своей образованности от воли миссионеров, а также от духовной щедрости Константинополя, да к тому же еще и от готовности позволить обогатить себя этой щедростью? Несомненно, в восточнославянской письменной культуре взошли ростки русской литературы, сформировались собственные ин-

¹⁶⁸ Мысль, высказанная здесь автором, первоначально была опубликована: Rothe, 1995: 81.

ституты, собственная патриотическая идея. Однако же призывный голос, возвысивший в то время «русицей» в «собственном литературном языке», прозвучал для них из Византии, а также из подвергшейся византийскому влиянию Болгарии.

Если, находясь по другую сторону романтического национального мышления, попытаться сформулировать эту исходную точку зрения о первоистоках, то, как нам кажется, оба эти примера – как западнославянская Моравия, так и восточнославянская Русь – будут, кроме всего прочего, весьма поучительными. Изначально оба эти региона располагаются вне территории империи: Моравия – непосредственно на северной границе, Русь – далеко за ее пределами. Благодаря христианизации оба они были включены (причем не только политически) в хитросплетения отношений зависимости от империи, а также приобщены и к ее духовным истокам. И именно они получили доступ к этим истокам, они пришли к выводу, что стоят на своей собственной основе. И вот зарождается – как это ни парадоксально, в переводах и подражаниях – нечто своё, и это своё начинает утверждаться по ту сторону от границ империи, начинает развиваться самостоятельно. Когда пение зазвучало со строго определенной высотой звука, тогда был найден и свой собственный голос.

Что такое «древнерусская литература»? Так что же следует понимать под «древнерусской литературой»? Ничто иное, как развитие в некоторых религиозных центрах *письменной традиции*, которая в

отдельных епархиях (изначально в Новгороде и Киеве, а позже в Галиче, Смоленске и Владимиро-Суздальской земле) сформировала *своеобразную письменную культуру*. Ничто иное, как развитие общепотребительного *культового языка*, который едва ли использовался в стране как разговорный язык, но воспринял свою грамматическую и духовную форму у южных славян, получивших образование по византийскому образцу. Этот культовый язык передвинул всё написанное в своего рода сумерки, позволив созданным на нем текстам выглядеть священными, но одновременно чужеродными, а нередко и непонятными. Славяне подпитывались в широком смысле *чужими источниками* и были ориентированы на *иноземные центры*. Точкой отсчета при этом были правовые документы, то есть попытка создать правовую основу для государства, а также упорядоченная согласно канону литургия, то есть письменно установленный порядок богослужения, который единообразно объединил всю страну как одно целое с конца XI века. Благодаря этому церковному праву даже после монгольского нашествия она всё еще продолжала оставаться и существовать как нечто единое.

Эти источники – варяжские, греческие, южно- и западнославянские – были славянизированы, либо, соответственно, восточнославянизированы. При этом последовательного развития мы не наблюдаем. Можно заметить, как в дальнейшем центры письменности становятся *образовательными центрами и источни-*

ками духовной силы, прежде всего в Киевской Печерской лавре, а также в Новгородской ремесленно-торговой республике, но этот процесс, однако, не был завершен. Все эти центры, за исключением Печерской лавры, имели местное значение, даже если их объединял общий язык богослужения. Это было всё во всём – и это было не более, чем *создание основы для возникновения литературы* в различных регионах на едином для всех языке.

Но, конечно, это немало. Ведь до принятия христианства царило многоязычие и возможен был лишь племенной образ жизни да обязанность платить дань, будучи под властью иноземного господства, а письменность, если даже она и существовала, то не пустила еще своих корней и не оставила никаких следов своего существования, наконец, не заметно было никакой правовой базы. В противоположность всему этому, со времен христианизации вплоть до распада Киевского государства произошли грандиозные изменения. Постепенно сформировалась – пусть пока что лишь в отдельных центрах, практически не связанных между собой – идея *единого целого*, способного, казалось, внутренне объединить эти отдельные центры в одну

страну не только благодаря единому языку. Сама эта идея придавала свежие силы, чтобы вновь осознать экзистенцию этой страны в ее величии: христианская вера (воссияла) в новой стране, которая жила теперь среди христианских народов непосредственно пред лицом Господа и которая с самого начала призвана была противостоять опасности с востока. Затем эта идея, опять же довольно парадоксальным образом, овладела общественным сознанием лишь в тот момент, когда власть в этой стране рухнула под нашествием монголов, и теперь все без исключения (в том числе Новгород и Галич Волынский) в течение двух веков обязаны были платить дань. Именно это бедствие стимулировало зарождение объединительной силы.

Отдельные центры, в их внешней связи с Константинополем, Иерусалимом и Св. горой Афон, а также в их постепенно формирующейся внутренней связи, создали ту основу, на которой в XIV и XV веках возникло русское Великое Княжество Московское. Письменная культура и своеобразие духовной жизни этого государства были, несомненно, настолько же богатыми и настолько же ограниченными, как и те корни, из которых они произросли.

Карта 1: Примерная область расселения восточных славян около 1000 года (см.: Martin Gilbert, Atlas of Russian History, № 14)

Карта 2: Варяжская Русь около 900 года в пределах области расселения восточных славян (см.: Martin Gilbert, Atlas of Russian History, № 12)

Карта 3: Византийская империя при Василии II около 1025 года (см.: Ostrogorsky, History of the Byzantine State, 1968). -.-.-.-.- : граница империи

Карта 4: Каменные церкви и монастыри в 1050–1250 годы (†: резиденция епископа; ‡: митрополия).

В нижеследующей легенде:

Δ: каменные церкви, общее количество / из них до 1150 года;

□: монастыри, общее количество / из них до 1150 года.

1. Киев Δ 25/16; □ 17/11	11. Рязань Δ 1/0; □ ?
2. Новгород Δ 28/9; □ 16/10;
номинально в 1165 году	12. Галич Δ 1/0; □ 5/1
3. Чернигов Δ 3/2; □ 4/1	13. Туров Δ 0; □ 1/1
4. Переяславль (русск.) Δ 6/5; □ 2/2	14. Ростов Δ 0; □ 1/1
5. Смоленск Δ 4/1; □ 5/0	15. Суздаль
6. Полоцк Δ 3/1; □ 1/1	а. Херсон
7. Псков Δ 2/1; □ 1/0	б. Преслав
8. Ладога Δ 2/?; □ 5/1	с. Охрид
9. Владимир Волынский Δ 2/1?; □ 1/1	д. Переяславец
10. Владимир на Клязьме Δ 17/0; □ 6/5	е. Константинополь

Литература

1. Абрамович, Д. (1931). Киево-Печерський патерик. Київ.
2. Адрианова-Перетц, В. П. (1962). Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. – М.–Л. – С. 3–7, 206–233 (библиография).
3. Алексеев, А. А. (1988). Из истории русской переводческой школы XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРА) 41. – С. 154–196.
4. Алексеев, А. А. (1996). Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia») // ТОДРА 49. – С. 278–296.
5. Алексеев, А. А. (1999а). По поводу статьи Х. Г. Ланта «Еще раз о мнимых переводах в Древней Руси» // ТОДРА 51. – С. 442–445.
6. Алексеев, А. А. (1999б). Текстология славянской библии (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A N. F. 24). – Köln.
7. Апракос Мстислава Великого (1983). / под ред. Л. П. Жуковской. – М.
8. Архангельский А.С. (1904). Труды академика А.Н. Пыпина в области истории русской литературы // Журнал Министерства народного просвещения, № 2. – С. 73–125.
9. Архангельский, А. С. (1888). К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. – СПб.
10. Архангельский, А. С. (1890). Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. – СПб. – Т. I–II, 1889; Т. III–IV.
11. Архангельский, А. С. (1916). Введение в историю русской литературы. – Т. I: История литературы как наука. Очерк научных изучений в области истории русской литературы. – Петроград.
12. Археологический ежегодник за 1996 год. (1997). – М.
13. Ашнин, Ф. Д., Алпатов, В. М. (1994). «Дело славистов». 30-е годы / под ред. Н. И. Толстого. – М.
14. Баренбаум, И. Е., Давыдова, Т. Е. (1960). История книги (Учебное пособие). – М.
15. Баузе, Ф. Г. (1796). Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. – М.
16. Белоброва, О. А. (1999). Андрей Критский в древнерусской литературе и искусстве // ТОДРА 51. – С. 206–220.
17. Бельчиков, Н. Ф., Бегунов, Ю. К. Рождественская, Н. П. (1963). Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. – М.–Л.
18. Бирнбаум, Х., Романчук, Р. (1997). Кем был загадочный Даниил Заточник? (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси). – ТОДРА 50. – С. 576–602.
19. Бороздин, А. К. (1908). История русской литературы. – Т. I–II. – М.
20. Бражников, М. В. (1949). Пути развития и задачи расшифровки знаменного роспева XII–XIII веков. – М.
21. Бражников, М. В. (1955). Благовещенский кондакарь. Фотовоспроизведение рукописи (ГПБ, Отдел рукописей). – Л.
22. Брайловский, С. Н. (1896). Кто был первый русский библиограф? // Русский филологический вестник. – Т. 36. – № 3–4. – С. 224–231.
23. Буслаев, Ф. И. (1861а). Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. I: Русская народная поэзия. – СПб.
24. Буслаев, Ф. И. (1861б). О народной поэзии в древнерусской литературе. (Речь в Московском университете 12.1.1859) // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. II: Древнерусская народная литература и искусство. – СПб. – С. 1–63.

25. Буслаев, Ф. И. (1990). О литературе: Исследования; Статьи / под ред. Э. Афанасьева. – М.
26. Введение в историю русского языка (1927). (Spisy Filosofické Fakulty Masarykovy University v Brně, 20). – Брно; 2-е изд. – М., 1969.
27. Владимиров, П. В. (1890). Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII столетия (Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца. Т. IV). – Киев.
28. Владимиров, П. В. (1896). Введение в историю русской словесности. – Киев.
29. Власовський, І. (1955). Нарис історії української православної церкви. – Т. 1. – Нью-Йорк.
30. Водовозов, Н. В. (1966). История древнерусской литературы. – М.
31. Воделазкин, Е. Г. (1992). Хроника Амартола в новонайденных списках // ТОДРА 45. – С. 322–332.
32. Волков, Н. В. (1897). Статистическая сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. и их указатель (ПДП 123), СПб.
33. Востоков, А. Х. (1842). Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. – СПб.
34. Вялова, С. О. (1988). Глаголические рукописи XI–XVI веков в хранилищах СССР // Археографический ежегодник за 1987 год. – М. – С. 186–188.
35. Галахов, А. Д. (1863). История русской словесности, древней и новой. – Т. 1.
36. Герцман, Е. В. (1991/1992). Византия и Русь. К проблеме музыкально-художественных контактов в XI–XIII веках // Cyrillomethodianum XV/XVI. – С. 241–256.
37. Герцман, Е. В. (1996а). В поисках песнопений церкви. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей. – СПб.
38. Герцман, Е. В. (1996б). Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Каталог I: Русская Национальная Библиотека. – СПб.
39. Глубоковский, Н. Н. (1928). Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. – Варшава.
40. Глубоковский, Н. Н. (1995). Славянская Библия // Учёные записки Российского православного университета св. ап. Иоанна Богослова. – Вып. 1. – М. – С. 43–57.
41. Голубинский, Е. Е. (1880). История русской церкви. – Т. I, 1. – М.
42. Голубинский, Е. Е. (1881). История русской церкви. Т. I, 2. – М.
43. Гордиенко, Н. С. (1984). «Крещение Руси». Факты против легенд и мифов. Полемические заметки. – Л.
44. Горский А.В., Невоструев К.И. (1869). Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III: Книги богослужебные. Ч. 1. – М.
45. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (1949). Под ред. С. Н. Валка. – М.-Л.
46. Гранстрем, Е. Е. (1970). Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом»? // ТОДРА. – Т. 25. – С. 20–28.
47. Гранстрем, Е. Е. (1974). Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI–XIV вв.) // ТОДРА 29. – С. 186–193.
48. Гранстрем, Е. Е. (1980). Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI–XV вв.) // ТОДРА 35. – С. 345–375.
49. Гудзий, Н. К. (1950). История древней русской литературы. – 4-е изд.: М.
50. Давыдова, С. А. (1990). Патериковые чтения древнерусского «Пролога» // ТОДРА 43. – С. 263–281.
51. Давыдова, С. А. (1999). Византийский Синаксарь и его судьба на Руси // ТОДРА 51. – С. 58–79.
52. Давыдова, С. А., Черторицкая, Т. В. (1993). К истории Синаксаря // ТОДРА 47. – С. 151–163.
53. Данилов, В. В. (1956). Хронологический список трудов академика В. М. Истрина // ТОДРА. – Т. XII. – С. 586–593.

54. Денисов, Л. И. (1908). Православные монастыри Российской империи. Полный список. – М.
55. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований (1906–1907). – Т. I. Вып. 1–3. – СПб.
56. Дуйчев, И. (1963). Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРА XIX. – С. 107–129.
57. Дурново, Н. Н. (1924). Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог. – Т. IV. – С. 72–95.
58. Дурново, Н. Н. (1925). Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог. – Т. V. – С. 93–117.
59. Дурново, Н. Н. (1926). Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог. – Т. VI. – 1926. – С. 11–64.
60. Евгений (Болховитинов, Е. А.). (1818). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. – Т. I–II. – СПб.
61. Евсеев, И. Е. (1995). Рукописное предание Славянской Библии // Ученые записки Российского Православного Университета св. ап. Иоанна Богослова. – Вып. 1. – М. – С. 5–28.
62. Жуковская, Л. П. (1971). Сколько книг было в древней Руси? // Русская речь. – № 1. – С. 73–80.
63. Жуковская, Л. П. (1976). Текстология и язык древнейших славянских памятников. – М.
64. Журавлёв, В. К. (1962). Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) (Замечательные ученые Московского университета, 30). – М.
65. Зализняк, А. А. (1986). Предисловие // Зализняк, А. А., Ланин, В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). – М. – С. 3–10.
66. Зализняк, А. А. (1993). К изучению языка берестяных грамот // Янин, В. Л., Зализняк, А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 годов). – М. – С. 190–319.
67. Залмина, М. А. (1997а). Литература о жизни и трудах ак. Д. С. Лихачева за 1988–1996 гг. // ТОДРА 50. – С. 71–83.
68. Залмина, М. А. (1997б). Хронологический список трудов ак. Д. С. Лихачева за 1988–1996 гг. // ТОДРА 50. – С. 40–70.
69. Зверинский, В. В. (1892). Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. – СПб. – Т. I–II.
70. Зверинский, В. В. (1897). Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. – СПб. Т. III.
71. Зимин, А. А. (1953). Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV веков. – М.
72. Зимица, В. Г. (2006). К читателю // Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб. – С. 3–4.
73. Златанова, Р. (1998). Старобългарският превод на Стария Завет. Т. 1: Книга на дванадесете пророци с тълкования. – София.
74. Иванов, С. А., Турилов, А. А. (1996). Переводная литература у южных и восточных славян в эпоху раннего Средневековья // Очерки истории культуры славян. – М. – С. 276–298.
75. Изборник 1076 года. (1965). Изд. подгот. В. С. Гольшенко и др. / под ред. С. И. Коткова. – М.
76. Иконников, В. С. (1869). Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. – Киев.
77. Иконников, В. С. (1871). Скептическая школа в русской историографии. – Киев.

78. Иконников, В. С. (1891). Опыт русской историографии. Т. I, 1–2. – Киев.
79. Иконников, В. С. (1908). Опыт русской историографии. Т. II, 1–2. – Киев.
80. Ильинский, Г. А. (1908). Значение Афона в истории славянской письменности // Журнал Министерства народного просвещения. – № 11. – С. 1–39.
81. Ильинский, Г. А. (1929). Погодинские кирилловско-глаголические листки // *Byzantinoslavica* I. – С. 86–117.
82. Ильинский, Г. А. (1934). Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии / под ред. с доп. М. Г. Попруженка и Ст. М. Романского. – София.
83. Иннокентий (Павлов), игумен (1995). Заметки к статье Н. Н. Глубоковского «Славянская Библия». / Учёные записки Российского православного университета св. ап. Иоанна Богослова. – Вып. 1. – М. – С. 35–42.
84. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / под ред. А. А. Шахматова. – СПб, 1908. = М., 1962.
85. История русской литературы (Академия наук) (1941). – Т. 1. – М.–Л.
86. История русской литературы (АН) (1958). – В 3-х т. / под ред. Д. Д. Благого. – М.–Л. – Т. 1.
87. Истрин, В. М. (1922). Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.). – Петроград.
88. Истрин, В. М. (1923). Замечания о начале русского летописания // Известия Академии наук. – Т. 26. – С. 45–102.
89. Истрин, В. М. (1924). Замечания о начале русского летописания // Известия Академии наук. Т. 27.– С. 207–251.
90. Истрин, В. М. (1931). Моравская история славян и история Поляно-Руси, как предполагаемые источники русской летописи // *Byzantinoslavica*, III. – С. 308–332.
91. Ищенко Д. С. (1976). Устав Студийский по списку XII в. (фрагменты) // Источники по истории русского языка. – М. – С. 109–130.
92. Казанский, П. С. (1855). История православного монашества, от основания Печерской обители преп. Антонием до основания Лавры Св. Троицы преп. Сергием. – М.
93. Калайдович, К. Ф. (1815). Русские достопамятности. Т. 1. – М.
94. Калайдович, К. Ф. (1821). Памятники российской словесности XII в. – М.
95. Калайдович, К. Ф. (1824). Иоанн, экзарх болгарский. – М.
96. Калайдович, К. Ф., Строев, П. М. (1825). обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого. – М.
97. Кароткі У. Г. (2013). Беларуская літаратура і гісторыя. – Мінск.
98. Карский, Е. Ф. (1930). Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. – Л.
99. Карташев, А. (1959). Очерки по истории русской церкви. – Т. 1. – Париж.
100. Каштанов, С. М. (1972). О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X веке // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посв. Л. В. Черепнину / под ред. В. Т. Пашуто. – М. – С. 209–215.
101. Кеппен П. (1819). Материалы для истории просвещения в России. – Вып. 1: Обзорение источников для составления российской словесности. – СПб.
102. Кеппен П. (1825–1826). Материалы для истории просвещения в России. – Вып. 2: Библиографические листы № 1–46. – СПб.
103. Кеппен П. (1827). Материалы для истории просвещения в России. – Вып. 1: Обзорение источников для составления российской словесности. Вып. 3. – СПб.
104. Краткая литературная энциклопедия (1962–1978).: В 9 т. – М.: Сов. Энцикл.
105. Кузьмин, А. (1988). «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. – М.
106. Кузьмина, В. Д. (1956). Хронологический список трудов академика М. Н. Сперанского // ТОДРА. – Т. XII. – С. 594–612.

107. Купреянова, Е. Н. (1976). Литература Древней Руси // Купреянова, Е. Н., Макогоненко, Г. П. Национальное своеобразие в литературе. – С. 9–97.
108. Кусков, В. В. (1977). История древнерусской литературы. Учебник для студентов. 3-е изд. – М.
109. Лант, Х. Г. (1999). Еще раз о мнимых переводах в Древней Руси (По поводу статьи А. А. Алексеева) // ТОДРЛ. – Вып. 51. – С. 435–441.
110. Левченко, М. В. (1956). Очерки по истории русско-византийских отношений / под ред. М. Н. Тихомирова. – М.
111. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 г.) (1904). // Старина и новизна. – Кн. 8.
112. Летописи русской литературы и древностей (1859). / Под ред. Н. С. Тихонравова. – Т. I. – М.
113. Литература Древней Руси. Источниковедение. Сборник научных трудов (1988). / Под ред. Д. С. Лихачева. – Л.
114. Литературная энциклопедия (1929–1939).: В 11 т. – [М.].
115. Лихачев, Д. С. (1978). Величие древней литературы // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века. – М. – С. 5–20.
116. Лихачев, Д. С. (1980). Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М. – С. 5–22.
117. Лихачев, Д. С. (1981а). Литература времени национального подъёма // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М. – С. 5–26.
118. Лихачев, Д. С. (1981б). Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М. – С. 5–26.
119. Лихачев, Д. С. (1982). Литература эпохи исторических размышлений // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. – М. – С. 5–20.
120. Лихачев, Д. С. (1984). Эпоха решительного подъёма общественного значения литературы // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М. – С. 5–18.
121. Лихачев, Д. С. (1985). Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М. – С. 5–16.
122. Лихачев, Д. С. (1987а). Избранные работы. – Т. I – III. – Л.
123. Лихачев, Д. С. (1987б). Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. – М. – С. 5–22.
124. Лихачев, Д. С., Дробленкова, Н. Ф. (1970). Пути изучения древнерусской литературы и письменности. – Л.
125. Лужницький, Г. (1954). Українська Церква між Сходом і Заходом: нарис історії Української Церкви. – Філадельфія.
126. Лурье, Я. С. (1990). Схема исторического летописания А. А. Шахматова и М. Д. Присёлкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ 44. – С. 185–195.
127. Макарий (1846–1847). История русской церкви: в XII т. – Т. I–III. – СПб.; репринт: Dusseldorf, 1968–1969.
128. Макарий (1994). История русской церкви. – Кн. I / под ред. С. А. Беляева. – М., 1994.
129. Макарий (1995а). История русской церкви. Кн. II / под ред. А. В. Назаренко. – М.
130. Макарий (1995б). История русской церкви. Кн. III / под ред. А. А. Турилова. – М.
131. Максимович, К. А. (1998а). К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. – М. – С. 398–412.
132. Максимович, К. А. (1998б). Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. (Юридические тексты). – М.

133. Максимович, М. А. (1839). История древнерусской словесности. – Киев.
134. Максимович, М. А. (1880). Собрание сочинений. – Т. 1. – Киев.
135. Международная конференция «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.» Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний (1995). Сост. и отв. ред. Б.Л. Фонкич. – М.
136. Мезьер, А. В. (1899). Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель русской словесности в связи с историей литературы и критикой. – Т. 1: Русская словесность с XI по XVIII век. – СПб.
137. Мельникова, Е. А. (1989). Русско-скандинавские взаимосвязи в процессе христианизации (IX–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. – М. – С. 260–268.
138. Металлов, В. М. (1912). Русская симиография. – М.
139. Мещерский, Н. А. (1978). Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. (Учебное пособие). – Л.
140. Милютенко, Н. И. (1993). Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни (к истории Смоленской литературы XII в.) // ТОДРА 48. – С. 121–128.
141. Миропольский, С. И. (1894). Очерк истории церковно-приходской школы от первого ея возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. I: От основания школ при Св. Владимире до монгольского ига. – СПб.
142. Момина М. А. (1992). Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРА 45. – С. 200–219.
143. Мошин, В. А. (1931). Варяго-русский вопрос // *Slavia*. – Т. X. – С. 109–136, 343–379, 501–537.
144. Мошин, В. А. (1947–1948). Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *Byzantinoslavica IX*. – С. 35–85.
145. Мошин, В. А. (1950). Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *Byzantinoslavica*; XI. – С. 32–60.
146. Мюллер, Л. (1995). Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 года) // *Славяноведение*. – № 2. – С. 3–11.
147. Назаренко, А. В. (1987). Русь и Германия в 70-е годы X в. // *Russia mediaevalis*, VI 1. – С. 38–89.
148. Незеленов, А. И. (1893). История русской словесности для учебных заведений. – Т. 1: С древнейших времен до Карамзина. – М.
149. Нечунаева, Н. А. (1990). Некоторые особенности русских списков минеи // Функциональные и семантические проблемы описания русского языка (Труды по русской и славянской филологии). – Дорпат/Тарту. – С. 131–138.
150. Нечунаева, Н. А. (1993а). Лексическая вариативность в списках майской минеи и «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского // *Славянские языки, письменность и культура*. – Киев. – С. 196–200.
151. Нечунаева, Н. А. (1993б). Минейный список XII в. на фоне синхронных древнерусских текстов // *Русский язык донационального периода (Межвузовский сборник)*. – Пбг. – С. 188–198.
152. Нечунаева, Н. А. (1998а). Майская Минейная рукопись Qp.I.25 из собрания А. Ф. Гильфердинга // *Русь и южные славяне (в честь В. А. Мошина)*. – СПб. – С. 329–339.
153. Нечунаева, Н. А. (1998б). Путятинская минейная рукопись в истории русского языка // *Язык и текст. Межвузовский сборник (в честь В. В. Колесова)*. – СПб. – С. 80–91.
154. Николаев, В. (1949). Славянобългарският фактор в христианизацията на Киевска Русия. – София.
155. Никольский, Н. К. (1903). Материалы для истории древне-русской духовной письменности // *Известия АН*. VII. № 1. – С. 212–232.

156. Никольский, Н. К. (1906). Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). – СПб.
157. Никольский, Н. К. (1907). Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник АН. Т. 82. № 4. – СПб.
158. Никольский, Н. К. (1930). Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры (Сборник по русскому языку и словесности Академии наук II 1). – Вып. 1-й. – Л.
159. Никольский, Н. К. (1931). История русской церкви. – Рязань.
160. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (1950). Под ред. М. Н. Тихомирова. – М.–Л.
161. Описание Афонских монастырей (1846). // Чтения Московского общества истории и древностей российских. – № 4.
162. Описание греческих рукописей монастыря святой Екатерины на Синае (1911). – Т. 1. – СПб.
163. Орлов, А. С. (1934). Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII–XIV веков. – Л.
164. Орлов, А. С. (1937). Древняя русская литература XI–XVI вв. – М.–Л.
165. Павлов, А. С. (1873). Отрывки греческого текста канонических ответов русского Митрополита Иоанна II // Записки Императорской Академии наук, т. 22, Приложение 5, с. 1–21; переиздание: Сборник АН, т. 15, 1876, № 3.
166. Павлова, Р. (1988). Пандекты Никона Черногорца в славянской письменности // Славянская филология. Т. 19. – София. – С. 99–116.
167. Памятники древне-русского канонического права (1880)., Ч. 1 / под ред. А. С. Павлова (Памятники XI–XV в.) (Русск. Истор. Библ. VI). – СПб; 2-е изд. – под ред. В. Н. Бенешевича, 1908.
168. Памятники древне-русского канонического права (1920). Под ред. В. Н. Бенешевича. – Ч. 2, вып. 1 (РИБ XXXVI). – Петроград.
169. Памятники литературы Древней Руси: XII век (1980). – М.
170. Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века (1978). – М.
171. Пархоменко, В. А. Начало христианства Руси (1913). – Полтава.
172. Переписка Маркса и Энгельса по поводу «Слова о полку Игореве» (1933). // Карлу Марксу Академия наук СССР: Памяти Карла Маркса. Сборник статей к 50-летию со дня смерти: 1883–1933. – Л. – С. 641–655.
173. Перетц, В. Н. (1914). Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники. – Киев.
174. Петухов, Е. В. (1911). Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений. Древний период. – СПб.; 2-е изд. 1912; 3-е изд. Петроград, 1916.
175. Платон (1805). Краткая церковная российская история. – Т. I. – М.
176. Полевой, Н. П. (1872). История русской литературы в очерках и биографиях. СПб.
177. Полевой, Н. П. (1900). История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Т. 1. СПб.
178. Полное собрание русских летописей (ПСРА) (1962). – М. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Т.2.
179. Полонська-Василенко, Н. (1964). Историчні підвалини Української Православної Церкви. – Мюнхен.
180. Попов, А. Н. (1875). Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). – М.
181. Поппэ, А. (1966). Учредительная грамота Смоленской Епископии // Археографический ежегодник за 1965 год. – М. – С. 59–71.
182. Порфирьев, И. Я. (1870). История русской словесности. – Т. I. – Казань.

183. Преображенский, А. В. (1924). Культурная музыка в России. – Л.
184. Приселков, М. Д. (1913). Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. (Зап. историко-филолог. фак. Имп. С.-Петербур. унив. Т. 116). – СПб.
185. Пуцко, В. (1987). Пандекты Антиоха Черноризца: художественное оформление кириллической рукописи // *Syriacorum XI*. – С. 45–86.
186. Пыпин, А. Н. (1902). История русской литературы. – Т. 1–2. – СПб. (1-е изд. – 1898).
187. Рапов, О. (1988). Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М.
188. Раппопорт, П. А. (1972). «Латинская церковь» в древнем Смоленске // Новые архивы. – М. – С. 283–289.
189. Рогачевская, Е. Б. (1993). Молитвословное творчество Кирилла Туровского (проблемы текстологии и поэтики). – М.
190. Рогачевская, Е. Б. (1998). Гимнографическое творчество Кирилла Туровского в контексте оригинальной славянской гимнографии IX–XII вв. // *Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов*. – М. – С. 38–45.
191. Рождественская, М. В. (1993). Академик Н. К. Никольский – организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (По архивным материалам) // *ТОДРА* 47. – С. 397–408.
192. Рождественская, Т. В. (1991). Развитие грамотности и книжной культуры в Новгороде (по данным эпиграфики) // *Книжные центры древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования / Под ред. Д. С. Лихачева*. – СПб. – С. 17–28.
193. Российское законодательство X–XX веков (1984–1994). / Под ред. О. И. Чистякова. – Т. I–IX. – М. – Т. I: Законодательство Древней Руси / под ред. В. Л. Янина. – М. 1984.
194. Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома (1972). / Под ред. А. М. Панченко. – Л.
195. Русская правда (1940). Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. – М.; Л. – Т. I: Тексты. – Т. II: Комментарии. 1947. – Т. III: Факсимильное воспроизведение текстов. 1963.
196. Русская правда (1947). Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. – М.; Л. – Т. II: Комментарии.
197. Русская правда (1963). Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. – М.; Л. – Т. III: Факсимильное воспроизведение текстов.
198. Русские иноки на Афоне (1853). // *Христианское чтение*. – № 10.
199. Саводник, В. Ф. (1918). Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII в. – М. (6-е изд.); 1-е изд. – 1913.
200. Самоквасов, Д. Я. (1878). История русского права. – Т. 1: Начало политического быта древнерусских славян. Вып. 1: Литература. Источники. Методы ученой разработки источников. – Варшава.
201. Сапунов, Б. В. (1955). Некоторые соображения о древнерусской книжности XI–XIII веков // *ТОДРА*, XI. – С. 314–332.
202. Сводный каталог книг на иностранных языках в России в XVIII веке 1701–1800 (1986). Т. 3: S–Z. – Л.
203. Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. (1984). / Л. П. Жуковская (гл. ред.). – М.
204. Сендерович, С. (1999). «Слово о Законе и Благодати» как экзегетический текст. Иларион Киевский и павлианская теология // *ТОДРА* 51. – С. 43–57.
205. Сергеевич, В. И. (1910). Лекции и исследования по древней истории русского права. – 4-е изд. СПб, 4-е изд.; 1-е изд. – 1883.
206. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь (1979). Отв. ред. В. А. Дьяков. – М.

207. Славянские древности. Этнолингвистический словарь (1995–2004). Т. 1–5, под ред. Н. И. Толстого.
208. Словарь книжников и книжности древней Руси (1987). – Вып. I: XI – первая половина XIV в. / под ред. Д. С. Лихачева. – Л.
209. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095 – 1097 гг. (1886). Труд И. В. Ягича. – СПб.
210. Слуховский, М. И. (1968). Библиотечное дело в России до XVIII века. Из истории книжного просвещения. – М.
211. Смирнов, П. А. (б. г.). История христианской православной церкви. – Берлин.
212. Смоленские грамоты XIII–XIV веков (1963). Под ред. Р. И. Аванесова; подгот. к печати Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. – М.
213. Смоленский, С. В. (1885а). Описание нотной линейных рукописей церковного пения, находящиеся в Соловецкой библиотеке Казанской Духовной Академии. – (не опубликовано).
214. Смоленский, С. В. (1885б). Снимки с печерских рукописей к описанию (неизданному) соловецких рукописей. – Казань.
215. Смоленский, С. В. (1899). О собрании русских древне-певческих рукописей в Московском синодальном училище церковного пения. Отдельный оттиск из «Русской музыкальной газеты». – М.
216. Смоленский, С. В. (1901). О древнерусских певческих нотациях. Историко-палеографический очерк (ПДПИ 145). – СПб.
217. Смоленский, С. В. (1904). О ближайших практических задачах и научных розысканиях в русской церковно-певческой археологии (ПДПИ 151). – СПб.
218. Соболевский, А. И. (1897). Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды девятого археологического съезда в Вильне. – М. – С. 53–61.
219. Соболевский, А. И. (1910). Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии (Сборник АН, т. 88, № 3). – СПб. – С. 162–177.
220. Соболевский, А. И. (1980). История русского литературного языка. – М.
221. Соколова, Л. В. (1993). К характеристике «Слова» Даниила Заточника. (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // ТОДРА 46. – С. 229–255.
222. Сперанский, М. Н. (1912). История древней русской литературы. – 1-е изд. – Нежин (размножено при помощи копировального аппарата); 2-е изд. – М., 1914; 3-е изд. – М., 1921.
223. Сперанский, М. Н. (1928/1929). Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы // Slavia VII. – С. 516–535.
224. Сперанский, М. Н. (1963). Рукописные сборники XVIII в. – М.
225. Срезневский, И. И. (1863). Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение. – СПб; 2-е изд. – 1882.
226. Срезневский, И. И. (1879). Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. – Т. III. – СПб. – С. 11–44.
227. Строев, П. (1877). Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб.
228. Строев, П. М. (1836). Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения. – М.
229. Тахиаос, А. Е., Турилов, А. А. (1999). Славянские рукописи афонских обителей. – Фессалоники.
230. Творогов, В. Н. (1995). Святость и святые в русской духовной культуре. – Т. I: Первый век христианства на Руси (Российский государственный гуманитарный университет). – М.
231. Творогов, О. В. (1988). Древнерусские четьи сборники XII–XIV веков. Статья первая // ТОДРА 41. – С. 197–214.

232. Творогов, О. В. (1990). Древнерусские четьи сборники XII–XIV веков. Статья вторая: Памятники агиографики // ТОДРА 44. – С. 196–225.
233. Творогов, О. В. (1993). Древнерусские четьи сборники XII–XIV веков. Статья третья: Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории // ТОДРА 47. – С. 3–33.
234. Творогов, О. В. (1997а). Древнерусские переводные гомилии как предмет исследования // ТОДРА 50. – С. 186–188.
235. Творогов, О. В. (1997б). Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In Меморіам. Сборник памяти Я. С. Лурье. – СПб. – С. 203–209.
236. Творогов, О. В. (1999). Древнерусские четьи сборники XII–XIV веков. Статья четвертая: Дидактические гомилии // ТОДРА 51. – С. 20–42.
237. Темчин, С. Ю. (1993). Было ли краткое апракосное Евангелие первой славянской книгой, переведенной с греческого // Исследования по славянскому историческому языкознанию (в честь Г. А. Хабургаева). – М. – С. 13–29.
238. Темчин, С. Ю. (1997). История формирования краткоапракосного Евангелия: попытка обобщения // Slavia 66. – С. 21–34.
239. Темчин, С. Ю. (1998). Дистрибуция омеги в тексте Остромирова Евангелия и история славянского краткого апракоса // Tematy (Księga jubileuszowa Leszka Moszyńskiego). – Gdańsk. – С. 409–425.
240. Тихомиров, М. Н. (1953). Городская письменность в древней Руси XI–XIII веков // ТОДРА, IX. – С. 51–66.
241. Толстой М. В. (1991). История Русской Церкви. – Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.
242. Толстой, М. В. (1870). Рассказы из истории Русской Церкви. – М.
243. Трендафилов, Х. (1997). Переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии // ТОДРА 50. – С. 658–667.
244. Турилов, А. А. (1995). Болгарские литературные памятники эпохи Первого Царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (Заметки к оценке явления) // Славяноведение. – № 3. – С. 31–45.
245. Тхоржевский, И. И. (1950). Русская литература. – Париж.
246. Удальцова, З. В. (1966). Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси // Археографический ежегодник за 1965 год. – М. – С. 47–58.
247. Успенский Сборник XII–XIII вв. (1971). / под ред. С. И. Коткова. – М.
248. Успенский, Н. Д. (1960). Византийское пение в Киевской Руси // Akten des XI. Internat. Byzantinisten-Kongresses 1958. – München. – С. 643–654.
249. Успенский, Н. Д. (1971а) Древнерусское певческое искусство. – М.
250. Успенский, Н. Д. (1971б) Образы древнерусского певческого искусства. – Л.
251. Филарет (1857). История русской церкви в пяти периодах. – Т. I. – М.
252. Филарет (1859). Обзор русской духовной литературы 862–1720. – Харьков.
253. Флоря, Б. Н. (1985). Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica 46. – С. 121–130.
254. Фомина, М. С. (1993). Древнейшие списки сборника «Златоустрий» в ранней славянской письменности (XI–XII вв.) // ТОДРА 47. – С. 34–53.
255. Фонкич, Б. Л. (1977). Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). – М.
256. Фонкич, Б. Л. (1999). Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. – М.
257. Франклин, С. (1988). К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // ТОДРА 41. – С. 324–330.
258. Хорват, Г. (после 1973). К изучению древнерусских певческих рукописей

- (Ирмологий ГПБ Q.p.I.75). (Недатированный самиздат).
259. Хорошев, А. С. (1986). Политическая история русских канонизаций (XI–XVI вв.). – М.
 260. Хощенко, М. В. (1997). Песнопения Марии Египетской в древнерусской традиции XII–XVIII вв. // Рукописные памятники. Публикации и исследования. Вып. 4. – СПб. – С. 163–192.
 261. Чичуров, И. С. (1997). Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI – начало XII в.) // *Russia Mediaevalis IX 1*. – Р. 43–53.
 262. Чубатий, М. (1965). Історія християнства на Русі-Україні. – Т. 1 (Праці Греко-Католицької Богословської Академії, 24–25). – Рим.
 263. Шевырев, С. П. (1846). История русской словесности, преимущественно древней. Т. 1–4. – М; 2-е изд. – 1859–1861.
 264. Шрайнер П. (1991). *Miscellanea Byzantino-Russica* // Византийский временник. Т. 52. – С. 151–160.
 265. Шапов, Я. Н. (1963). Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 год (К 70-летию акад. М. Н. Тихомирова). – М. – С. 37–47.
 266. Шапов, Я. Н. (1966). Правило о церковных людях // Археографический ежегодник за 1965 год. – С. 72–81.
 267. Шапов, Я. Н. (1972а). Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI–XIV вв. – М. – С. 12–135.
 268. Шапов, Я. Н. (1972б). Русская летопись о политических взаимоотношениях древней Руси и Византии // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посв. А. В. Черепнину / под ред. В. Т. Пашуто. – М. – С. 201–208.
 269. Шапов, Я. Н. (1976). Древнерусские княжеские уставы XI–XV веков.
 270. Шапов, Я. Н. (1978). Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. – М.
 271. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» (1995). В 5 томах. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); О. В. Творогов (отв. ред.). – СПб.
 272. Юшков С. В. (1925). Исследования по истории русского права. Устав князя Владимира. (Историко-юридическое исследование). – Новоузенск.
 273. Ягич, В. (1910). История славянской филологии (Энциклопедия славянской филологии, вып. 1). – СПб.
 274. Янин, В. Л. (1982). Новгородский скрипторий рубежа XI–XII веков. Лазарев монастырь // Археографический ежегодник за 1981 год. – М. – С. 52–63.
 275. Янин, В. Л. (1993). Предисловие // Янин, В. Л., Зализняк, А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 годов). – М. – С. 3–18.
 276. Янин, В. Л., Зализняк, А. А. (1993). Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 годов). – М.
 277. Яцимирский, А. И. (1921). Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. – Т. I: Ветхозаветные. – Петроград.
 278. Ammann, A. M. S. J. (1950). *Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte*. – Wien.
 279. Bause, Th. (1796). *Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita*. – М.
 280. Beck, H. G. (1959). *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich (Byzantinisches Handbuch II 1)*. – München.
 281. Benninghoven, F. (1961). *Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann (Nord- und Osteuropäische Geschichtsstudien 3)*. – Hamburg.
 282. Billington, H. J. (1962). *Images of Muscovy* // *Slavic Review XXI*. – 1962. – P. 24–34.
 283. Birnbaum, H. (1988/1989). *When and how was Novgorod Baptized?* // *Harvard Ukrainian Studies XII/XIII*. – P. 505–530.

284. Bonwetsch, N. (1923). Kirchengeschichte Rußlands im Abriß. – Leipzig.
285. Bosley, R. D. (1987). A. A. Šachmatovs These einer verschollenen Vita des hl. Antonij // G. Birkenfellner (Hrg.). Sprache und Literatur Altrußlands (Studia Slavica et Baltica 8). – Münster. – S. 1–5.
286. Boulanine (Bulanin), D. (1992). La littérature de Novgorod (XIe-XVe s.) // Histoire de la littérature russe. Des origines aus Lumières. – <T. 1>. – Paris. – P. 59–85.
287. Brückner, A. (1905). Geschichte der russischen Literatur (Literaturen des Ostens 2). – Leipzig, 2. Aufl. 1909.
288. Bugge, A. (Hrg.) (1960). Contacarium Mosquense (Monumenta Musicae Byzantinae VI). – Kopenhagen.
289. Buhle, J. T. (1810). Versuch einer kritischen Literatur der russischen Geschichte. – M.
290. Burgmann, L. (1992). Bibliographie zur Rezeption des Byzantinischen Kirchenrechtes in der alten Rus' und im Kaukasus (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 18). – Frankfurt a. M.
291. Čertorickaja, T. V., Miklas, H. (1994). Vorläufiger Katalog Kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus. Aus Handschriften des 11.–16. Jhs. Vorwiegend ostslav. Provenienz (Abhandlung von der Akademie der Wissenschaften <Nordrhein-Westfalen> 91 = Patr. Slav. 1. – Opladen.
292. Čiževskij, D. (1960). History of Russian literature: from the eleventh century to the end of the baroque. S-Gravenhage.
293. Deutsche Rechaltertümer (1828). Göttingen; 4-е изд. Leipzig 1900.
294. Die Erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaction (Synodalhandschrift) 1016–1330/1352 (1971). Edition der altrussischen Textes und Faximile der Handschrift im Nachdruck // hrg. von J. Dietze. – München.
295. Die Nestor-Chronik. Eingeleitet und kommentiert von Dmitrij Tschizewskij (Slavistische Handbücher VI) (1969). – Wiesbaden.
296. Die Pandekten des Antiochus Monachus. Slavische Übersetzung und Überlieferung (1989). (Akademisch Proefschrift). – Amsterdam.
297. Dmytryshyn, B. (1967). Medieval Russia. A Source Book 900–1700ю – N.Y. London.
298. Dostál, A., Rothe, H. (Hrg.) (1976–1980). Der altrussische Kondakar'. – Bd. 2–5 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven 8). – Giessen., – Bd. 6. – Köln, 1990.
299. Dvornik, F. (1955/1956). Byzantine Political Ideas in Kievan Russia // Dumbarton Oaks Papers 9/10. – P. 75–121.
300. Esch, A. (1985). Überlieferungs-Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers // Historische Zeitschrift 240. – S. 529–570.
301. Esch, A. (1994). Zeitalter und Menschenalter. Der Historiker und die Erfahrung vergangener Gegenwart. – München.
302. Ewers, J. Ph. G. (1826). Das älteste Recht der Russen in geschichtlicher Entwicklung dargestellt. – Dorpat.
303. Fedotov, G. P. (1966). The Russian Religious Mind. Vol. I: Kievan Christianity, the Tenth to the Thirteenth Centuries. – Harvard.
304. Fennell, J. (1995). A History of the Russian Church to 1448. – London N. Y.
305. Fennell, J., Stokes, A. (1974). Early Russian Literature. – London.
306. Floros, K. (1970). Universale Neumenkunde. – Bd. I–III. – Kassel.
307. Florovsky, G. (1962a). Reply // Slavic Review, vol. XXI, № 1. – P. 39–41.
308. Florovsky, G. (1962b). The Problem of Old Russian Culture // Slavic Review XXI. – P. 1–15.
309. Fonkič, B. L., Poljakov, F. B. (1993). Schicksale der byzantinischen Philologie in Rußland im 20. Jahrhundert // E. Follieri (Hrg.). La filologia medievale e umanistica greca e latina nel secolo XX. Atti del congresso intern. 1989 (Testi e studi bizantino-neoellenici 7). – Rom. – P. 769–819.

310. Forsmann, J. (1970). Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zum Westen. Ein Beitrag zur Geschichte Ost- und Nordeuropas / hrg. von B. Forssmann. – Bern.
311. Franklin, S. (1992). Greek in Kievan Rus' // *Dumbarton Oaks Papers*. – Vol. 46. – P. 69–81.
312. Friedrichs, E. (1921). *Russische Literaturgeschichte*. – Gotha.
313. Fritzler, K. (1923). Die sog. Kirchenordnung Jaroslavs. Ein Denkmal russisch-germanischen Recht. – S. 1–120.
314. Garzaniti, M. (1998). Die spirituelle Dimension der Reise in der Kiever Rus' // *Welt der Slaven XLIII*. – S. 229–238.
315. Gerhardt, D. (1954). Das Land ohne Apostel und seine Apostel // *Festschrift für Dmytro Čyževs'kyj zum 60. Geburtstag* (Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der FU Berlin). – Wiesbaden. – S. 121–141.
316. Goetz, K. L. (1904). Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum der vormongolischen Zeit. – Passau.
317. Goetz, L. K. (1910). *Das russische Recht*. – 1. Bd.: Die älteste Redaktion des russischen Rechts. – Stuttgart. – 2. Bd.: Die zweite Redaktion des russischen Rechtes, Stuttgart 1911. – 3. Bd.: Die dritte Redaktion des russischen Rechts, Stuttgart 1912. – 4. Bd.: Die dritte Redaktion des russischen Rechtes als literarisches Denkmal uns als Rechtsurkunde. – Stuttgart, 1913.
318. Goetz, L. P. (1905). Kirchengeschichtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts [по книге А. С. Павлова «Курс церковного права», Сергиев Посад 1902]. – Stuttgart.
319. Granstrem E., Tvorogov, O., Valevičius, A. (1998). Johannes Chrysostomos im altrussischen Schrifttum des 11.–16. Jahrhunderts. Katalog der Homilien (Abhandlung NRWakW 100 = Patr. Slav. 4). – Opladen.
320. Grasshof, H., Raab, H., Reissner, E., Wegner, M. (1974). *Russische Literatur im Überblick*. – Frankfurt a. M.
321. Grimm, J. (1844). *Deutsche Mythologie*. – Bd. I–III. – Göttingen; 2. Aufl. 1854; 4. Aufl. 1876; новое издание – Frankfurt a. M., 1981.
322. Grimm, J. (1828). *Deutsche Rechtaltertümer*. – Göttingen; 4-е изд. Leipzig 1900.
323. Grimm, J. (1957). Von der Poesie im Recht // *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*. – Bd. II. – 1816. – H. 1. – S. 25–99; новое издание: Darmstadt (Wissenschaftl. Buchgesellschaft. Libelli. Bd. XXXVI); 2-е изд. 1963.
324. Grumel, V. (1947). *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople*. – T. I : Les actes des Patriarques. Fasc. I–II: Les registes de 715 a 1206, Paris; 2-е издание 1989 revue et corrigée par Jean Darrouzès.
325. Hanak, W. K. (1976). Some Conflicting Aspects of Byzantine and Varangian Political and Religious Thought in Early Kievan Rus // *Byzantinoslavica* 37. – P. 46–55.
326. *Handbuch zur Nestorchronik* (1977). / Ludolf Müller (Hrg.). – Bd. I: Die Nestorchronik. Nachdruck der 2. Aufl. des 1. Bandes des PSRL, L., 1926–1928 (*Forum Slavicum* 48). – München; Bd. II: Leonore Scheffler, Textkritischer Apparat zur Nestorchronik (*Forum Slavicum* 49); Bd. III: Barbara Gröber, Ludolf Müller, Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik (*Forum Slavicum* 50), 1986.
327. Hannick, Ch. (1948). *Reference Materials on Byzantine and Old Slavic Music and Hymnography*. – Oxford; 2. erweiterte Aufl. 1961; переиздание – 1998.
328. Hannick, Ch. (1972). *Studien zu liturgischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek (Byzantina Vindobonensia VI)*. – Wien.
329. Hannick, Ch. (1981). Das Hirmologion in der Übersetzung des Methodios // *Международен Симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. МЕТОДИЙ*. Т. 1. – София. – С. 109–117.
330. Hannick, Ch. (1984/1985). Kyrillos und Methodios in der Musikgeschichte // *Musices Aptatio – Liber Annuarius*, 1. – P. 168–177.

331. Hannick, Ch. (1987). Hymnen II. Orthodoxe Kirche // Theologische Realenzyklopaedie. – Bd. XIV. – S. 762–770.
332. Hannick, Ch. (1988a) Das musikalische Leben in der Frühzeit Bulgariens // Byzantinoslavica 49. – S. 23–27.
333. Hannick, Ch. (1988b) Die Anfänge der russischen Hymnographie // K. Felmy (Hrg.). Tausend Jahre Christentum in Rußland. – Göttingen. – S. 807–811.
334. Hannick, Ch. (1988c) Konstantinopel und Bulgarien als Träger der schriftlichen Mission in der Kiever Rus' // Orthodoxes Forum II. – S. 165–176.
335. Hannick, Ch. (1989a). Der Einfluß von Byzanz auf die Entwicklung der bulgarischen Kirchenmusik // R.Lauer/P.Schreiner (Hrg.), Kulturelle Traditionen in Bulgarien (Abh. d. Akad. der Wiss., Phil.-Hist. Kl. Dritte Folge Nr. 177). – Göttingen. – S. 91–102.
336. Hannick, Ch. (1989b). Nikon de la Montagne Noire et sa reception en Russie avant la redaction des Ménéés du métropolitain Macaire // Mille ans de christianisme russe. – P. 123–131.
337. Hannick, Ch. (1990a). Das Tropenwesen in der byzantinischen und in der altrussischen Kirchenmusik // La traduzione dei trope liturgici. – Spoleto. – C. 227–241.
338. Hannick, Ch. (1990b). Nachschlagewerke zur byzantinischen Musik und Hymnographie // Mitteilungen des Mediävistenverbandes 7. – S. 46–56.
339. Hannick, Ch. (1992.). Die liturgische Handschrift in Altrußland // Rivista di Bizantinistica 2. – S. 35–61.
340. Hannick, Ch. (1994). Altslawische Musik // Die Musik in Geschichte und Gegenwart. 2. Aufl. – Bd. I. – Sp. 510–521.
341. Hannick, Ch. (1994). Early Slavic Liturgical Hymns in Musicological Context // Recherche Slavistique 41, c. 9–30.
342. Hannick, Ch. (Hrg.) (1999). Das altrussische Hirmologion (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris). – Freiburg i. Brg..
343. Harder, H.-B. (1973). Untersuchungen zur Umfassung der „Russkaja Pravda“ // Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongreß in Warschau 1973. – München. – S. 126–141.
344. Harder, H.-B. (1978). Zur Frühgeschichte des Namens der Russen und der Bezeichnung ihres Landes // H. Beumann (Hrg.). Aspekte der Nationenbildung im Mittelalter. Ergebnisse der Marburger Rundgespräche 1972–1975 (Nationes Bd. 1). – Sigmaringen. – S. 407–424.
345. Hirsch, A.-B. (1998). Märchen als Quellen für Religionsgeschichte? Ein neuer Versuch der Auseinandersetzung mit den alten Problemen der Kontinuität oraler Tradition und der Datierung von Märchen (Europäische Hochschul-Schriften III 802), Frankfurt a. M., Berlin u. a.
346. Histoire de la littérature russe. Des origines aus Lumières (1992).. – <T. 1>. – Paris.
347. Holm, K. (1997). Rußland im Wiederholungszwang. Der Weise züchtet Blumen: Ein Gespräch mit dem Petersburger Gelehrten Dmitrij Lichatschow // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 28.11.1997.
348. Honigmann, E. (1944). Studies in Slavic Church History // Byzantion 17.– C. 128–182.
349. Hösch, E. (1971). Griechischkenntnisse im alten Rußland // Serta Slavica in memoriam Aloisii Schmaus. – München. – S. 250–260.
350. Hunger und Terror. Mein Leben zwischen Oktoberrevolution und Perestroika (1997). Edition Tertium. – Ostfildern.
351. Johansen, P. (1953). Novgorod und die Hanse // Gedenkschrift Fritz Rörig. – Lübeck. – C. 121–148.
352. Johansen, P. (1975). Die Kaufmannskirche im Ostseegebiet // Studien zur Frühzeit des europäischen Städtewesens. Reichenau–Vorträge 1955–1956. (Vorträge und Forschungen IV). – Konstanz. – S. 499–525.

353. Kappel, G. (1974). Die slavische Vituslegende und ihr lateinisches Original // Wiener Slavistisches Jahrbuch. – Bd. XX. – S. 73–85.
354. Kasack, W. (1997). Russische Literaturgeschichten und Lexika der russischen Literatur. Die Handbücher des 20. Jahrhunderts. Überblick. Einführung. Wegführer. – Konstanz.
355. Kawerau, P. (1984). Ostkirchengeschichte. – Bd. 4. – Louvain.
356. Keipert, H. (1982). Zur Entwicklung slavistischer Studien an der Universität Bonn // Materialien zur Geschichte des Slavistik in Deutschland 1 (Osteuropa-Institut an der FU Berlin, Slavistische Veröffentlichungen 50, 1). – Wiesbaden. – S. 45–80.
357. Keller, F. (1977). Die russisch-kirchenslavische Fassung des Weihnachtskontakions und seiner Prosoimoia (Slavica Helvetica 9). – Bern.
358. Klimenko, M. (1969). Die Ausbreitung des Christentums in Rußland seit Vladimir dem Heiligen bis zum 17. Jahrhundert. Versuch einer Übersicht nach russischen Quellen. – Berlin.
359. Koch, H. (1939). Byzanz, Ochrid und Kiev 987–1037. Zur 950. Wiederkehr des angeblichen Taufjahres (988–1938) // Kyrios. – Bd. 4. – S. 253–292.
360. Koch, H. (1940–1941). Ochrid und Byzanz im Kampf um die Christianisierung Alt-Reussens (Kievs) // Bulgaria. Jahrbuch der Deutsche-Bulgarischen Gesellschaft. – Leipzig. – S. 143–149.
361. Koschmieder, E. (Hrg.) (1952, 1955, 1958). Die ältesten Novgoroder Hirmologienfragmente. – 1.–3. Lieferung (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Kl. N. F. 35, 37, 45). – München.
362. Koschmieder, E., Gardner, Joh. V. (Hrg.) (1963, 1966, 1972). Ein handschriftliches Lehrbuch der altrussischen Neumenschrift, Bd. 1–3 (Bayer. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Kl. Abh. N. F. 57, 62, 68). – München.
363. Laourdas, B., Westerink, G. L. (Hrg.) (1983). Photii patriarchae Constantinopolitani epistulae et amphilochia. – Leipzig.
364. Leitinger, D. (1975). Die Wirkung von Jakob Grimm auf die Slaven, insbesondere auf die Russen // Brüder Grimm Gedenken. – Bd. 2. – Marburg a. d. L. – S. 66–120.
365. Leitinger, D. (1981). Neues zu Jakob Grimms Einfluß in Rußland // Brüder Grimm Gedenken. – Bd. 3. – Marburg a. d. L. – S. 323–333.
366. Lettenbauer, W. (1958). Russische Literaturgeschichte. – Wiesbaden.
367. Lexikon des Mittelalters (1980–1998). Bd. 1–9. – München, Zürich. – Bd. I, 1980. – Bd. V, 1991. – Bd. VI, 1993. – Bd. VII, 1995.
368. Literatura rosyjska (1970). M. Jakóbiec (red.). – T. 1. – Warszawa.
369. Literatura rosyjska w zarysie (1975). Red. Z. Barański, A. Semczuk. – Warszawa.
370. Ljackij, E. A. (1937). Historický přehled ruské literatury. Část I. Staré ruské písemnictví (XI. – lovenského Ústavu v Praze, svazek III). – Praha.
371. Lo Gatto, E. (1942). Storia della letteratura russa. – Roma; 7-е изд.: Firenze, 1990.
372. Lo Gatto, E. (1965). Histoire de la littérature russe : des origines à nos jours. [Bruges].
373. Lunt, H. (1958). On Slavonic Palimpsests // Am. Contributions to the Fourth Intern. Congress Moscow 1958. – s'Gravenhage. – P. 191–208.
374. Lunt, H. (1988). On Interpreting the Russian Primary Chronicle; the Year 1037 // SEEJ 32.– P. 251–264.
375. Luther, A. (1924). Geschichte der russischen Literatur. – Leipzig.
376. Malingoudi, J. (1994). Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhd-s aus diplomatischer Sicht. – Thessaloniki.
377. Marti, R. (1989). Handschrift – Text – Textgruppe – Literatur. Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. bis 14. Jahrhunderts (Slavistische Veröffentlichungen Bd. 68). – Wiesbaden. – S. 153–214.
378. Metallov, V. M. (1984). Russische Semeiographie zur Archäologie und Paläontologie des Kirchengesanges. – München (Sagners Slavist. Sammlung 7).

379. Migne, J. P. (1857–1866). *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca.* – Vol. 1–161.
380. Milidragović, M. (1976). *Stara ruska književnost.* – Sarajevo.
381. Mokřý, L. (Hrg.) (1966). *Anfänge der slavischen Musik (Slov. Akad. d. Wiss. Inst. F. Musikwiss. Symposia 1).* – Preßburg.
382. *Monumenta Poloniae Historica* (1969, 1973). *Nova series, IV 2–3.* – Warszawa.
383. Müller, L. (1959). *Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039 (Osteuropa und der deutsche Osten. Beiträge aus Forschungsarbeiten und Vorträgen der Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen Bd. III).* – Köln-Braunsfeld.
384. Müller, L. (1967). *Die „dritte Redaktion“ der sog. Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag.* – Heidelberg. – S. 171–186.
385. Müller, L. (1971). *Russen und Byzanz und Griechen im Rus'-Reich // Byzance et la Russie Xie au XVe siècle (Bulletin d'information et de coordination 5).* – Athen Paris. – S. 96–118.
386. Müller, L. (1984). *Helden und Heilige aus rissischer Frühzeit. Dreißig Erzählungen aus der altrussischen Nestorchronik (Quellen und Studien zur russischen Geistesgeschichte 3).* – München.
387. Müller, L. (1987). *Die Taufe Rußlands. Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988 (Quellen und Studien zur russischen Geistesgeschichte, Bd. 6).* – München.
388. Müller, L. (1988/1989). *Ilarion und die Nestorchronik // Harvard Ukrainian Studies XII–XIII.* – Harvard. – P. 324–346.
389. Müller, L. (1993). *Eine weitere griechische Parallele zu Ilarions "Slovo o zakone i blagodati" // ТОДРА 48.– C. 100–104.*
390. Müller, L. (1997/1998). *Der Kiever Metropolit Ilarion. Sein Leben und sein Werk // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde.* – Bd. 40–41. – S. 59–83.
391. Müller, M. (Hrg.) (1962). *Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Nach der Erstausgabe von 1844 (Slavistische Studienbücher II).* – Wiesbaden. – S. 187–192.
392. Mur'janov, M. F. (Hrg.) (1999). *Das Dubrovskij Menäum. Edition der Hs. F. p. I 36 (RNB), überarbeitet und mit deutschen Übersetzungen versehen, hrg. von Hans Rothe (NRWakW Abh. 104 = Patr. Slav. 5).* – Opladen.
393. Mur'janov, M. F. / Strachov, A. B. (Hrg.) (1998). *Putjatina mineja na maj // Palaeoslavica Bd. VI.* – S. 114–208.
394. Myers, G. (1998). *The medieval Russian Kondakar and the choirbook from Kastoria: a palaeographic study in Byzantine and Slavic musical relations // Plainsong and Medieval Music.* – Bd. 7. – P. 21–46.
395. Nestor (1802). *Russische er Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt, und erklärt von August Ludwig von Schlözer.* – Göttingen. Bd. 1–2; 1805, Bd. 3–4; 1809, Bd. 5.
396. *Neues Testament des Čudov-Klosters* (1989). *Eine Arbeit des Bischofs Aleksij, des Metropoliten von Moskau und ganz Rußland. Phototypische Ausgabe von Leontij, Metropolit von Moskau, Moskau 1892, mit einer Einleitung herausgegeben von Werner Leheldt.* – Köln-Wien, (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, Band 28).
397. Obolensky, D. (1970). *The Byzantine Sources on the Scandinavians in Eastern Europe // Vatangian Problems. ScandSlav supp. 1.* – P. 149–164.
398. Obolensky, D. (1971). *The Byzantine Commonwealth, Eastern Europe.* – N. Y.–Washington.
399. Obolensky, D. (1976). *Medieval Russian Culture in the Writings of D. S. Likhachev // Oxf. Slav. Pap. IX.* – P. 1–16.

400. Obolensky, D. (1982). *The Byzantine Inheritance of Eastern Europe* (Variorum Reprints 20). – London. – № IX.
401. Obolensky, D. (1988/1989). *Ol'ga's Conversion: The Evidence Reconsidered* // *Harvard Ukrainian Studies* XII–XIII. – P. 145–159.
402. Onasch, K. (1947). *Geist und Geschichte der russischen Ostkirche*. – Berlin.
403. Onasch, K. (1969). *Gross-Novgorod. Aufstieg und Niedergang einer russischen Stadtrepublik*. – Wien – München. – S. 102–135.
404. Ostrogorsky, G. (1968). *History of the Byzantine State*. – Oxford.
405. Pachlovska, O. (1998). *Civita letteraria ucraina*. – Roma.
406. Podkalsky, G. (1982). *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237)*. – München.
407. Podkalsky, G. (1991). *Grundzüge der altrussischen Theologie (988–1237)*. III: *Besondere Aspekte des Mönchtums in der Kiever Rus' (988–1240)* // S. Graciotti (Hrg.), *Il Battesimo delle terre Russe. Bilancio di un millenio* (Civita Veneziana 43). – Florenz. – P. 109–122.
408. Podkalsky, G. (1983). *Der Beitrag der griechischstämmigen Metropoliten (Kiev), Bischöfe und Mönche zur altrussischen Originalliteratur (Theologie) 988–1281* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – Vol. 29. – P. 498–515.
409. Podkalsky, G. (1984/1985). *Symbolische Theologie in der dritten Mönchsrede Kirills von Turov* // *Cyrrillomethodianum* VIII– IX. – S. 49–57.
410. Podkalsky, G. (1985). *Zum geistigen Erbe der cyrrillo-methodianischen Tradition in der theologischen Literatur der Kiever Rus' (988–1237)* // *Byzantinoslavica* 46. – S. 131–135.
411. Podkalsky, G. (1988). *Das Gebet in der Kiever Rus' – seine Formen, seine Rolle, seine Aussagen* // *Orthodoxes Forum*. – Bd. 3. – S. 177–191.
412. Podkalsky, G. (1988/1989). *Der hl. Feodosij Pečerskij – historisch und literarisch betrachtet* // *Harvard Ukrainian Studies* XII–XIII. – P. 714–726.
413. Podkalsky, G. (1993). *Sakramente und Sakramentaltheologie in der Kiever Rus' // Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre christliches Rußland 988–1988* (Schriften des Komitees der BR Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien 16). – Köln. – S. 217–239.
414. Polikarpova-Verdeil, R. (1953). *La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes* (Mon. Mus. Byz., Subs. 3). – Kopenhagen.
415. Popovski, J. (1989). *The Pandects of Antiochus: Slavic Text in Transcription* / *Polata knigopisnaja* 23–24 (1989); on microfiche: *Early Slavic Texts on Microfiche V*, Vol. 2. – Leiden.
416. Poppe, A. (1968). *Państwo i kościół na Rusi w XI w.* – Warschau.
417. Poppe, A. (1976). *The Political Background to the Baptism of Rus'. Byzantine-Russian Relations between 986–89* // *Dumbarton Oaks Papers* 30. – P. 197–244.
418. Poppe, A. (1980). *Das Reich der Rus' im 10. und 11. Jahrhundert: Wandel der Ideenwelt* // *Jahresbuch für Geschichte Osteuropas*, 28. – S. 335–354.
419. Proyard, J. de. (1989). *La Bible slave // Le Grand Siècle et la Bible* / Sous la direction J.-R. Armogathe. – Paris. – P. 383–422.
420. *Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters* (Frh. v. Stein-Gedächtnis Ausgabe) (1975). – Darmstadt (Wiss. Buchgemeinschaft), hrg. von R. Rau.
421. Reinholt, A. (1886). *Geschichte der russischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit*. – Leipzig.
422. Rothe, H. (1981, 1984/1985). *Kontakien auf russische Heilige im altrussischen Kondakar'* // *Byzantine Studies*. Bd. 8, 11, 12 (Festschrift für Antonín Dostál). – S. 333–341.
423. Rothe, H. (1995). *Slavia Latina in the Middle Ages between Slavia Orthodoxa and the Roman Empire (the Pope and the Emperor)* // *Cultura letteraria medievale slava*

- fra Bisanzio e Roma: prospettive di ricerca (Atti del convegno di Castel Ivano 24–25 settembre 1993), Rich. Slav. – Bd. 42. – S. 75–87.
424. Rothe, H. (1997). Über Gattungen in der ältesten Literatur der Ostslaven // Sprache – Text – Geschichte. Festschrift für Klaus Dieter Seemann (Specimina Philologiae Slavicae. Suppl. 53). – München. – S. 253–264.
425. Rüss, H. (1997). Varäger // Lexikon des Mittelalters. Bd. VIII. – Sp. 2036 – 2039.
426. Santos-Otero, A. De. (1978, 1981). Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. – Bd. I–II (Patristische Texte und Studien 20, 23). – Berlin – N. Y.
427. Schick, E. (1945). Kirchengeschichte Rußlands in Grundzügen. – Bd. I. – Basel.
428. Schlüter, W. (1914). Die Novgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII Jahrhundert. – Dorpat.
429. Schmidt, E (Hrg.) (1974)., Briefwechsel der Brüder [Jakob und Wilhelm] Grimm mit nordischen Gelehrten. – Walluf.
430. Scholz, F. (1987). Studien zu den Gebeten Kirills von Turov. I: Die angelologischen Vorstellungen in ihrem Verhältnis zur Tradition und Versuch einer Gattungsbestimmung // G. Birkfellner (Hrg.). Sprache und Literatur Altrußlands (Studia Slavica et Baltica 8). – Münster. – S. 167–220.
431. Schott, R. (1994). Kultur und Sprache. Franz Boas als Begründer der anthropologischen Linguistik // Franz Boas 1858–1942. Ein amerikanischer Anthropologe aus Minden. – Bielefeld. – S. 55–85.
432. Schreiner, P. (1992). Zum Bild der Russen in der byzantinischen Literatur // The Legacy of SS. Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. – Thessaloniki. – P. 417–425.
433. Seemann, K. D. (1976). Die altrussische Wallfahrtsliteratur (Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste 24). – München. – S. 173–204.
434. Setchkareff, V. (1949). Geschichte der russischen Literatur im Überblick. – Bonn.
435. Ševčenko, I. (1988/1989). Religious Missions seen from Byzantium // Harvard Ukrainian Studies XII–XIII. – P. 7–27.
436. Siefkes, F. (1970). Zur Form des Žitije Feodosija. Vergleichende Studien zur byzantinischen und altrussischen Literatur (Osteuropastudien des Landes Hessen. Reihe III: Frankfurter Abhandlung zur Slavistik 12). – Bad Homburg v. d. H. Berlin – Zürich.
437. Sjöberg, A. (1984/1985). Two Slavonic Parchment Folios in the Uppsala University Library // Cyrillomethodianum VIII–IX (в честь Лихачева). – P. 199–201.
438. Słownik Starożytności Słowiańskich (1970). – T. IV. – Wrocław.
439. Smolenskij, S. V. (1976). Pal'ographischer Atlas der altrussischen linienlosen Gesangsnotationen (Bayer. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Kl. Abh. N. F. 80). – München.
440. Smolitsch, I. (1953). Russisches Mönchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen 988–1917 (= Das östliche Christentum, Abhandlungen, im Auftrag der "Arbeitsgemeinschaft der deutschen Augustinerordensprovinz zum Studium der Ostkirche" hrsg. von H. Biedermann, OESA, Neue Folge, Heft 10/11). – Würzburg. – S. 50–118.
441. Soloviev, A. V. (1956). Der Begriff „Russland“ im Mittelalter // G. Stökl (Hrg.). Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. – 1. Teil: Festschrift für H. F. Schmid (Wiener Arch. f. Gesch. d. Slawentums und Osteuropas. Veröff. d. Inst. f. osteurop. Gesch. Bd. II). – Köln–Graz. C. 143–168.
442. Soloviev, A. V. (1957). Le nom byzantine de la Russie (Musagetes III). – s'Gravenhage.
443. Soloviev, A. V. (1959). Der Einfluß des byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas // Zeitschrift d. Savigny Stiftung. Rechtsgesch. Romanist. Abt. 76. – S. 432–479.
444. Stender-Petersen, A. (1934). Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik (Acta Jutlandica VI 1). – Kopenhagen.
445. Stender-Petersen, A. (1957). Geschichte der russischen Literatur. – B. 1. – München.
446. Stokes, A. (1958). The Status of the Russian Church 988–1037 // SEER 37. – P. 430–452.

447. Stökl, G. (1966). Kanzler und Metropolit // Studien zur Geschichte Osteuropas. III. Teil. Gedenkband für H. F. Schmid (Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums und Osteuropas 5). – Graz – Köln. – S. 150–175.
448. Stökl, G. (1981). Der russische Staat in Mittelalter und früher Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze. – Wiesbaden.
449. Stökl, G. (1990). Russische Geschichte. – Stuttgart (5-е изд.); 1-е изд. – 1962.
450. Strömer, O. (1987). Die altrussischen Handschriften liturgischer Gesänge in sematischer Notation als Hilfsmittel des slavischen Akzentologie (Slavist. Beiträge 209). – München.
451. Tachiaos, A. E. (1988/1989). The Greek Metropolitans of Kievan Rus': An Evaluation of their Spiritual and Cultural Activity // Harvard Ukrainian Studies Bd. XII–XIII. – Harvard. – P. 430–445.
452. Tachiaos, A. E. (1977). Mount Athos and the Slavic Literatures // Cyrillomethodianum IV. – P. 1–35.
453. Taft, R. F. (1995). Liturgy in Byzantium and beyond. – Yarmouth.
454. Thalberg, M. (1959). История русской церкви. – Jordanville (N. Y.).
455. The Lavrsky Troitsky Kondakar (1994).. Comp. Gregory Myers. Monumenta Slavico-Byzantina et. Mediaevalia Europensia. – Vol. IV. – Sofia.
456. The New Grove Dictionary of Music and Musicians (1980). – London. – III.
457. Thomson, F. J. (1978). The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and its Implications for Russian Culture // Slavica Gandensia 5. – P. 107–139.
458. Thomson, F. J. (1979). The Ascription of the Penitential «Заповеди святых отец к исповедающему сыном и дъщеремъ to Metropolitan George of Kiev» // Russia Mediaevalis IV. – P. 5–15.
459. Thomson, F. J. (1983). Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia // Slavica Gandensia 10. – P. 65–102.
460. Thomson, F. J. (1988a). The Implication of the Absence of Quotations of Untranslated Greek Works in Original Early Russian Literature, together with a Critique of a Distorted Picture of Early Bulgarian Culture // Slavica Gandensia 15. – P. 63–91.
461. Thomson, F. J. (1988b). The Transmission of Texts and the Byzantine Legacy to Kievan Rus' // Australian Slavonic and East European Studies 22, 2.
462. Thomson, F. J. (1988/1989). The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma // Harv. Ukr. Stud. – T. XII/XIII. – P. 214–261.
463. Thomson, F. J. (1990). A Guide to Slavonic Translations from Greek down to the End of the XIVth Century // Славянская палеография и дипломатика. – София. – С. 27–36.
464. Thomson, F. J. (1991). Les cinq traductions slavonnes du libellus de fide orthodoxa de Michel le Syncelle et les mythes de l'arianisme de saint Méthode, apôtre des Slaves, ou d'Hilarion, métropolitte de Russe, et de l'existence d'une Église arienne à Kiev // Revue des études slaves 43. – P. 19–54.
465. Thomson, F. J. (1993a). The Corpus of Slavonic Translations available in Muscovy // California Slavic Studies XVI. – P. 181–214.
466. Thompson, F. J. (1993b). "Made in Russia". A Survey of the Translations Allegedly made in Kievan Russia // Millenium Russiae Christianae. Tausend Jahre christliches Rußland 988–1988 (Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der slawischen Studien 16). – Köln. – S. 295–354.
467. Thomson, F. J. (1995a). Saint Anthony of Kiev – the Facts and the Fiction. The legend of the blessing of Athos upon early Russian monasticism // Byzantinoslavica. – Vol. 56. – P. 637–668.

468. Thomson, F. J. (1995b). The Distorted Mediaeval Russian Perception of Classic Antiquity: The Causes and the Consequences // *Mediaevalia Lovanensia*. – Ser. I / Stud. XXIV. – Leuven. – P. 303–364.
469. Thomson, F. J. (1998). The Slavonic Translations of the Old Testament // *The Interpretation of the Bible*. – Laibach Sheffield. – P. 605–920.
470. Trubetzkoy, N. S. (1973). *Vorlesungen über die altrussische Literatur*. Mit einem Nachwort von R. O. Jakobson. – Florenz.
471. Trunte, N. H. (2000). Zur Rekonstruktion des slavischen Synaxarions des 9. Jahrhunderts nach dem Apostolos von Enina // *Zeitschrift für slavische Philologie*. – B. 59/1. – Heidelberg. – C. 1–36.
472. Tschizewsky, D. (1948). *Geschichte der altrussischen Literatur im 11, 12 und 13. Jahrhundert, Kiever Epoche*. – Frankfurt am Main.
473. Tschizewsky, D. (1950). Anklänge an die Gumpoldslegende des hl. Václav in der altruss. Legende des hl. Feodosij und das Problem der „Originalität“ der slavischen mittelalterlichen Werke // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. – I. – S. 71–86.
474. Tschizewsky, D. (1960). *History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque (Slavistic Printings and Reprintings XII)*. – 's-Gravenhage.
475. Udolph, L. (1986). Stepan Petrovič Ševyrev 1820–1836. Ein Beitrag zur Entstehung der Romantik in Russland (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven 26). – Köln.
476. v. Reutz, A. M. F. (1828). *Versuch über geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung*. – Mitau.
477. Vašica, J. (1951). Origine Cyrillo-Méthodienne du plus ancien Code Slave dit „Zakon sudnyj ljudem“ // *Byzantinoslavica XII*. – P. 156–174.
478. Vasmer, M. (1955). *Russisches etymologisches Wörterbuch*. – Bd. II. – Heidelberg.
479. Velimirović, M. (1960). Byzantine Elements in Early Slavic Chant: the Hirmologion (Mon. Mus. Byz., Subs. 4). – Kopenhagen.
480. Velimirović, M. (1984/1985). Evolution of the Musical Notation in Medieval Russia // *Cyrillomethodianum VIII–IX*. – S. 165–173.
481. Verdières, C. (1857). *Origines catholiques de l'église russe jusqu'au XII siècle // Études de théde philosophie et d'histoire*. Vol. 2. – Paris. – P. 131–304.
482. Vernadsky, G. (1941). The Status of the Russian Church during the First Half-Century, Following Vladimir's Conversion // *SEER* 20. – C. 294–314.
483. Vodoff, W. (1988). La naissance de la chrétienté russe. La conversion du prince Vladimir de Kiev 988 et son conséquences (Xie–XIIIe siècles). – Paris.
484. Wanczura, A. (1923). *Szkolnictwo w starej Rusi*. Z przedmową prof. A. Brücknera, Lwów – Warszawa – Kraków. – S. 87–132
485. Wehrmeyer, A. (Hrg.) (1999). *Die Kirchenmusik in Russland. Von den Anfängen bis zum Anbruch des 20. Jahrhunderts (Studia slavica musicologica 14)*. – Berlin. – S. 1–36.
486. Weiher, E. (1987). Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der ksl. Übersetzung (Mon. Ling. Slav. Dial. Vet. 25). – Freiburg im Breisgau.
487. Wyncken-Galibin, R. (1993). „Den Menschen steht der Sinn nicht nach Kunst“. Ein Gespräch mit D. Lichatschow // *Süddeutsche Zeitung*. – 28.6.1993.
488. Žužek, I. (1964). *Kormčaja kniga*. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law (*Orientalia Christiana Analecta* 168). – Rom.